SciPress.ru

Научно-издательский центр
ОТКРЫТОЕ ЗНАНИЕ
РИНЦ УДК ББК ГОСТ ISBN ISSN DOI SCOPUS COPYRIGHT

Международный
научно-практический журнал

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

№06 (62), 2020

ISSN 2412-8953

9 772412 895307

Нижний
Новгород

www.scipress.ru/philology

УДК 8

ББК 80/83

Ф 51

Филологический аспект: международный научно-практический журнал. Нижний Новгород: Научно-издательский центр «Открытое знание», 2020. №06 (62). 153 с.

ISSN 2412-8953

В международный научно-практический журнал «Филологический аспект» включены статьи по всем направлениям филологической науки научных сотрудников России и зарубежных стран. Журнал предназначен для научных и педагогических работников, преподавателей, аспирантов, магистрантов и студентов с целью использования в научной работе и учебной деятельности.

Все статьи, включенные в сборник, прошли рецензирование и представлены в авторской редакции. Ответственность за аутентичность и точность цитат, имен, названий и иных сведений, а также за соблюдение законов об интеллектуальной собственности несут авторы публикуемых материалов. Точка зрения редакции не всегда совпадает с точкой зрения авторов.

Информация об опубликованных статьях предоставлена в систему Российского индекса научного цитирования – РИНЦ по договору № 358-05/2015.

Электронная версия номера находится в свободном доступе на сайте журнала http://scipress.ru/philology/

Данный сборник распространяется по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 Всемирная (CC BY 4.0)

ISSN 2412-8953

УДК 8

ББК 80/83

© Научно-издательский центр «Открытое знание», 2020

© Коллектив авторов, 2020

© Главный редактор Плесканюк Т.Н., 2020

Главный редактор:

Плесканюк Татьяна Николаевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры иноязычной профессиональной коммуникации Нижегородского государственного педагогического университета имени Козьмы Минина (Мининский университет).

Редакционный совет:

Александрова Ирина Викторовна – доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры русской и зарубежной литературы, Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского, г. Симферополь, Республика Крым, РФ

Акимова Эльвира Николаевна – доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры русской словесности и межкультурной коммуникации, Государственный институт русского языка им. А. С. Пушкина, Москва, РФ

Грачёв Михаил Александрович – доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой русской филологии и общего языкознания, Нижегородский государственный лингвистический университет им. Н.А. Добролюбова, заведующий Лабораторией социопсихолингвистических исследований, член Гильдии лингвистов-экспертов по информационным и документационным спорам, г. Н. Новгород, РФ

Костецкий Виктор Валентинович – доктор философских наук, профессор кафедры общественных и гуманитарных наук, Санкт-Петербургская государственная консерватория им Н.А. Римского-Корсакова, г. Санкт-Петербург, РФ

Кудряшов Игорь Васильевич – доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка и литературы, Арзамасский филиал Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского, г. Арзамас, РФ

Мирзоева Лейла Юрьевна – доктор филологических наук, профессор кафедры языкового образования, университет им. Сулеймана Демиреля, г. Алматы, Республика Казахстан

Нагорный Игорь Анатольевич – доктор филологических наук, профессор, Институт иностранных языков Цзилиньского университета, г. Чанчунь, Китай

Николаенко Сергей Владимирович – доктор педагогических наук, доцент, декан филологического факультета, Витебский государственный университет имени П.М.Машерова, г. Витебс, Республика Беларусь

Пацюкова Ольга Алексеевна – доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка и культуры речи, Нижегородский государственный педагогический университет имени К. Минина, г. Н.Новгород, РФ

Радбиль Тимур Беньюминович – доктор филологических наук, заведующий кафедрой теоретической и прикладной лингвистики, профессор, Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского, профессор кафедры прикладной лингвистики и межкультурной коммуникации НИУ ВШЭ, г. Н.Новгород, РФ

Сметанина Ольга Михайловна – доктор культурологии, кандидат психологических наук, доцент, профессор кафедры иностранных языков и профессионального лингвообразования Нижегородского института управления, филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, г. Н.Новгород, РФ

Редакционная коллегия:

Андреева Людмила Анатольевна – кандидат филологических наук, доцент, Гуманитарный институт североведения, Югорский государственный университет, г. Ханты-Мансийск, РФ

Аймагамбетова Малика Муратовна – кандидат филологических наук, заведующий кафедрой иностранной филологии и переводческого дела, Казахский национальный университет имени аль-Фараби, г. Алматы, Республика Казахстан

Безруков Андрей Николаевич – кандидат филологических наук, доцент кафедры филологии, Башкирский государственный университет, Бирский филиал, г. Бирск Республика Башкортостан, РФ

Белова Екатерина Евгеньевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры теории и практики иностранных языков и лингводидактики, Нижегородский государственный педагогический университет имени К. Минина, г. Н. Новгород, РФ

Воронцова Татьяна Юрьевна – кандидат филологических наук, доцент, заведующий кафедрой восточных и европейских языков, Нижегородский государственный лингвистический университет им. Н.А. Добролюбова, г. Н. Новгород, РФ

Воропаев Николай Николаевич – кандидат филологических наук, научный сотрудник, отдел языков Восточной и Юго-Восточной Азии, Институт языкознания РАН, г. Москва, РФ

Дехтярева Елена Витальевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры украинской филологии факультета славянской филологии и журналистики Таврическая академия, Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского, г. Симферополь, Республика Крым, РФ

Жампейсова Жанар Муратбековна – кандидат филологических наук, доцент кафедры журналистики, регионоведения и переводческого дела, Казахская головная архитектурно-строительная академия, г. Алматы, Казахстан

Коптелова Ирина Евгеньевна – кандидат философских наук, заведующий кафедрой английского языка факультета международных отношений и международного права, Дипломатическая академия МИД России, г. Москва, РФ

Маркова Татьяна Дамировна – кандидат филологических наук, доцент кафедры стилистики русского языка и культуры речи, Нижегородский государственный лингвистический университет им. Н.А. Добролюбова, г. Н. Новгород, РФ

Новоградская-Морская Нинель Антоновна – кандидат педагогических наук, доцент, доцент кафедры иностранных языков, Донецкая академия управления и государственной службы при Главе Донецкой Народной Республики, г. Донецк, ДНР

Овчинникова Ольга Алексеевна – кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры социально-гуманитарных дисциплин, Брянский филиал РАНХиГС, г. Брянск, РФ

Пепеляева Софья Валерьевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры культорологии ФАиД, Нижегородский государственный архитектурно-строительный университет, г. Н. Новгород, РФ

Петрова Инна Михайловна – кандидат филологических наук, доцент, заместитель заведующего кафедрой по учебно-методической работе, Московский городской педагогический университет, Институт иностранных языков, г. Москва, РФ

Резунова Мария Владимировна – доцент, кандидат филологических наук, заведующий кафедрой социально-гуманитарных дисциплин, Брянский филиал РАНХиГС, **г. Брянск, РФ**

Сегал Наталья Александровна – кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры русского, славянского и общего языкознания, Крымский Федеральный университет им. В. И. Вернадского, г. Симферополь, Республика Крым, РФ

Сергиенко Елена Евгеньевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры восточных и европейских языков, директор ресурсного центра итальянского языка, Нижегородский государственный лингвистический университет им Н.А. Добролюбова, г. Н. Новгород, РФ

Солодовникова Татьяна Владимировна – кандидат филологических наук, доцент кафедры романских языков факультета международных отношений, Белорусский государственный университет, г. Минск, Республика Беларусь

Твердохлеб Ольга Геннадьевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры языкознания и методики преподавания русского языка, Оренбургский государственный педагогический университет, г. Оренбург, РФ

Трофимова Елена Владимировна – кандидат филологических наук, доцент кафедры английской филологии, Донецкий национальный университет, г. Донецк, ДНР

Чиронов Сергей Владимирович – кандидат филологических наук, доцент, заведующий кафедрой японского, корейского, индонезийского и монгольского языков, Московский государственный институт международных отношений МИД России, г. Москва, РФ

Шашкова Валентина Николаевна – кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры иностранных и русского языков, Орловский юридический институт МВД России имени В.В. Лукьянова, г. Орел, РФ

Щербина Сергей Юрьевич – кандидат филологических наук, доцент кафедры романо-германской филологии и межкультурной коммуникации, Педагогический институт Тихоокеанского Государственного университета, г. Хабаровск, РФ

Материалы печатаются с оригиналов, поданных в оргкомитет, ответственность за достоверность информации несут авторы статей

ОГЛАВЛЕНИЕ

Русский язык 7

Петров С.В. О причинах возникновения грамматической ошибки со словом *ихний* в русском языке 7

Сальникова В.В., Таразова З.Х. Заимствованная лексика в речи студентов-бакалавров: опытно-экспериментальное исследование 11

Языки народов Российской Федерации 17

Герляк Н.А. Бытовая лексика хантыйского языка в лексикографических источниках (на материале казымского диалекта) 17

Киселев М.Ю. К истории чувашского слова «пиво»: позиция А.П. Прокопьева 22

Германские языки 28

Каримова Р.Х., Тимофеев А.А. Семантическое поле «Погода» (на примере лексики английского языка) 28

Попович Е.С. Лингвистические и экстралингвистические функции неологизмов ... 37

Фомичева М.П., Буцурадзе Л.З. Эллипсис как эффективный инструмент экономии языковых средств в современной немецкой прессе 43

Романские языки 53

Николаева И.Н. Явление акронимии в рамках языка французской молодежи 53

Сластникова Т.В., Антюшина П.О. Семантические и синтаксические особенности обобщающего высказывания в современном французском языке 62

Теория языка 72

Бурдина Е.А. Язык и общество в рамках категории рода: феминитивы в современной ортологии 72

Кожанова Н.В. Грамматические средства спецификации пола лица в немецкоязычных наименованиях лиц по профессии 79

Логинов С.Ю. Специфика перевода юридической терминологии 84

Самоленкова А.А. Особенности использования английского языка русскоязычными пользователями Twitter 93

Степанова Е.Д. Структурно-семантический анализ фразеологических единиц с компонентом «деньги» в русском и английском языках в когнитивном аспекте ...108

Сравнительно-историческое, типологическое и сопоставительное языкознание 116

Халмуратов И.О. Ономастико-грамматические свойства ойконимов Южного Каракалпакстана 116

Прикладная и математическая лингвистика 124

Дьякова А.В. Способы гендерной нейтрализации в американской политической коммуникации 124

Русская литература 130

Каминская Е.М. Новелла С.Д.Кржижановского «Сбежавшие пальцы» в аспекте теоретической триады «Текст–контекст–метатекст» 130

Керимова С.У. Тактика комплимента в эпиграммах В. Гафта 139

Литература народов стран зарубежья 145

Давыденко Е.Н., Осадчая Т.Ю. Поэтика кинематографа в современной литературе (на материале романа И. Макьюэна «Суббота») 145

РУССКИЙ ЯЗЫК

УДК 81

О причинах возникновения грамматической ошибки со словом *ихний* в русском языке

Петров Сергей Валерьевич
кандидат филологических наук, преподаватель русского языка
Межкультурный институт языков Liden & Denz, РФ, г. Москва
etserp@gmail.com

On the causes of a grammatical error with the word *theirs* in Russian

Petrov Sergei Valerievich
PhD in Philology, Russian teacher, Intercultural Institute of Languages
Russian Federation, Moscow

Аннотация. В настоящем исследовании анализируется одна из наиболее распространенных грамматических ошибок в русском языке – ошибка со словом *ихний*, представляющая собой аналог местоимения 3-го лица множественного числа с посессивным значением. Объект исследования – лингвистическая природа лексемы *ихний*, предполагающая решение комплекса вопросов, связанных с причинами ее возникновения и употребления в русском языке. В ходе исследования была выявлена ключевая роль закона аналогии языка как фактора, определившего появление данной лексемы. Кроме того, было установлено, что лексема *ихний* выполняет в языке функцию унификации (выравнивания) парадигмы местоимений с посессивным значением.

Ключевые слова: грамматическая ошибка, лексема *ихний*, притяжательные местоимения, закон аналогии языка

Abstract. The present study analyzes one of the most common grammatical errors in the Russian language - an error with the word *theirs*, which is an analogue of the 3rd person plural pronoun with a possessive meaning. The object of study is the linguistic nature of *theirs* lexeme, which embraces a set of issues to be solved. This set is related to the causes of its genesis and use in Russian. The study revealed the key role of the law of language analogy as a factor that determines the genesis of this lexeme. In addition, it was found out that *theirs* lexeme in the language performs the function of unification (alignment) of the paradigm of pronouns with a possessive meaning.

Keywords: grammatical error, *theirs* lexeme, possessive pronouns, the law of language analogy

Употребление слова *ихний* в качестве притяжательного местоимения 3-го лица множественного числа вместо нормативной формы *их* относится к числу наиболее частотных грамматических ошибок, допускаемых носителями современного русского языка. Вместе с тем, само слово *ихний* имеет длительную историю своего существования и давнюю традицию употребления: оно берет начало еще в XVII в. и получает довольно широкое распространение в живой речи, постепенно проникая и в

художественную литературу. Слово *ихний* можно встретить в произведениях А.С. Пушкина, Н.В. Гоголя, Ф.М. Достоевского, М.Е. Салтыкова-Щедрина и других русских классиков: *У* ***ихней*** *двери стоял какой-то мужик с бляхой на груди* (Ф.М. Достоевский. Братья Карамазовы) [1, с. 145]. Правда, используется оно, как правило, для речевой характеристики персонажей из народа. Таким образом, просторечный характер данной лексемы явственно ощущается уже тогда. Любопытно, однако, что, даже несмотря на довольно активное использование слова *ихний* в русской литературе XIX в., оно так и не вошло в литературный язык и не стало нормой. И по сей день оно является просторечным, сниженно-разговорным вариантом местоимения *их*, свойственным речи не вполне грамотных людей. В этой связи часто приводят высказывание Ф.И. Буслаева, которое сохраняет свою актуальность и в наши дни: «Притяжательное местоимение ихный, столь употребительное в речи разговорной и столь необходимое, еще довольно туго входит в язык книжный» [2, с. 118].

Изложив выше основные пункты в истории вопроса, считаем необходимым подчеркнуть, что задачей настоящего исследования не является рассмотрение диахронического аспекта, связанного с историей возникновения и распространения лексемы *ихний,* во всей его полноте. Этот вопрос представляется вполне изученным. В частности, он подробно освещен в работах Е.Р. Добрушиной, Д.В. Сичинавы [3]. Фокус данного исследования находится в рамках собственно лингвистического аспекта данного языкового явления, который затрагивает причины и внутренний имманентный механизм образования лексемы *ихний* в русском языке.

Чтобы ответить на вопрос о причинах, обусловивших появление слова *ихний* в русском языке, целесообразно рассмотреть его в сопоставлении с его нормативным вариантом – местоимением 3-го лица множественного числа *их*. При этом следует учитывать идею синсемантичности языковых единиц, сущность которой заключается в том, что языковая единица может быть понята и осмыслена во всем объеме ее плана содержания только в составе единицы высшего уровня [4, с.176]. Так, если говорить о слове, то оно реализует не только свое лексическое, но и грамматическое значение в рамках словосочетания и предложения. Исходя из этого, употребление лексемы *их* в таких лексико-грамматических контекстах, как *Это их дом* и *Я их вижу* позволяет сделать вывод о наличии у нее двух релевантных грамматических значения – значения местоимения 3-го лица множественного числа родительного падежа со значением посессивности, т.е. в функции притяжательного местоимения, - с одной стороны, и 3-го лица множественного числа винительного падежа в функции прямого

дополнения при глаголе *видеть* – с другой. В результате возникает нежелательная грамматическая омонимия, снять которую, очевидно, позволяет словоформа *ихний*. Таким образом, наличие такого рода омонимии применительно к местоимению *их* является одной из причин возникновения в речевом обиходе такого слова, как *ихний*. Но эта причина не единственная и, вероятно, не главная.

Еще одна причина, связанная с генезисом лексемы *ихний*, носит так же сугубо грамматический характер. В частности, она имеет отношение к синтаксическим связям. Если обратиться к притяжательным местоимениям 1-го и 2-го лица единственного и множественного числа *мой, твой, наш, ваш*, то, как известно, между ними и именем существительным, которое они определяют, имеет место такой вид подчинительной связи, как согласование. Подобно прилагательным, *мой, твой, наш, ваш* согласуются с главным словом в роде и числе (*мой дом, моя машина)*. Кроме того, указанные местоимения изменяются по падежам, т.е. склоняются: *моего дома, моему дому, моей машине, мою машину* и т.д. Не случайно, на этом основании в Русской грамматике под редакцией Н.Ю. Шведовой они обозначаются термином *местоименные прилагательные* [5]. Такие местоимения являются продуктивными единицами языка, поскольку выражают сразу несколько грамматических значений, что позволяет избежать двусмысленности и грамматической омонимии.

Совсем иначе обстоит дело с местоимениями 3-го лица, в том числе, с местоимением *их*. В словосочетаниях типа *их дом, их машина* наличествует другой вид подчинительной связи - примыкание. В такого рода словосочетаниях слово *их* не зависит ни от рода, ни от числа существительного, не изменяется оно и по падежам, по сути дела, являясь неизменяемой формой, что делает эти местоимения в некотором смысле неполноценными и ограниченными в выражении грамматических значений. «Уязвимость» местоимений 3-го лица особенно явно ощущается в изолированной синтаксической позиции, например, при ответе на вопрос: *Чья это книга? Их*! В данной позиции довольно распространено употребление лексемы *ихний*: *Чья книга? Ихняя!* Таким образом, несоотносимость местоимений 3-го лица с родом, числом и падежом существительного, с которым они связаны, очевидно, делает их в сознании носителей русского языка своего рода неполноценными и побуждает каким-то образом компенсировать эту неполноценность посредством употребления лексемы *ихний*, которая, подобно, притяжательным местоимениям 1-го, 2-го лица, согласуется с существительным в роде (*Это ихняя книга*), числе (*Это ихние книги*) и падеже (*Блокнот лежит рядом с ихней книгой*).

Итак, в парадигме местоимений с грамматическим значением посессивности наблюдается некий диссонанс, или несоответствие, при этом языковая система устроена так, что она стремится к определенной унификации составляющих ее языковых единиц. И здесь в силу вступает один из основополагающих универсальных законов языка – закон аналогии. В Лингвистическом энциклопедическом словаре аналогия определяется как «процесс формального и/или семантического уподобления одной единицы языка другой или перенос отношений, существующих в одной паре (серии) единиц, на др. пару (серию)» [6, с.31]. Примеров действия закона аналогии в русском языке весьма много. В частности, новые глаголы, заимствованные из английского, типа лайкать / лайкнуть спрягаются по аналогии с моделью *макать / макнуть*.

Действием закона аналогии можно объяснить и появление в русском языке лексем *ихний, евонный, её́нный*. Притяжательные местоимения 1-го и 2-го лица, будучи продуктивными, типическими, а следовательно, доминантными единицами парадигмы, оказывают влияние на ее «атипичные» элементы, коими в данном случае оказываются местоимения 3-го лица. В результате по аналогии с *мой дом, моя машина* возникает *ихний дом, ихняя машина*: *В ихнем доме много мебели. Мы доехали на ихней машине* и т.п. Таким образом происходит выравнивание всей парадигмы притяжательных местоимений.

Между тем, следует еще раз подчеркнуть, что лексемы типа *ихний, евонный*, при всей своей употребительности и формальном соответствии их нормативным аналогам 1-го и 2-го лица, так и не кодифицированы в языке в качестве нормы. В.С. Волк полагает, что причины этого «кроются в консерватизме литературного языка, препятствующем проникновению непрестижной формы» [7, с. 525]. Однако, как он считает, «можно утверждать, что с течением времени ситуация постепенно меняется» [7, с. 525]. При этом, исследователь указывает на особый статус местоимения *ихний*, который «несомненно и очень давно значительно сильнее других приблизился к литературному языку» [7, с. 531].

Итак, в ходе данного исследования было установлено, что лексема *ихний,* которая на сегодняшний день квалифицируется как грамматическая ошибка, равно как другие аналоги местоимений 3-го лица со значением принадлежности (евонный, ее́нный), возникла вследствие закона аналогии языка по модели доминантных форм 1-го и 2-го лица (мой, твой, наш, ваш), что продиктовано имманентным стремлением языковой системы к унификации, в данном случае – к выравниванию парадигмы

притяжательных местоимений, а также стремлением избежать нежелательной омонимии форм родительного и винительного падежа у местоимений 3-го лица.

Список литературы

1. Достоевский Ф.М. Братья Карамазовы: роман: ч. 3-4. Харьков: Фолио, 2012. – 471 с.
2. Буслаев Ф. И. Историческая грамматика русского языка. М.: Учпедгиз, 1959. – 624 с.
3. Добрушина Е.Р., Сичинава Д.В. Кочующая норма, или микродиахронические похождения слова ихний в русском, украинском и белорусском языках // Вопросы языкознания. 2015. № 2. с. 41-54.
4. Петров С.В. Денотативный подход к художественному тексту в обучении русскому языку как иностранному // Modern Humanities Success. 2020. № 3. с. 176-179.
5. Русская грамматика / Гл. ред. Н.Ю. Шведова. – М.: Наука, 1980. – 783 с.
6. Лингвистический энциклопедический словарь / Гл. ред. В. Н. Ярцева. – М., 1990. – 688 с.
7. Волк В.С. Синтаксис притяжательных местоимений и адъективная деривация // Acta Linguistica Petropolitana: Труды Института лингвистических исследований. Т. X. Ч. 2. СПб.: Наука, 2014. С. 510—533.

УДК 81’42

Заимствованная лексика в речи студентов-бакалавров: опытно-экспериментальное исследование

Сальникова Вера Владимировна
доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры филологии
Бирского филиала Башкирского государственного университета, Бирск, РФ
salnikova.v.v@gmail.com

Таразова Зулия Халиловна
студентка 2 курса факультета филологии и межкультурных коммуникаций
Бирского филиала Башкирского государственного университета, Бирск, РФ
zuliatarazova@yandex.ru

Borrowed vocabulary in the speech of bachelor students: experimental research

Salnikova Vera Vladimirovna
Doctor of Philology, Docent, Professor of the Department of Philology of the Birsk Branch
of the Bashkir State University (BF BashSU), Birsk, Russia

Tarazova Zulia Halilovna
2nd year student of the Faculty of Philology and Intercultural Communications
Birsk branch of Bashkir State University, Birsk, Russia

Аннотация. В настоящей статье рассматривается специфика функционирования заимствованной лексики в современном русском языке, а также особенности ее употребления в речи студентов-бакалавров; дается интерпретация терминов «заимствование», «глобоанглицизм». Посредством проведения анкетного опроса, в котором приняли участие 100 информантов – студенты-бакалаврыфакультета филологии и межкультурных коммуникаций Бирского филиала Башкирского государственного университета, определены основные причины употребления англицизмов в речи молодежи XXI века; выявлены трудности в понимании и освоении заимствованной лексики носителями русского языка, а также основные тенденции влияния заимствованной лексики на развитие русского языка в настоящее время.

Ключевые слова: заимствованная лексика,лексическое значение,англицизм, исконно русское слово,анкетный опрос, студенты-бакалавры.

Abstract. This article discusses the specifics of the functioning of borrowed vocabulary in modern Russian, as well as the features of its use in the speech of bachelor students; an interpretation of the terms "borrowing", "global anglicism" is given. Through a questionnaire survey, which was attended by 100 informants – undergraduate students of the Faculty of Philology and Intercultural Communications of the Birsk branch of Bashkir State University, the main reasons for the use of Anglicism in the speech of young people of the 21st century are identified; difficulties in understanding and mastering the borrowed vocabulary by native speakers of the Russian language, as well as the main trends in the influence of borrowed vocabulary on the development of the Russian language at the present time are revealed.

Keywords: borrowed vocabulary, lexical meaning, Englishism, native Russian word, questionnaire, bachelor students.

В настоящее время все более актуальным становится вопрос употребления и адаптации заимствованной лексики в речи носителей современного русского литературного языка. К этой проблеме в своих исследованиях обращаются, например, А. Ахметзянова и И. Саттарова [1], Т. Ерофеева и Е. Литвинова [2], И.А. Пац [3], Е.А. Трубинова [4] и многие другие. Л.П. Крысин среди основных причин заимствования иностранных слов выделяет такие, как потребность в наименовании новой вещи, необходимость разграничить различающиеся понятия, близкие по смыслу, необходимость специализации понятий, а также социально-психологические причины заимствования, среди которых наиболее существеннымявляется восприятие иноязычного слова как более престижного [5]. Безусловно, появление и употребление заимствованной лексики в речи носителей русского языка обусловлено как экстралингвистическими, так и интралингвистическими факторами.

В контексте нашего исследования полагаем важным остановиться на интерпретации термина «заимствование». В словаре О.С Ахмановой этоттермин трактуется следующим образом: «происходит от англ. «borrowing», фр. «emprunt», нем. «entlehnung», исп. «prestamo» – обращение к лексическому фонду других языков

для выражения новых понятий, дальнейшей дифференциации уже имеющихся и обозначения неизвестных прежде предметов» [6, с.150-151]. Нужно отметить, что на данный момент русский язык активно пополняется заимствованиями из английского языка, в связи с чем в лингвистический научный обиход вошел термин «глобоанглицизм», под которым вслед за Е.А. Трубиновой мы понимаем массовое проникновение англицизмов во все сферы жизни и в разные языки [4]. По ее мнению, употребление англицизмов стало модно, и поэтому современная молодежь стремится подражать западной культуре [4].

Целью настоящей работы является описание основных факторов, ускоряющих процессы заимствования, определение причин употребления англицизмов в речи молодежи XXI века; выявлениетрудностей в понимании и освоении заимствованной лексики носителями русского языка. Для достижения поставленной цели нами был проведен анкетный опрос.

Организация и проведение анкетирования. Для объективности и достоверности результатов в опросе приняли участие 100 информантов (далее – ии.) – студенты-бакалаврыфакультета филологии и межкультурных коммуникаций Бирского филиала Башкирского государственного университета. Ии. было предложено ответить на следующие вопросы:

1. Как вы считаете, нужны заимствования или нет? Обоснуйте свою точку зрения.

2.Что вы предпочтете: «окей» или «хорошо»;«акцентировать» или «выделять»;«хобби» или «увлечение»;«имидж» или «образ»;«аналогичный»или «подобный»;«декорировать» или «украшать»; «репортаж» или «рассказ»;«идеальный»или «совершенный»;«доктор» или «врач»;«шузы» или «обувь»?

3. К чему, на ваш взгляд, может привести злоупотребление англицизмами?

4. Нужно ли бороться за сохранение исконно русских слов и за чистоту русского языка? Если нужно, то как?

5.Объясните лексическое значение слов: кардиган, массмедиа, мерчендайзинг, оффшор, риелтор, саундтрек, фрилансер.

Результаты анкетного опроса. На первый вопрос были получены следующие ответы: «Да, так как заимствования делают нашу речь более выразительной»; «с ними легче объясниться»; «этими словами наш язык пополняется, что является закономерным». Таким образом, 83% ии. считают, что заимствования нужны, поскольку они положительно влияют на развитие русского языка. Остальные 17% ии.

полагают, что англицизмыоказывают отрицательное воздействиена русский язык: «Нет, в нашем языке есть все необходимые слова»; «заимствования засоряют наш язык».

Анализ ответов на второй вопрос показал, что большинство ии. отдали предпочтение русской лексике, а не заимствованной. По их мнению, «русские слова звучат более привычно». Соответственно, 72% ии. выбрали русские синонимы, среди них наиболее частотны слова *выделять, увлечение* и *рассказ*.

Среди ответов на третий вопрос были такие, как «это может привести к тому, что русский язык потеряет свою уникальность»; «к вытеснению, исчезновению исконно русских слов»; «к тому, что русский язык может засориться». Подобные ответы ии. составили 81%. Однако 19 % ии. считают, что заимствования не оказывают существенного влияния на развитие русского языка.

На четвертый вопрос 64% ии. ответили, что «важно передать красоту русского языка, русского слова следующим поколениям»; «нужно знать исконно русские слова и стараться их использовать в собственной речи»; «нужно бороться за сохранение исконно русских слов, так как они являются основой языка»; «делают нашу речь своеобразной, неповторимой»; «нужно сохранить исконно русское слово, потому что оно красивое, звучное, многогранное». Остальные 36% ии. считают, что«исконно русские слова изживают себя», «пришло время перестать их употреблять», «не нужно за них бороться», «исконно русские слова будут употреблять те, кому это надо».

Анализ ответов, полученных на пятый вопрос, показал, что большинство ии. (57%) правильно объяснилилексическое значение заимствованныхслов. Так, ии. верно интерпретировали слова *массмедиа*: «СМИ»; «радио и телевидение»; «пресса и телевидение» (ср.: «Массмедиа [англ. massmedia <mass массовый + media средства] – средства массовой информации: пресса, радио, телевидение». [7, с. 399]); *риелтор*: «тот, кто занимается куплей-продажей недвижимости»; «профессия, связанная с продажей недвижимости» (ср.: «Риелтор [англ.realtor<realty недвижимость] – агент, торговый посредник по продаже недвижимости» [7, с. 584]); *саундтрек*: «фонограмма к фильму»; «музыка к кино»; «музыкальное оформление к телефильму» (ср.: «Саундтрек [англ.soundtrack<sound звук + track след] – фонограмма к кино- или телефильму, эстрадному представлению и др.» [7, с. 597]).

Однако толкование значения слов *кардиган, мерчендайзинг, оффшор, фрилансер* вызвало затруднение у 43%ии. Например, *кардиган*: «что-то связанное с автомобилем»; «что-то из одежды»; «возможно, связано с медициной» (ср.: «Кардиган [фр. cardigan <англ.cardigan: по имени графа Кардигана (Cardigan,

середина 19 в.), который имел обыкновение поверх обычного камзола надевать другой, поношенный камзолrealtor] – вязаный шерстяной жакет с длинными рукавами, без воротника, на пуговицах или на молнии» [7, с. 291]); лексическое значение англицизма *мерчендайзинг* не смог объяснить правильно никто из ии. («Мерчендайзинг [англ. merchandising] – комплекс работ с целью продажи какого-л. товара». [7, с. 409]); *оффшор*: «что-то связанное с бизнесом»; «какой-то деликатес»; «льготы в бизнесе» и пр. (ср.: «Офшор [< англ. offshore находящийся на расстоянии от берега; вне территории страны] – центр предпринимательства, предоставляющий льготный режим при проведении финансово-кредитных операций» [7, с. 476]); *фрилансер*: «что-то связанное со спортом»; «с работой в Интернете»; «человек, который работает на себя» и пр. (ср.: «Фрилансер [<*англ.*freelance внештатный] – человек, работающий не по найму: репортер, журналист, фотограф и др.» [7, с. 730]).

Таким образом, результаты анкетного опроса позволяют сделать следующие выводы.

С одной стороны, ии. в своих ответах подчеркивают неизбежность заимствований, поскольку в условиях постоянной трансляции чужой культуры освоение английской лексики носителями русского языка становится совершенно естественным и порой необходимым явлением. А с другой стороны, ии. отмечают неповторимость, красоту, национальную специфику исконно русского слова и важность сохранения русского языка. Ии. считают, что заимствования делают нашу речь более выразительной и понятной, но в то же время нельзя ими злоупотреблять, чтобы не потерять уникальность русского языка. При этом большая часть ии. отдает предпочтение в речи русским синонимам, так как, по их мнению, эти слова звучат более привычно. Также результаты анкетирования показали, что лексическое значение англицизмов не всегда понятно ии., соответственно, они испытывают некоторые трудности при употреблении заимствованного словав своей речи. Порой англицизм превращается в «модный аксессуар», демонстрирующий лишь современность, актуальность лексикона говорящего, его стремление вызвать недоумение у слушающего.

Итак, вопрос о заимствованной лексике является достаточно дискуссионным, поэтому однозначного ответа на него в лингвистической науке нет. Существуют закономерные причины и факторы обращения студентов-бакалавров к употреблению заимствованных слов в своей речи. Однако при этом важно не просто употреблять англицизмы, но и понимать их лексическое значение, делать это уместно, не злоупотребляя «модными» словами и выражениями. Нельзя отрицать и тот факт, что

заимствования представляют собой мощнейший фактор развития языка: ни один язык не может существовать без заимствований на разных уровнях. Данная лексика обладает богатейшим культурным, историческим значением и отражает многие экстралингвистические процессы. Заимствование иностранных слов – это один из способов развития языка. В современном русском языке заимствование меняет свой звуковой облик, приобретает новые модификации грамматических категорий, новое значение и новую стилистическую окраску. Таким образом, результаты нашего исследования так или иначе отражают современные тенденции развития русского языка.

Список литературы

1. Ахметзянова А., Саттарова И. Проблема использования иноязычной лексики в современной русской речи // Вестник Казанского государственного университета культуры и искусств. – 2009. – № 3. – С. 94-97.
2. Ерофеева Т., Литвинова Е. Иноязычные элементы в современной русской речи // Исследовательский журнал русского языка и литературы. – 2013. – № 2 (2). – С. 39-51.
3. Пац И.А. Проблемы освоения новых заимствований: значение, оценочность, уместность употребления // В сборнике: Проблемы становления гражданского общества сборник статей VI Международной научной студенческой конференции. – 2018. – С. 249-252.
4. Трубинова Е.А. Заимствования как процесс изменения языка // Молодой ученый. – 2016. – №10. – С. 1209-1212.
5. Крысин Л.П. Иноязычное слово в контексте современной общественной жизни // Русский язык конца XX столетия (1985–1995).– М.: Язык русской культуры, 1996. – 151 с.

Список источников

6. Ахманова О.С. Словарь лингвистических терминов. – М.: Советская энциклопедия, 1969. – 607 с.
7. Словарь иностранных слов: свыше 21000 слов / отв. редакторы В.В. Бурцева, Н.М. Семенова. – 5-е изд., стереотип. – М.: Рус. яз. – Медиа; Дрофа, 2008. – 817 с.

ЯЗЫКИ НАРОДОВ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

УДК 8 1751

Бытовая лексика хантыйского языка в лексикографических источниках (на материале казымского диалекта)

Герляк Наталья Андреевна
научный сотрудник НИО ХФ БУ «Обско-угорского института прикладных исследований и разработок» РФ, г. Ханты-Мансийск

Household vocabulary of Khanty language in lexicographic sources (on the material of Kazym dialect)

Gerlach Natalya Andreevna
researcher of NIO HF BU «Ob-Ugric Institute applied research and development» of the Russian Federation, Khanty-Mansiysk

Аннотация. Цель настоящей статьи заключается в сопоставительном анализе словников хантыйских лексикографических источников для выявления особенностей употребления бытовой лексики в системе языка, а также в определении закономерностей фиксации номинативных единиц в словарях, отражающих состав хантыйской лексики (на материале казымского диалекта).

Ключевые слова: бытовая лексика, лексикографические источники, материальная культура, хантыйский язык, казымский диалект.

Abstract. The purpose of this article is to make a comparative analysis of dictionaries of Khanty lexicographic sources in order to identify the features of the use of everyday vocabulary in the language system, as well as to determine the regularities of fixing nominative units in dictionaries that reflect the composition of the Khanty vocabulary (based on the material of the Kazym dialect).

Key words: household lexicon, lexicographic sources, material culture, the language of the Khanty, Kazym dialect.

В статье анализируется специфика использования и функционирования слов из области бытовой лексики в лексикографических источниках хантыйского языка. Были исследованы данные нескольких словарей [2–6], и подробнее всего был изучен лексикон, представленный в «Русско-хантыйском тематическом словаре (казымский диалект)» [2]. В процессе формирования словника этого пособия его автором, С.П. Кононовой, были выявлены наиболее употребительные лексико-семантические группы слов хантыйского языка. В этот тематический словарь вошли устоявшиеся русизмы (которые проникли в хантыйский язык в последние три столетия, XVIII–XX вв.), а также и другие, более ранние, заимствования (слова из самодийских, тюркских языков). Данный тематический словарь на материале хантыйского языка (казымский диалект) разработан и составлен автором впервые.

Так, анализ бытовой лексики хантыйского языка под тематическим углом зрения позволяет разделить искомый массив лексем на 9 больших групп:

1. Слова из сферы охотничьего промысла: заимствованными словами являются *пушкан* ‘ружье’; *кӯрӑс* ‘грузило’; *пӑтрӑн* ‘патрон’; *пистӑн* ‘пистон’ [2, с. 52]. Следующие сложные слова состоят из двух корней: один из них – заимствованное слово, второй – исконное слово хантыйского языка *пушкан пурмӑсӑт* ‘боеприпасы’ (букв. ‘ружья принадлежности’); *кӑт тӯруп пушкан* ‘двустволка’ (букв. ‘двугорлое ружье’); *пушкан нёл* ‘дробь’ (букв. ‘ружья стрела’); *пушкан тӯр* ‘дуло’ (букв. ‘ружья горло’); *пунум пушкан* ‘заряд’ (букв. ‘положенное ружье’); *пушкан пӯлуп* ‘пыж’ (букв. ‘ружья тряпица’); *пушкан шойт* ‘шомпол’ (букв. ‘ружья хвост’); *тал пӑтрӑн* ‘гильза’ (букв. ‘пустой патрон’); *пӑрщен хот* ‘палатка’(букв. ‘брезентовый дом’) [2, с. 51-53].

2. Слова из сферы торговли, услуг и сферы, связанной с богатством, роскошью, деньгами: *лапка* ‘магазин’ (от слова ‘лавка’). Следующие сложные слова состоят из двух корней: один из них – заимствованное слово, второй – исконное слово хантыйского языка *вӑн лапка* ‘универмаг’ (букв. ‘большой магазин’); *лэтут вӑн лапка* ‘универсам’ (букв. ‘продуктовый большой магазин’) [2, с. 54].

3. Слова из сферы строительства, наименования строений, сооружений: *ампар* ‘амбар’; *кирмӑщ* ‘кирпич’; *әкрат* ‘ограда’; *олюп* ‘олифа’; *пакрӑп* ‘подполье’(от слова ‘погреб’); *тӯрпа* ‘труба’ [2, с. 55-58]. Следующие сложные слова состоят из двух корней: один из них – заимствованное слово, второй – исконное слово хантыйского языка *хон хот* ‘дворец’ (букв. ‘царский дом’ = ‘дом царя’); *кӯснис хот* ‘кузница’ (букв. ‘кузнечный дом’ = ‘дом кузнеца’); *карты полт* ‘опилки’ (букв. ‘железная крупка’) [2, с. 55-58].

4. Слова, обозначающие орудия труда, инструменты: заимствованными словами являются *вӯла* ‘вилы’; *пурли* ‘пешня’ (от слова ‘бур’) [2, с. 59-60].

5. Слова, обозначающие разные виды посуды и столовых приборов: *панка* ‘банка’; *питӑн* ‘бидон’; *кӯршка* ‘кружка’; *ӑстӑкан* ‘стакан’; *тас* ‘таз’; *ветра* ‘ведро’; *пӑщка* ‘бочка’. Следующие сложные слова состоят из двух корней: один из них – заимствованное слово, второй, иногда третий – исконные слова хантыйского языка *саккар пунты ан* ‘сахарница’ (букв. ‘сахар’, ‘ложить’, ‘чашка’); *шай пӯт* ‘чайник’ (букв. ‘чая котел’); *шай ан* ‘чашка’ (букв. ‘чая чашка’) [2, с. 61-62].

6. Слова, обозначающие разные продукты, в т.ч. – продукты питания: заимствованными словами являются *калащ* ‘калач’; *кӑртӑпка* ‘картофель’; *кӯрпа* ‘крупа’; *саккар* ‘сахар’; *сул* ‘соль’; *варӑк* ‘творог’; *шай* ‘чай’ [2, с. 62-65].

7. Слова, обозначающие одежду, обувь, постельные принадлежности: *пӯпайка* ‘фуфайка’; *катанка* ‘валенки’ (от слова ‘катаный’); *сопек* ‘сапог’ [2, с. 66-68]. Следующее сложное слово состоит из трех корней: третий – заимствованное слово, первый и второй – исконные слова хантыйского языка *усум хир пәтӑшка* ‘подушка’ (букв. ‘изголовья мешок + подушка’), но чаще эти слова употребляются отдельно: исконное *усум хир* ‘подушка’ и заимствованное слово *пәтӑшка* ‘подушка’ [2, с. 67].

8. Слова, обозначающие мебель: заимствованными словами являются *сӧнтәк* ‘сундук’; *кӑмот* ‘комод’; *тиван* ‘диван’; *нури* ‘нары’ [2, с. 69].

9. Слова, обозначающие материалы и разные предметы, используемые в быту: *пӑрщен* ‘брезент’; *щос* ‘будильник’ (от слова ‘часы’); *лампа* ‘лампа’; *щәранька* ‘спичка’ (от слова ‘сера/ сернистый’) [2, с. 70]. Следующие сложные слова состоят из двух корней: один из них – заимствованное слово, второй – исконное слово хантыйского языка *вескалӑты ут* ‘весы’ (букв. ‘(что-либо) взвешивать нечто’); *сӑтин сух* ‘сатин’ (букв. ‘сатиновый материал’) [2, с. 71], [1, с. 29-30].

Можно констатировать, что лексическое заимствование из русского языка остается одним из важнейших способов дальнейшего развития хантыйского языка. При этом, несмотря на то, что часто принимаемое слово фонетически не адаптируется в хантыйском языке, основные правила формального согласования соблюдаются. Это означает, что заимствуемая лексема начинает варьировать в соответствии со словообразовательной и словоизменительной парадигматикой хантыйского языка. К примеру, слово очки начинает употребляться в следующих притяжательных, числовых и падежных формах: *очкайӈаԯам* ‘мои очки’, *очкайӈаԯан* ‘твои очки’, *очкайԯаԯән* ‘своими очками’, *очкайԯы* ‘без очков’ и т.п.

Еще одним фактом активности хантыйского языка (в процессе взаимодействия с русским) является тот факт, что достаточно регулярны словосочетания типа ‘существительное русского языка + существительное хантыйского языка’ (и наоборот): *шай ан пӯш* ‘блюдце’, *вөн лапка* ‘большой магазин; универмаг’. Можно сказать, что в этом процессе обновления словарного состава хантыйский язык использует собственные ресурсы и возможности.

Также, были рассмотрены следующие словари: «Орфографический, орфоэпический словарь шурышкарского и казымского диалектов хантыйского языка» (автор Немысова Е.А. СПб., 2007) [3].

«Словарь хантыйско-русский и русско-хантыйский (казымский и шурышкарский диалекты)» (авторы Немысова Е.А., Рачинская М.А., СПб., 2010) [4].

Данные словари содержат такие лексемы из области бытовой лексики как предметы обихода и гигиены, хозяйственные постройки, орудия труда, инструменты, одежда, обувь, головные уборы, посуда, мебель и др., например: *утлəп* ‘стружка, используемая для хозяйственных нужд’, *воньщəп* ‘берестяной кузов для сбора ягод’, *ампар* ‘амбар’, *вєнш вантты вух* ‘зеркало’ (букв.: ‘лицо’, ‘смотреть’, ‘деньги, серебро’), *ёнтəсты хир* ‘мешок для рукоделия’, *ишни хоп* ‘подоконник’, *карты пун* ‘проволока’, *кащ* ‘штаны’, *кев картан* ‘сковородка’, *кӱр карты* ‘орудие для обработки шкуры’, *лакєп* ‘фундамент дома’, *луньщəх* ‘мыло’, *лымəщ* ‘орудие промысла’, *мил* ‘шапка’, *нарєп* ‘палочка для чистки снега’, *нир щєрщəм* ‘петельки сзади обуви’, *нөй кащ* ‘суконные брюки’, *пăсан* ‘стол’, *пур* ‘сверло’, *сөпəс* ‘игла для вязания’, *сăр* ‘лопата’ [3, с. 30-161].

«Хантыйско-русский словарь (казымский диалект)» (автор Соловар В.Н., ред. Бурыкин А.А., Тюмень, 2014) [5].

«Краткий русско-хантыйский словарь (казымский диалект)» (автор Соловар В.Н., ред. Бурыкин А.А., Ханты-Мансийск, 2015) [6].

В словари включены такие аспекты из области бытовой лексики как игры, предметы обихода, предметы одежды и головные уборы, обувь, кушанья, напитки, ткани, материалы и др., например: *ванщəсты сохəӆ* ‘доска для раскраивания шкур’, *вар көрт* ‘стойбище у забора’, *ващ кэши* ‘нож с узким лезвием’, *ващ пуни йувəр* ‘тонкий моток ниток из жил’, *ват кэӆ* ‘лыжное крепление’, *вухсар сух сăх* ‘лисья шуба’, *вӱӆы хот* ‘постройка для оленей’, *йиӈəӆ* ‘берестяной короб для рукоделия’, *йирəн онтəп* ‘дневная люлька’, *калащ* ‘калач’, *кащ пăты* ‘задняя часть брюк’, *кăпəлшəп* ‘расстояние от нижнего края платья до шва, где начинается подгиб’, *лаӈкəп* ‘одеяло’, *вӱна* ‘вино’, *кэӆ сых* ‘моток веревки’, *ов туман ньаӆəм* ‘дверной ключ’, *тӱт хот* ‘кошелек’, *нөй* ‘сукно’, *кăртөпка* ‘картошка’, *ӆопəх* ‘ковш для черпания льда’ [5, с. 34-260].

Таким образом, объектом данных словарей является актуальная лексика, т. е. та часть лексического состава современного хантыйского языка, в которой нашли отражение наиболее существенные и очевидные языковые процессы, оказавшие влияние на становление хантыйского языка и на языковое сознание его носителей.

Также, актуальность исследования определяется тем, что многие пласты лексики языков коренных народов Сибири еще не исследованы в структурно-семантическом и когнитивном аспекте. Большие по объему тематические группы по-разному распадаются на более мелкие: в этой пестрой картине дробления необходимо выявить присущие конкретному языку закономерности и тенденции, общие или

специфические явления. Необходимо также, выявить степень влияния на семантические процессы общей типологии языков, а также определенных особенностей образа жизни этноса, менталитета носителей этнического языка. Применительно к ряду специфических групп выявляются признаки когнитивной обусловленности: имея в виду, что язык – не только средство общения, но и хранитель знаний народа, мерило (индикатор) этнической самобытности, нужно глубже исследовать группы лексики, связанные с условиями жизни, ментальностью, мировоззрением, религией (этнографизмы, словесные табу, эвфемизмы, сравнения, фразеологические обороты).

Отдельно (или дифференцированно) можно исследовать группы лексики, связанные с номинацией в сфере семейно-родственных отношений, выявить и описывать семантику слов, обозначающих вещи по их принадлежности людям, разным по полу, возрасту, социальной принадлежности и другим признакам. Необходимо выявить, часто ли подобные слова получают отрицательный и ироничный оттенок. Необходимо определить, в какой степени были адаптированы, в какой лексико-грамматический разряд в хантыйском языке попали старые заимствования типа *токарь*, *писатель*, *поэт*, *одноклассник*, *шулер*, *судья*, *воспитатель*, *воспитанник*, *передовик* и т. п.

Список литературы

1. Герляк Н.А. Адаптация заимствований в казымском диалекте хантыйского языка (на примере бытовой лексики) // В мире науки и искусства: вопросы филологии, искусствоведения и культурологии / Сб. ст. по материалам LI междунар. науч.-практ. конф. № 8 (51). Новосибирск: Изд. «СибАК», 2015. С. 26-32.

Список источников

2. Кононова С.П. Русско-хантыйский тематический словарь (казымский диалект): Пособие для учащихся старших классов и колледжей. – СПб.: филиал изд-ва «Просвещение», 2002. – 216 с.
3. Немысова Е.А. Орфографический, орфоэпический словарь шурышкарского и казымского диалекта хантыйского языка. – СПб.: ООО «Миралл», 2007. – 239 с.
4. Немысова Е.А., Рачинская М.А. Словарь хантыйско-русский и русско-хантыйский (казымский и шурышкарский диалекты): 1-4кл.: Учеб. пособие для общеобраз. учрежд. – СПб.: филиал изд-ва «Просвещение», 2010. – 349 с.
5. Соловар В.Н. Хантыйско-русский словарь (казымский диалект) – Тюмень: ООО «ФОРМАТ», 2014. – 386 с.
6. Соловар В.Н. Краткий русско-хантыйский словарь (казымский диалект). – Ханты-Мансийск, 2015. – 52 с.

УДК 811:930.25

К истории чувашского слова «пиво»: позиция А.П. Прокопьева

Киселев Михаил Юрьевич
канд. ист. наук, руководитель Центра, Архив Российской академии наук
РФ, г. Москва
kiss_RAN@mail.ru

On the history of the Chuvash word "beer": position of A.P. Prokopiev

Kiselev Mikhail Yuryevich
Cand. Sci. (History), Head of the Center
Archive of the Russian Academy of Sciences, Russia, Moscow

Аннотация. Представлена информация о хранящейся в Архиве Российской академии наук главе «Сравнение чувашского названия «пиво» в докладе А.П. Прокопьева «Пивоварение у чувашей» в бытность его аспирантом Научно-исследовательского института этнических и национальных культур народов Востока, датируемый 7 мая 1927 г. Целью исследование является изучение текста для определения места работы ученого в истории филологической науки. Материалами для исследования являлись утверждения ученого: о сходстве названия пива у древних пиренейских кельтов (басков) с чувашским, его использованием среди татар, алтайских мещеряков, киргизов-казаков, мари, вотяков и пермяков, непосредственным соприкосновением чувашей с древнейшей (яфетической) культурной стадией средиземноморских народов. В результате изучения установлено, что чувашское слово «пиво», по-видимому, как и «хмель», представляет очень древнее заимствование из индоиранских языков. А.П. Прокопьеву в докладе удалось одновременно использовать оба подхода Н.Я. Марра – увязать чувашский язык с баскским и кельтским в рамках яфетической теории и провести анализ слова «səra»., представив его «исходное» значение в слове «шыв» («вода») через глаголы «цедить», «покрывать» в значении «болото» и «небо». Представленная информация позволит расширить источниковедческую базу по истории языкознания, может быть использована в образовательных и исследовательских целях.

Ключевые слова: история, Чувашия, языкознание, А.П. Прокопьев, пиво, архив, Российская академия наук

Abstract. The information on the chapter "Comparison of the Chuvash name" beer "in the report of A.P. Prokopiev's "Brewing at the Chuvash" when he was a graduate student of the Research Institute of Ethnic and National Cultures of the Peoples of the East, dated May 7, 1927. The purpose of the study is to study the text to determine the scientist's place of work in the history of philological science. The materials for the study were the scientist's statements: on the similarity of the name of the beer in the ancient Pyrenean Celts (Basques) to the Chuvash, its use among Tatars, Altai Meshcheryaks, Kyrgyz Cossacks, Mari, Votyaks and Perms, direct contact of the Chuvash with the ancient (yaphetic) cultural stage of the Mediterranean peoples. As a result of the study, it was found that the Chuvash word "beer", apparently, like "hops", represents a very ancient borrowing from Indo-Iranian languages. A.P. Prokopiev in the report managed to simultaneously use both approaches

N.Ya. Marra - to link the Chuvash language with Basque and Celtic in the framework of the yaphet theory and analyze the word "səra"., Presenting its "initial" meaning in the word "shyv" ("water") through the verbs "to grind", "to cover" in the meaning " swamp "and" sky ". The information provided will expand the source study base on the history of linguistics, can be used for educational and research purposes.

Keywords: history, Chuvashia, linguistics, A.P. Prokopiev, beer, archive, Russian Academy of Sciences

Архив Российской академии наук остается одним из старейших и крупнейших ведомственных архивохранилищ России, в котором сохранились документальные комплексы по истории Академии наук, ее учреждений и организаций, науки и культуры, фонды личного происхождения ученых. В собраниях архива сохранился архивный фонд Всесоюзного Центрального Комитета нового (латинизированного) алфавита при Совете национальностей ЦИК СССР. Среди документов фонда отложился доклад А.П. Прокопьева (Милли)[1] «Пивоварение у чувашей», в бытность его аспирантом Научно-исследовательского института этнических и национальных культур народов Востока Российской ассоциации научно-исследовательских институтов общественных наук, датируемый 7 мая 1927 г. В докладе третья глава имеет заголовок «Сравнение чувашского названия «пиво»[2].

А.П. Прокопьев был организатором обществ чувашской литераторов в городах Симбирск (1920) и Чебоксары (1923), Общества чувашеведения (1923) и Общества изучения чувашской культуры (1927) в Москве. Автор ряда стихотворений, перевёл на чувашский язык поэму А.С. Пушкина «Цыгане» (1914), русские революционные песни, собирал фольклорные и этнографические материалы. Опубликованы в основном биографические материалы об ученом [2, 6, 7, 9, 10, 12], тогда как его научные исследования практически не отражены в литературе, за исключением одной статьи [5].

В докладе отмечалось, что по своему содержанию древнее пиво было по преимуществу ячменное и без хмеля. Из предыдущих эпох название пива сохранилось только в двух видах: кельтское «cerea» в Испании (баскское – яфетическое) и египетское «цитос». По мнению ученого, важно было бы знать название пива у гуннов, так как гунны по теории болгарского происхождения чувашей имели прямое отношение к чувашам. Что же касается названия пива у древних пиренейских кельтов (басков), то оно очень схоже с чувашским «səra» - «cerea». Ученый ссылался на научную работу Н.Я. Марра[3], который относил чувашский язык к группе баскских языков: эта аналогия становилась более чем вероятной в отношении названия пива [4].

А.П. Прокопьев сообщал о географическом распространении чувашского названия пива к середине 1920 гг.: такое же название встречалось у всех окружавших чувашей тюркских племен и у финнов. Татары, в том числе алтайские, мещеряки, киргизы-казаки носили то же наименование пива «səra». Из финских народностей, окружавших чувашей, пиво также называлось по-чувашски «səra» у мари, проживавших в пределах Марийской области, у вотяков и пермяков оно носит отчасти такое же название «сур». В подтверждение своих предположений ученый приводил цитату из исследования И.Н. Смирнова[4]: «Некоторым дополнением к ней (пище пермяков) служит любимое питье пермяка «сур» (брага) из солода и овсяной муки. Сур – густое, мутно-белое, пенистое пиво, по питательности, наверное, стоит выше пермяцких щей. Выпивают его пермяки чудовищно много. В большой семье, состоящей из трех брачных пар со стариком отцом и детьми на приготовление его (сура) уходит до 200 пудов овса» [11, с. 192].

Из указанных сопоставлений ученый делал заключение, что, если стоять на точке зрения принятых толкований о культурных взаимоотношениях волжских народностей, то слово «səra» у чувашей нужно принять коренным, основным, а остальные народности (татары, мещеряки, киргизы-казаки, мари, вотяки, пермяки) его восприняли у чувашей. В пользу этого заключения, по мнению ученого, говорил тот факт, что у указанных финских народностей, наряду с чувашским названием, для наименования пива существовали другие слова: у пермских марийцев – «рича», у мордвы – «риче». Что же касалось бытования этого чувашского слова у тюрков указанной группы, то, как считал А.П. Прокопьев, оно могло быть доказано тем, что у южных тюрков это слова в его чувашском произношении отсутствовало.

В докладе указывалось, что, исходя из общих этнологических рассуждений о причинах появления спиртных напитков, появление пивоварения связано с земледельческой оседлой жизнью. Из перечисленных народностей Волжско-Камского края чуваши являлись народом с наиболее древней земледельческой культурой. Ученый не сомневался, что народности края научились земледелию у чувашей, на что указывал, в частности, факт по большей части чувашских наименований орудий земледелия и злаков у здешних финских народностей. В данном случае, считал докладчик, несомненно доказывалась прошлая культурная роль чувашей в Камско-Волжском регионе, в частности, проявленная ими (чувашами) в исторический период в качестве камско-волжских болгар. О высоких земледельческих способностях чувашей писал А.Ф. Риттих[5]: «Чуваши – самые лучшие хлебопашцы Казанской губернии по следующим причинам: по врожденной

наклонности, по той помощи, которую они требуют и получают от женщин в этом деле, и по громадному запасу практико-агрономических наблюдений о погоде, времени посева и т.д., передаваемых из поколения в поколение» [8, с. 76].

А.П. Прокопьев предполагал, что слово «səra», являясь для народностей Камско-Волжского края чувашским, в сравнении его за пределами этого культурного округа, должно примыкать к другому кругу культурных народов. За такое предположение говорил тот факт, что это слово, исходя из этимологии чувашского языка середины 1920-х гг., «почти что необъяснимо, хотя и объяснения его не было, так как исследователи чувашей изучением материальной культуры чувашского народа не занимались по вполне понятным для того времени политическим мотивам». На основе чувашского лексикона ученый сделал следующее предположение: существовали чувашские глаголы «sër» и «sər»; первый обозначал «цедить, удить, мазать», второй – «покрывать, окружать». Если связать слово «səra» с первым глаголом, то буквально оно обозначало бы «процеживание, выжатое». В чувашском языке, по его мнению, такие формы образования имен от глаголов существовали. В таком случае, слово «səra» должно встречаться в форме «sëre»: если такая форма есть, то данное предположение имело большую долю истины. Но если даже не было такой формы, то она могла измениться: узкие гласные могли перейти в широкие гласные, что в чувашском языке имело место. Когда пиво готово, то чуваши говорили «səra sërmelle» (пиво цедить необходимо), то есть употребляли этот глагол.

Ученый предлагал связать слово «səra» с глаголом «sər» («покрывать, окружать»), то тогда слово «səra» могло обозначать «покрывающий, окружающий». Это толкование с современным понятием «səra» совершенно расходилось. Но оно, по мнению А.П. Прокопьева, заставляло искать происхождение этого слова в самой древней эпохе человеческой культуры. Для первобытного человека покрывающим, окружающим его всюду являлось небо. Слово «səra» в своей пермяцкой и вотской форме произносилось «sur», встречалось со значением неба у кази-кумыков, у деканских индостанцев - под значением «sur» (солнце), у японцев в огласовке o («sor») в значении небо.

В докладе указывалось, что с точки зрения яфетического языкознания, такое перенесение значений целесообразно для «космического мышления первобытного человека». Так слово «шич», встречавшегося у чувашей в значении «болота», первоначально (в яфетической стадии) означало и небо, и воду. «Разновидности этого слова у чувашей имелись «ши», в разложении «и» «шыв», в значении воды. Слово «səra», или в форме «sur» у пермяков можно было отнести к одной из разновидностей

от слова «шич» - небо, вода, болото». Ученый предполагал, что это слово у яфетических племен, образовавших чувашский народ, существовало в разных формах, в общей сложности обозначающих понятия вода, небо, болото. Одна из таких форм, по его мнению, и могла в позднейшее время фиксироваться у чувашей для обозначения понятия «пиво».

Таким образом, слово «səra» - вода в своем первоначальном значении; это чувашское слово связывало с яфетическим миром и сделанное ученым сопоставление его со словом «cerea», обозначавшим у древних испанских кельтов (современных пиренейских басков), как и у чувашей, пиво. А.П. Прокопьев сожалел, что не располагает информацией о первоначальном понятии слова «cerea», как термина для обозначения неба, воды и т.п. Из всего сказанного он утверждал, что чувашское слово «пиво» свое происхождение вело от самых древних культурных эпох человечества, может быть даже с неолитической эпохи. В этом вопросе чуваши имели непосредственное соприкосновение с древнейшей (яфетической) культурной стадией средиземноморских народов. Другой вывод, сделанный ученым, состоял в том, что пивоварение, как и само земледелие, являвшегося основой для первого, окружающими чувашей народностями, заимствовано от чувашей, на что указывал как термин «пиво», так и этнологические принципы.

Для современной филологической науки исследование А.П. Прокопьева, как одного из сторонников учения Н.Я. Марра, устарело. Это подтверждается созданными и изданными этимологическими словарями чувашского языка [3, 13], татарского языка [1], тюркских языков [14] и баскского языка [15, 16].

В то же время чувашское слово «пиво», по-видимому, как и «хмель», по мнению российских ученых, представляет очень древнее заимствование из индоиранских языков. А.П. Прокопьеву в докладе удалось одновременно использовать оба подхода Н.Я. Марра – увязать чувашский язык с баскским и кельтским в рамках «яфетидологии» и провести анализ слова «səra», представив его «исходное» значение в слове «шыв» («вода») через глаголы «цедить», «покрывать» в значении «болото» и «небо». Представленная информация позволит расширить источниковедческую базу по истории языка чувашского народа, как составной части истории филологии, и может быть использована в образовательных и исследовательских целях.

Примечания

[1] Прокопьев (псевдоним Милли) Алексей Прокопьевич (1894-1942) – чувашский публицист, поэт, этнограф, фольклорист.

[2] Архив Российской академии наук (АРАН). Ф. 677. Оп. 1. Д. 104. Л. 29-35.

[3] Марр Николай Яковлевич (1864-1934) – российский и советский востоковед, филолог, историк, этнограф, академик Императорской академии наук, академик и вице-президент Академии наук СССР.

[4] Смирнов Иван Николаевич (1856-1904) – российский историк и этнограф, ординарный профессор Императорского Казанского университета по кафедре всеобщей истории.

[5] Риттих Александр Федорович (1831-1915) – российский военный деятель, этнограф.

Список литературы

1. Ахметьянов Р.Г. Краткий историко-этимологический словарь татарского языка. – Казань: Татарское книжное издательство, 2001. – 272 с. (на тат. яз.)
2. Григорьев В. Я. Прокопьев (Милли) Алексей Прокопьевич. - Энциклопедия Комсомольского района. – Чебоксары, 2009. – С. 489.
3. Егоров В.Г. Этимологический словарь чувашского языка. — Чебоксары, 1964. — 356 с.
4. Марр Н.Я. Чуваши – яфетиды на Волге. Чебоксары, 1926. - 75 с.
5. Милли А.П. Этнографическая работа среди чувашей в годы революции // Этнография. – 1926. – №1–2.
6. Прокопьев–Милли Алексей Прокопьевич (1894-1942) // В трагические годы: репрессированные чувашские писатели, журналисты и ученые. – Чебоксары, 2013. – С. 211-213.
7. Прокопьев Алексей Прокопьевич (Милли). - Энциклопедия чувашской журналистики и печати. – Чебоксары, 2014. – С. 352-353.
8. Риттих А.Ф. Казанская губерния. Часть II. Материалы для этнографии России. - №14. - Казань, 1870. - 225 с.
9. Родионов В. Г. Милли (Прокопьев) Алексей Прокопьевич. - Краткая чувашская энциклопедия. – Чебоксары, 2001. – С. 269-270.
10. Родионов В. Г. Милли (Прокопьев) Алексей Прокопьевич. - Чувашская энциклопедия. – Чебоксары, 2009. – Т. 3. – С. 93-94.
11. Смирнов И.Н. Пермяки: историко-этнографический очерк. - Казань: Типография Императорского Университета, 1891. - 289 с.
12. Станьял В. П. Алексей Милли шăпи: пурнăçĕпе пултарулăхĕн тĕрленчĕкĕ. - Шупашкар : Новое время, 2004. – 24 с. (на чуваш. яз.)
13. Федотов М.Р. Этимологический словарь чувашского языка. В 2-х тт. Т. 2. С-Я. — Чебоксары: Чувашский государственный институт гуманитарных наук, 1996. — 509 с.
14. Этимологический словарь тюркских языков. Общетюркские и межтюркские основы на буквы «Л», «М», «Н», «П», «С». — М.: Восточная литература, 2003. — 446 с.

15. Agud M. Materiales para un Diccionario Etimológico de la Lengua Vasca [Electronic resource] / M. Agud, A. Tovar // Anuario del Seminario de Filología Vasca «Julio de Urquijo». Mode of access: http://www.ehu.eus/ojs/index.php/ASJU/article/view/8625/7793.
16. Trask R.L. Etymological Dictionary of Basque [Electronic resource]; edited for web publication by Max W. Wheeler / R.L. Trask. University of Sussex, 2008. 418p. Mode of access: http://www.academia.edu/2154989/Etymological_Dictionary _of_Basque_ by _ R._L._Trask_edited _for_web_publication_by_Max_W._Wheeler.

ГЕРМАНСКИЕ ЯЗЫКИ

УДК 81.811.11-26

Семантическое поле «Погода» (на примере лексики английского языка)

Каримова Римма Хатиповна
канд. филол. наук, доцент кафедры германских языков, Стерлитамакский филиал Башкирского Государственного Университета, РФ, Стерлитамак
r.k.karimova@strbsu.ru

Тимофеев Аркадий Александрович
студент 5-го курса филологического факультета, Стерлитамакский филиал Башкирского Государственного Университета, РФ, Стерлитамак
arkadiytimofeev@yandex.ru

Semantic field of speech words «Weather» (on the example of the English language vocabulary)

Karimova Rimma Khatipovna
Cand. Sci. (Philology.), associate professor of German languages department Sterlitamak branch of Bashkir State University, Russia, Sterlitamak

Timofeyev Arkadiy Aleksandrovich
5th year student of the faculty of Philology, Sterlitamak branch of Bashkir State University Russia, Sterlitamak

Аннотация. Цель исследования - рассмотрение и выявление структуры лексико-семантического поля «Погода» в английском языке. В статье рассматривается элементный состав и структура этого поля, дается сравнительный анализ семантических полей, а также производится экспериментальное подтверждение внутренних отношений между единицами системы поля. Научная новизна состоит в применении метода семантического поля к исследуемому практическому материалу. В результате было выявлено, что семантические поля являются лингвокультурологически ценными единицами, которые принадлежат одновременно языку и культуре, т.е. отражают особенности данного языка и специфику данной культуры и образуют фрагменты национальной картины мира. Методическая

значимость исследования заключается в применении данного пласта лексики на уроках английского языка на среднем этапе обучения.

Ключевые слова: семантическое поле, компонентный анализ, тематический ряд, синонимический ряд, антонимический ряд.

Abstract. The purpose of the research is to examine and identify the structure of the lexical and semantic field "Weather" in the English language. In the article devoted to the semantic field of Speech words «Weather», the elemental composition and structure of this field is considered, a comparative analysis of the semantic fields of verbs is given, as well as an experimental confirmation of the internal relations between units of the field system. The scientific novelty consists in applying the semantic field method to the practical material under study. The result of the research is that semantic fields are linguoculturologically valuable units that belong both to the language and culture, i.e. they reflect the features of this language and the specifics of this culture and form fragments of the national picture of the world. The methodological significance of the research lies in the application of this layer of vocabulary in English lessons in Secondary School.

Keywords: semantic field, component analysis, thematic series, synonymic series, antonymic series.

Исследование лексико-семантических полей является важным аспектом для выявления лингвистических основ межкультурной коммуникации, так как поле является главной организующей структурой языка. Любой человек, прежде чем преобразовать свою мысль в речь, составляет некий алгоритм своего высказывания. Исходя из этого, можно предположить, что речевой процесс приводит к оперированию не словами, а семантическими полями, из состава которых человек подбирает нужное слово.

Понятие «поле» в языкознании возникло как «интуитивное отражение структурно-функционального подхода к явлениям языка, который неотделим от анализа групп и который, однако, на разных этапах рассматривался либо как системный, либо как просто групповой». В современной лингвистике метод поля, в зависимости от целей исследования, может быть реализован не только как лексическое поле, но и как понятийное поле, лексико-семантическое поле, функционально-семантическое поле, синтаксическое поле и др. [3, с.11].

Семантическое поле чаще всего представляет собой ономасиологическое и семантическое объединение языковых единиц. Семантическое поле обычно объединяет слова разных частей речи. Это является первым его признаком. Однако все члены этого разряда слов должны иметь общий признак, который называется интегральной семой. Это – второй признак семантического поля, который рассматривается в неразрывном единстве с первым признаком. Так, категория возраста является неотъемлемым элементом объективной действительности,

отражающаяся в сознании носителей языка, и потому подвергается концептуализации [2, с. 211].

Семантическое поле является объективной языковой структурой, реальность которой подтверждается действием процессов памяти. Вспоминая забытое слово, человек обычно представляет себе характерный признак объекта, составляющий структурную часть его наименования, или прибегает к синонимическому или антонимическому ряду. Языковая реальность семантического поля обусловлена особенностью самого языка как системно-структурного образования. Каждая единица лексикона характеризуется не только значимостью, определяющей структурные отношения с другими единицами внутри системы, но и значением, направленным вовне системы. Исходя из этого можно отметить, что семантическое поле существует как структурная подсистема языка благодаря комплексу дополнительных значений ее единиц и иерархии значений, определяющих положение одного поля относительно другого. Словарный запас любого языка представляет собой структурное целое, в котором каждое слово занимает определенное место благодаря своей семантической структуре и своим отношениям к другим словам. Представляется, что в составе семантического поля отображаются языковой и концептуальный аспекты. Основное назначение семантического поля заключается, прежде всего, в правильном языковом отражении определенной области единиц, конкретизированных понятийным содержанием их составляющих. Описывая лексический состав языка с помощью полевого метода, осуществляется обобщение отдельных значений в набор основных понятий, которые определяют разделение лексического состава языка [1, с.166–170].

По современным представлениям филологов лексико-семантическое поле – это совокупность лексем, обозначающих определенное понятие в широком смысле этого слова, включающих в свой состав слова различных частей речи. Лексико-семантическое поле характеризуется рядом признаков системности как в синхронном плане (семантическая соотносительность лексем, «делящих» поле между собою, наличие гипонимов и гиперонимов), так и в генетическо-диахроническом плане) [4, с.185].

В процессе отбора и анализа лексики для лексико-семантического поля «Погода» нами были выделены 4 лексико-семантические группы. Отметим, что под лексико-семантической группой (ЛСГ) мы будем понимать группу слов, объединяемых общностью категориально-родовой семы (архисемы) и общностью частеречной отнесенности.

Для составления лексико-семантического поля «Погода» мы проанализировали такие электронные словари, как Macmillan Dictionary и English Oxford Living Dictionaries. Мы отобрали 159 лексических единиц для лексико-семантического поля «Погода» и разделили их на следующие лексико-семантические группы: «winter», «spring», «summer», «autumn», согласно временам года. При распределении слов мы основывались на характерных чертах определенного времени года. В каждой группе мы распределили лексику в соответствии с частеречной принадлежностью:

1. Имена прилагательные;
2. Имена существительные;
3. Наречия;
4. Глаголы;
5. Фразеологизмы и идиомы

Лексические единицы ЛСП «Погода» представлены ниже в таблице 1.

Семантические поля представлены в следующих рисунках:

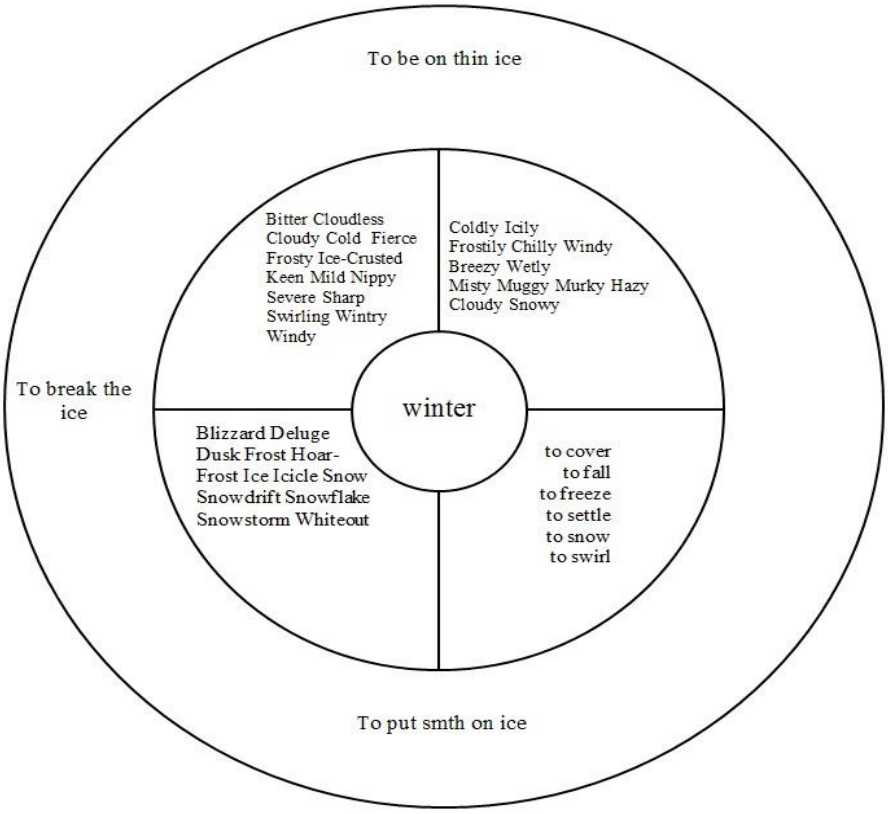

Рисунок 1. Семантическое поле «Winter»

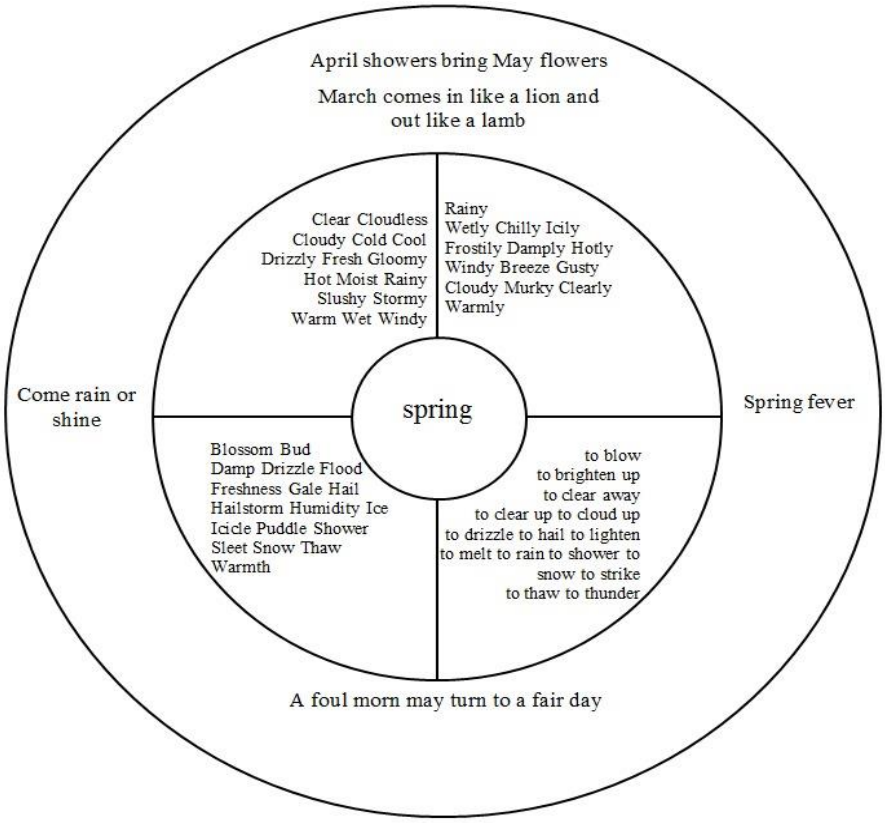

Рисунок 2. Семантическое поле «Spring»

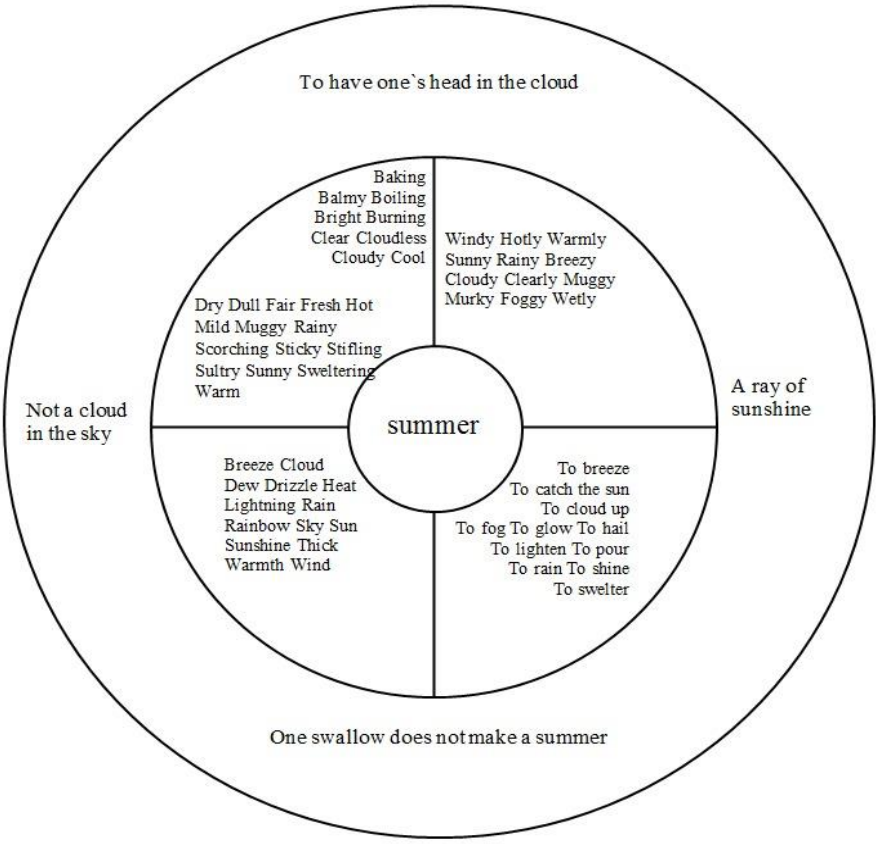

Рисунок 3. Семантическое поле «Summer»

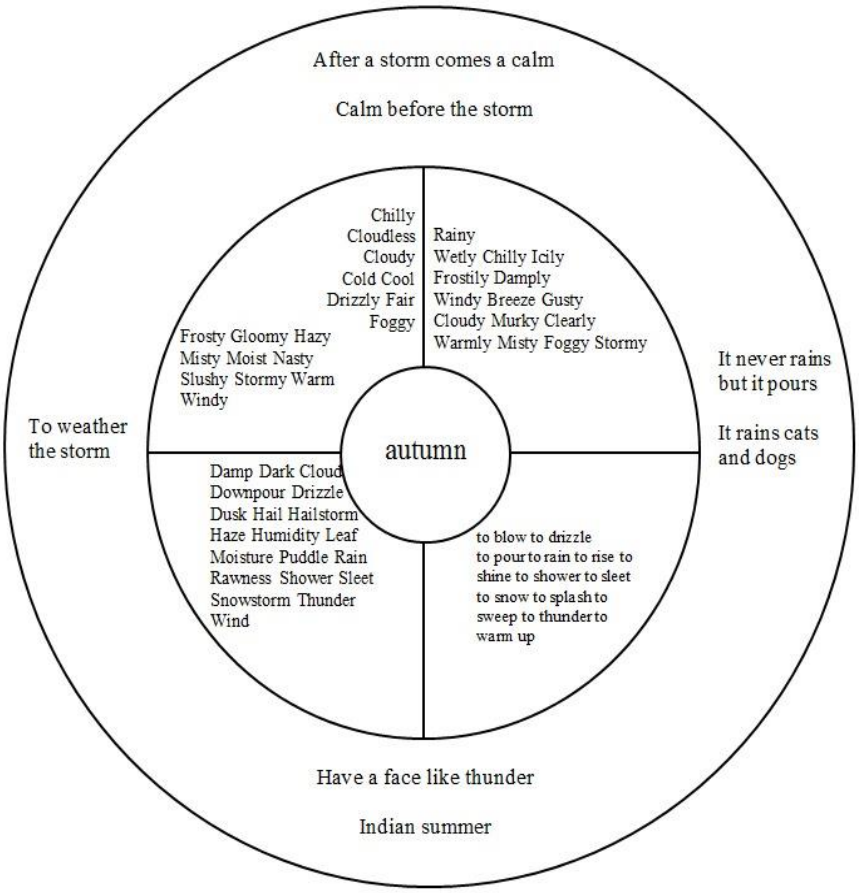

Рисунок 4. Семантическое поле «Autumn»

Нами было проанализировано 159 лексических единиц, среди которых имен существительных – 43 единиц, наречий – 14, имен прилагательных – 42, глаголов – 41, фразеологизмов и идиом – 19; которые были распределены в лексико-семантические группы.

Поскольку некоторые природные явления являются характерными для нескольких времен года, в лексико-семантических группах присутствуют повторы. Например, глагол «*to rain*» относится к трем ЛСГ: *autumn, spring, summer*. Сложив общее количество лексических единиц в каждой лексико-семантической группе, мы обнаружили, что их число составляет 295. Необходимо отметить, что в английском языке наречия не употребляются для описания погоды, в отличие от русского языка, а используются для усиления прилагательного, чем обусловлено их повторение в каждой лексико-семантической группе. Наибольшее количество повторов встречается в ЛСГ «*spring*» и «*autumn*», поскольку погодные условия в эти времена года очень схожи. Далее следует лексика, относящаяся к соседним временам года: ЛСГ «*spring*» и «*summer*», «*summer*» и «*autumn*», «*winter*» и «*autumn*», «*winter*» и «*spring*», как как при смене сезонов погода меняется постепенно. Наименьшее

количество повторяющихся лексических единиц обнаружено в ЛСГ «winter» и «summer», так как зимой и летом погода отличается максимально.

Среди повторяющихся слов мы выделили наиболее частотные. Так, среди имен прилагательных 6 слов: *cloudy, cloudless, cool, cold, warm, windy*. Среди имен существительных 2 слова: *wind, drizzle*. Среди глаголов 3 слова: *to snow, to rain, to hail*.

В лексико-семантическом поле «Погода» можно выделить синонимические ряды и синонимические пары. Например, *raw – moist – humid*. Поскольку, согласно Oxford Living Dictionary, «*raw – 4. (of the weather) cold and damp; bleak», «moist – 1. slightly wet. 1.2. (of a climate) rainy», «humid – 1. Marked by a relatively high level of water vapour in the atmosphere»*. Доминантой в этом синонимичном ряду является слово humid, так как его лексическое значение в первую очередь связано с количеством влаги в атмосфере, в то время как raw и moist употребляются для описания большого количества явлений и вещей. Например, *moist eyes, moist cake, moist plant, moist skin, raw food, raw information, raw results*. Соответственно, производные от них имена существительные – *rawness – moister – humidity* – тоже являются синонимами. Следующий синонимичный ряд: *to rain - to pour – to drizzle – to shower*. «*To rain – 1. the condensed moisture of the atmosphere falling visibly in separate drops, «to pour – 1b. to rain very hard.», «to drizzle – 1. to rain in a very light way», «to shower – 2. a short period when it rains or snows*». Доминантой в данном ряду является глагол *to rain*, так как его лексическое значение объединяет в себя все виды дождя (проливной, моросящий, градный). Следующим примером служит пара *– hot – warm*. «*Hot – 1. Very high in temperature b. used about the weather*», «*warm – 1. fairly hot in a way that is comfortable and pleasant. Fresh – windy*: «*fresh – 1. if the weather is fresh, it is fairly cold and the wind is blowing», «windy – 1. with a lot of wind»* [4, В режиме доступа: https://www.oxfordlearnersdictionaries.com/definition/english/warm_1?q=warm].

Также в ЛСП «Погода» можно выделить антонимические пары и антонимические ряды. Например, *cold – hot*. «*Cold – 1a. with a low temperature or a temperature that is lower than normal. Used about the weather» и «hot – 1b. very high in temperature. Used about the weather*». Данные антонимы являются контрарными, так как между ними существуют промежуточные определения, например, *Cool – «1. rather cold, often in a pleasant way»* и *warm – «fairly hot in a way that is comfortable and pleasant»*. Таким образом мы получили антонимический ряд: *cold – cool – warm – hot*. Еще одной парой антонимов является *cloudy – cloudless*: «*cloudy – 1. (of the sky or weather) covered with or characterized by clouds», «cloudless -*

clear and free of cloud». Данная пара представляет собой комплементарные антонимы, так как они взаимоисключающие. Сюда же можно отнести такую пару антонимов, как *predictably – unpredictably*. Следующим примером выступает пара: *fresh – sultry: «fresh – 8. if the weather is fresh, it is fairly cold and the wind is blowing», «sultry – 1. sultry weather is unpleasant because the air is hot and slightly wet*. Следующая пара комплементарных антонимов: *dry – rainy. «Dry – 1. dry weather is when there is no rain, «rainy – a rainy day is one on which it rains a lot»* [3, В режиме доступа: https://www.macmillandictionary.com/dictionary/british/rain_1].

Таким образом, самой большой ЛСГ является «*autumn*», которая включает в себя 88 слова, самой маленькой – «*winter*» – 50 слов, что объясняется разнообразностью погодных условий и природных явлений в эти конкретные времена года. Наиболее широко представленной частью речи мы определили имена прилагательные, поскольку при их помощи описывается погода, которая может быть кардинально разной. Об этом также свидетельствует большое количество синонимичных и антонимичных рядов и пар внутри лексико-семантического поля «Погода» в английском языке. Нами было выявлено, что в различных ЛСГ присутствует большое количество повторяющихся лексических единиц, что вызвано схожестью погодных условий, особенно в ЛСГ «*spring*» и «*autumn*» и в лексико-семантических группах, относящихся к смежным временам года. Например, в ЛСГ «*spring*» и «*summer*», «*summer*» и «*spring*».

Обобщив все вышесказанное, мы пришли к выводу, что семантическое поле является самой объемной семантической группировкой слов. Вместе с тем полевой подход к смысловой структуре слова и значению помогает значительно расширить представления об объеме семантики слова и происходящих в ней процессах. В лексике любого языка имеется бесчисленное количество слов. Словарь языка – это не хаотическая совокупность, а определенным образом упорядоченное множество единиц. Лексический состав языка обладает всеми признаками целостной организации: он делится на отдельные участки (подсистемы), которые, в свою очередь, имеют достаточно сложное внутреннее устройство, эти участки не изолированы друг от друга, между ними существуют разнонаправленные связи, наконец, само существование лексических подсистем, движения в их составе, взаимные отношения входящих в них единиц и их группировок регулируются всем словесным составом языка.

Каждая единица лексикона связана с другими единицами многочисленными отношениями, что обусловливает необходимость изучения лексики в виде целостных

систем. Семантическое поле является тематической группой слов, объединенных общей семантической темой. Понятие семантического поля было введено с целью описания лексики как системы. При изучении лексики классификацию необходимо производить прежде всего по тематическому принципу, собственно говоря, именно так подразделяется лексика в лингводидактических целях при преподавании иностранного языка. Семантические поля являются лингвокультурологически ценными единицами, которые принадлежат одновременно языку и культуре, т.е. отражают особенности данного языка и специфику данной культуры и образуют компоненты национальной картины мира.

Список литературы

1. Борисова А.В. Особенности лексико-семантической корреляции единиц поля ВОДА/WODA в русском и польском языках [Текст] / А. В. Борисова // Вестник Башкирского университета. 2013. №1. С.166–170.
2. Шахимов Р.И. Семантическое поле слов и его элементы [Текст] / И. Р. Шахимов // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2015. №4(46) С.209-213.
3. Швайко Я.В. Семантическая модель английских глаголов обучения: автореф. дис. канд. филол. наук: 10.02.04 / Я. В. Швайко. – Уфа, 2006. – 22с.
4. Эгамназаров Х.Х. О понятии лексико-семантического поля в лингвистике [Текст] / Х. Х. Эгамназаров. // Учёные записки Худжадского Государственного Университета Им. Академика Б. Гафурова. 2018. №1(54). С.185-189.
5. Macmillan Dictionary [Электронный ресурс]. URL: https://www.macmillandictionary.com/dictionary (Дата обращения: 20.11.2018).
6. Oxford Dictionaries [Электронный ресурс]. URL: https://en.oxforddictionaries.com/definition (Дата обращения: 20.11.2018).

УДК 81-25

Лингвистические и экстралингвистические функции неологизмов

Попович Екатерина Сергеевна
старший преподаватель, Новороссийский филиал Краснодарского университета МВД России, Новороссийск, Россия
shubudoyka@rambler.ru

Linguistic and extralinguistic functions of neologisms

Popovich Ekaterina Sergeevna
senior lecturer, Novorossiysk branch of the Krasnodar Law University of the MOI of Russia
Novorossiysk, Russian Federation

Аннотация. В данной статье рассматривается проблема выделения лингвистических и экстралингвистических функций неологизмов. Даётся сравнение отечественным и зарубежным классификациям функций, выделяются основные критерии для классификации: использование неологизмов в языке и речи. Основное внимание в работе автор акцентирует на типологии функций О.С. Рублевой, которая включает в себя семь функций: номинативную, стилистическую, коммуникативную, прагматическую, нормообразующую, синтаксическую, темпоральную. В заключение раскрывается двойственный характер функций неологизмов, который заключается в связи неологизмов с окружающим миром (речью) и неотрывность от внутренних законов функционирования языка.

Ключевые слова: неологизм, функция, речь, экстралингвистика, классификация, коммуникация.

Abstract. This article deals with the problem of distinguishing the linguistic and extralinguistic functions of neologisms. A comparison of domestic and foreign classifications of functions is given, and the main criteria for classification are highlighted: the use of neologisms in language and speech. The author focuses on the typology of O. S. Rubleva's functions, which includes seven functions: nominative, stylistic, communicative, pragmatic, norm-forming, syntactic, and temporal. In conclusion, the dual nature of the functions of neologisms is revealed, which consists in the connection of neologisms with the surrounding world (speech) and the inseparability from the internal laws of language functioning.

Keywords: neologism, function, speech, extralinguistic, classification, communication.

Неологизмы возникают из потребностей общества в наименовании новых вещей и явлений. Исходя из этого факта, традиционно основной функцией неологизмов лингвисты считали номинативную функцию. Несмотря на то, что данная функция является первичной, анализ литературы и практического материала свидетельствует о том, что в речевой деятельности неологизм может выполнять и ряд других функций: экспрессивную, оценочную, стилистическую, когерентную, прагматическую и другие.

В настоящей статье выделяются лингвистические и экстралингвистические функции неологизмов, однако особое внимание уделено первой группе функций. Лингвистические функции – это непосредственное функционирование в речи в зависимости от коммуникативной ситуации, к ним можно отнести номинативную, прагматическую, стилистическую функции.

Экстралингвистическая функция неологизмов заключается в отражении состояния общества и общественного сознания, социальных потребностей, появления новых реалий в конкретно взятый отрезок времени. Возникновение неологизмов с данной функцией связано с появлением узкоспециальных терминов, отражающих изменения в технологическом, научном, экономическом состоянии общества.

Одна из классификаций функций неологизмов, основанная на дифференциации уровней языка и речи, была предложена Д. Д. Чо. На уровне языка лингвист выделяет номинативную, диагностирующую, компрессивно-информативную функции, функции обобщения и дифференциации. На уровне речи представлены следующие функции: эвфемистическая, дисфемистическая и экспрессивная [1, с. 134].

Функциональные возможности неологизмов раскрываются именно в речи, так как она является главным зеркалом всех языковых процессов и изменений. О.С. Рублева выделяет особую типологию функций английских неологизмов, используемую в настоящей работе, которую составляют следующие функции: номинативная, стилистическая, коммуникативная, прагматическая, нормообразующая, синтаксическая, темпоральная [2, с. 5]. Функции представлены в схеме 1.

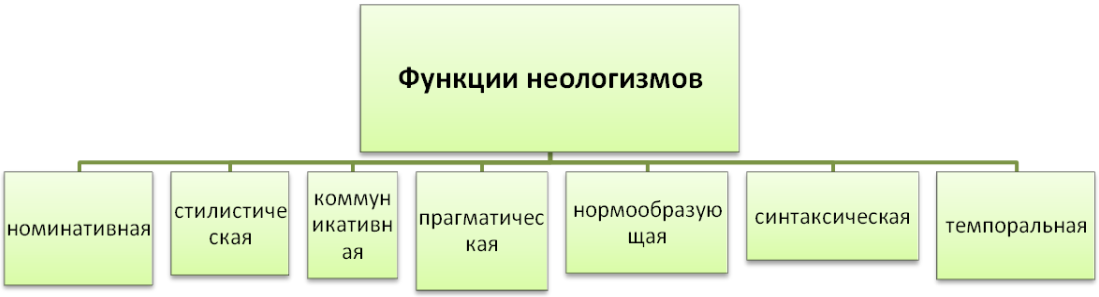

Схема 1. Функции неологизмов в английском языке

Рассмотрим подробнее каждую из функций.

1. Номинативная функция является главной и общей для всех неологизмов, так как она состоит в номинации новых слов, она соотносит значение с реально существующей вещью, явлением. Ю.В. Кобенко описывает данную функцию как

связующее звено между головным мозгом человека и процессами окружающей действительности. Номинативная функция устраняет «безымянность, … размытость человеческого бытия» [3, с. 159].

В рамках номинативной функции Н.З. Котелова выделяет терминированный способ номинации, характеризующийся обусловленностью, строгостью, соотнесением с конкретными понятиями. Ученая считает, что данный вид номинации является преимущественным в последние годы из-за роста числа новых профессий, технических инноваций и так далее [4, с. 26]. Действительно, иногда можно говорить о нечетких границах между понятиями неологизм и термин. Популярность и доступность многих отраслей знаний посредством сети Интернет и средств массовой информации ускоряет распространение информации, что приводит к языковой содержательной избыточности и сокращению формальной стороны слов. Современный язык средств массовой информации, особенно в США, стремиться к семантической и формальной компрессии, которая отражается в появлении неологизмов: *errorist*, *jumbrella*.

Ученые Е.Ю. Скороходова и М.М. Щеголева указывают на то, что при возникновении новых номинаций иногда идет сознательное нарушение деривационных норм языка [5, с. 75]. Данное явление объясняется стремлением языковой личности подчеркнуть свою особенность и индивидуальность, привлечь внимание собеседника. Если подобные нарушения норм обретают массовый характер, в итоге данные изменения могут перестать быть периферийными и стать нормой, войти в ядерную лексику языка. Таким образом, номинативная функция является главной функцией неологизмов, так как может повлечь собой изменения лексического состава путем его расширения, сужения, или изменения языковой и речевой норм.

2. Стилистическая функция отражает использование неологизмов в различных функциональных стилях речи. Если в научной, технической, деловой литературе неологизмы выполняют в основном номинативную функцию, то в произведениях художественной литературы и устной, неподготовленной речи заметнее всего будет проявляться именно стилистическая функция, которая будет отражать экспрессивность, эмотивность и оценку автора/говорящего [6, с. 77]. Проявление стилистической функции связано главным образом с индивидуальными, авторскими новообразованиям.

М.П. Брандес считает, что стилистические неологизмы выполняют две подфункции: оценочную и экспрессивную. Оценочная функция отражает

аксиологические установки языковой личности [7, с. 4]. Экспрессивная функция, по мнению некоторых ученых, особенно четко отражается в публицистическом стиле английского языка [8, с. 103]. Д.Д. Чо считает, что экспрессивность неологизмов связана с тем, что новое слово, в отличие от привычного и старого, содержит свежую коннотацию, обладающую новизной. Благодаря новизне слово обращает на себя большее внимание со стороны читателей, поэтому его экспрессивная функция будет проявляться значительно сильнее [1, с. 142].

И.Н. Кабанова предпринимает попытку дать определение экспрессивности неологизмов, понимая под нею свойство, направленное на выразительность повествования с целью повышения эмоционального воздействия на реципиента [9, с. 59].

Таким образом, экспрессивность и оценочность как основные признаки стилистических неологизмов характерны для функционально-стилистических дифференцированных средств современного английского языка.

3. В основе коммуникативной функции неологизмов лежит социальное значение языка как коллективного достояния, знаковой системы, объединяющей людей в сообщества, группы. В рамках коммуникативной функции неологизмы характеризуются также и разъединяющей функцией, которая состоит в дифференциации нового и старого в языке. Особенностью функции также является то, что именно благодаря фону из рекуррентных слов мы можем отличать неологизмы и выделять их в речи. С.В. Кончакова и Е. Линь рассматривают неологизмы как важную часть коммуникативной стратегии говорящего/пишущего, что особенно проявляется в публицистическом дискурсе, основная задача которого наиболее эмоционально и полно донести мнение и суть проблемы до реципиента [10, с. 193].

Коммуникативная функция неологизмов лучше всего реализуется в употреблении новых эпитетов, глаголов, которые обеспечивают образную коммуникацию: *buttoned-down, yuck*.

4. Прагматическая функция находится под влиянием условий, в которых протекает большая часть современной коммуникации – виртуальность, главной особенностью которой является анонимность, общедоступность, немедленная ответная реакция. Ведущую роль в рамках прагматики играет воздействие на адресата. Новизна информации и ее регулятивные свойства обеспечивают полное принятие абсолютной власти СМИ в современном мире. Регуляция, то есть воздействие, осуществляется за счет использования экспрессивности, эмотивности

неологизмов. Прагматика также изучает отношение индивида к языковым знакам, именно поэтому прагматическая функция неологизмов также раскрывается в индивидуально-авторской языковой игре при словообразовании: *beerholic*, *bromance*.

Прагматическая функция неологизмов связана с коммуникативной и когнитивной функциями. Благодаря ярко выраженному функционально-стилистическому аспекту неологизмов, прагматическая функция в большей степени отражается при использовании неологизмов в публицистических текстах и языке СМИ для привлечения внимания к информации.

5. Нормообразующая функция заключается в неупорядоченном и стихийном изменении норм и языковых стандартов. Новые речевые нормы возникают на базе уже существующих норм, а благодаря повсеместному использованию неологизмов в публицистических текстах и языке СМИ, новые нормы получают массовое распространение и нередко закрепляются в языке. Несмотря на то, что выделение нормы – это всегда затруднительный процесс, устойчивость и частотность некоторых новых слов может быть отправной точкой для решения этой задачи.

Предполагаем, что в английских медийных текстах нет единой системы языковых норм, а присутствует лишь норма узуальная, то есть стихийная. В подобных условиях неологизмы практически утрачивают способность к кодификации и стандартизации, а наоборот, создаются вопреки нормам литературного языка.

6. Синтаксическая функция в современных английских публицистических текстах помогает темпо-ритмической, структурно-слоговой организации речи, служит построению композиционно-речевых форм дискурса. Примером может служить экспрессивная синтаксическая рифма в заголовках.

Рематическая функция, как вид синтаксической, заключается в выделении ремы, то есть новой информации в тексте, с помощью неологизмов. Данную функцию выделил А.В. Волостных [11, с. 16].

7. Темпоральная (когерентная) функция неологизмов связана с их узуальным значением в условиях определенной исторической формации. В настоящее время данная функция характеризуется существованием таких неологизмов, как *to twitter, follower, liking, posting*, то есть новых слов, связанных с виртуальным общением, соответствующих типу эпохи. То есть темпоральная функция неологизмов заключается в отражении уровня развития общества, базовых ценностей, интересов языкового коллектива путем развития коннотативного значения лексических единиц.

Таким образом, функции неологизмов характеризуются двойственностью. С одной стороны, они подчеркивают связь с окружающим миром и отражение неологизмами действительности, с другой – демонстрируют неотрывность новых слов от уже существующих внутренних законов функционирования языка. Экстралингвистические факторы требуют от неологизмов и новообразований постоянной изменчивости, а лингвистические факторы определяют формы, законы и способы этих изменений.

Список литературы

1. Чо Д.Д. Функционирования неологизмов в языке газеты // Russian Language Journal. – 2008, Vol 58. – P. 133–157.
2. Рублёва и др. 2017 – Рублёва О.С., Свицова А.А., Шкаликов Е.В. Основные параметры типологии неологизмов // Advance science. – 2017, №4. – С. 1–6.
3. Кобенко 2017 – Кобенко Ю.В. Язык и среда. Опыт систематизации данных междисциплинарных исследований. – Томск: ТПУ, 2017. – 214 с.
4. Котелова 2015 – Котелова Н.З. Новые слова и значения. Словарьсправочник по материалам прессы и литературы 60-х годов // Избранные работы. – СПб.: Нестор-История, 2015. – С. 169–180.
5. Скороходова, Щёголева 2016 – Скороходова Е.Ю., Щёголева М.М. Роль и употребление неологизмов в современных СМИ // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. – 2016, №5(3). – С. 73–78.
6. Розенталь Д.Э. Справочник по русскому языку. Практическая стилистика. – М.: Оникс 21 век: Мир и образование, 2001. – 381 с.
7. Брандес М.П. Переводческая стилистика: Нем. яз.: Практикум для самостоят. работы: [Учеб. пособие для ин-тов и фак. иностр. яз.] / М. П. Брандес. – М. : Высш. шк., 1988. – 126 с.
8. Кузнецова А.А., Безуглова О.А. Средства массовой информации как один из основных источников неологизмов в английском языке / А.А. Кузнецова, О.А. Безуглова // Филологические науки. Вопросы теории и практики. - 2017. - № 3 (69): в 3-х ч. Ч. 1. - С. 101-103.
9. Кабанова Н.И. Основы лексикологии английского языка для студентов V курса заочного отделения. 2-е изд., доп. Нижний Новгород: Нижегородский государственный лингвистический университет им. Н.А. Добролюбова, 2013. – 168 с.
10. Линь Е., Кончакова С.В. Прагматические функции неологизмов в современных СМИ // Вестник Тамбовского государственного университета им. Г.Р. Державина. – 2015, №11(151). – С. 193–197.
11. Волостных А.В. Функции неологизмов в рекламном тексте (на материале русского и французского языков) [Текст]: автореф. дисс. … канд. филол. наук. – Краснодар, 2008. – 21 с.

УДК 811.112.2

Эллипсис как эффективный инструмент экономии языковых средств в современной немецкой прессе

Фомичева Марина Петровна
ст. преподаватель кафедры романо-германских языков Московского государственного гуманитарно-экономического университета (МГГЭУ), РФ, Москва

Буцурадзе Лика Закариевна
студентка 5 курса факультета иностранных языков МГГЭУ, РФ, Москва

Ellipsis as an effective mechanism for semantic compression in the language of contemporary German periodicals

Fomicheva Marina Petrovna
senior lecturer of Romano-Germanic languages department
Moscow State University of Humanities and Economics, Russia, Moscow

Butzuradze Lika Zakariyevna
graduate student, Moscow State University of Humanities and Economics, Russia, Moscow

Аннотация. В данной статье анализируются особенности употребления эллиптических конструкций в языке современной немецкой прессы, рассматривается эллипсис как явление лингвистики в целом, а также виды эллиптических конструкций, характерных для немецкого языка. В статье излагаются взгляды различных исследователей на такое лингвистическое явление, как эллипсис, установлены типы элиминации компонентов в эллиптических конструкциях. Материалом для исследования послужили эллиптические заголовки, отобранные из периодических изданий *Der Spiegel* и *Die Welt* (онлайн-версии).

Ключевые слова: экономия языковых средств, эллипсис, эллиптические предложения, язык современной немецкой прессы, заголовок статьи, неполные предложения, полные предложения, риторическая фигура, элиминация.

Abstract. This article analyzes the features of using elliptic constructions in the language of the modern German press, considers ellipsis as a phenomenon of linguistics in general, as well as the types of elliptic constructions characteristic of the German language. The article presents the views of various researchers on such a linguistic phenomenon as ellipsis, and sets the types of component elimination in elliptic constructions. The material for the study was elliptical headlines selected from periodicals Der Spiegel and Die Welt (online versions).

Key words: economy of language resources, ellipsis, elliptic sentences, the language of the modern German press, heading of article, incomplete sentences, complete sentences, rhetorical figure, elimination.

В современном мире, в эпоху большого технического прогресса, отмечается ускорение ритма жизни. Следовательно, все более актуальным является понятие «экономия времени». Язык реагирует на эту установку изменением формы устной и

письменной речи, поскольку важным становится достижение большего объема информативности текста при минимуме языковых средств. В современном немецком письменном языке тенденция к экономии прослеживается на разных уровнях. Поэтому все большую актуальность приобретает изучение синтаксических и стилистических средств, которые позволяют передать мысль или высказывание различными экономичными способами. Одним из таких средств являются эллиптические предложения.

Ввиду разнообразия функций данного лингвистического явления его прагматические границы остаются нечеткими, вследствие чего возникает большое количество различных классификаций, в основу которых положены функциональные и грамматическим особенности эллиптических конструкций. В данной статье мы пытаемся выявить современные тенденции функционирования эллиптических заголовков в текстах немецкоязычной прессы, опираясь на классификацию А.Л. Зеленецкого и О.В. Новожиловой.

Публицистический стиль находит свое активное отражение в языке современной немецкой прессы. А.А. Липгарт подчеркивает, что в текстах публицистического характера реализуются функция сообщения и функция воздействия, но передача специальной информации данному стилю не свойственна. «Особенностью функционального стиля публицистики является то, что в силу его языковой и содержательной специфики обсуждение тем в рамках этого стиля упрощает понятийный план и дискуссия становится более доступной для всех, ее переводят на более или менее популярный уровень» [11, с.352].

Функция воздействия на читателя определяется способом выражения позиции автора статьи. Если же таковая отображается прямо и открыто, и к тому же, выражена релевантными лингвистическими средствами, то это увеличивает интерес к статье.

Универсальной чертой немецкоязычных газетных текстов является поиск новых средств выражения – слов, образов, стилистических приемов, и вместе с тем язык СМИ включает в себя большое количество стандартных выражений, клише. По мнению М.П. Брандес, «основу языка газетно-публицистического стиля составляет книжно-обиходный, «книжный» язык, представляющий собой сочетание элементов (лексики и синтаксических структур) разных стилей…» [2, с.197].

Как отмечает Г.П. Нещименко, при анализе публичной коммуникации «нельзя не заметить очевидного снижения речевых стандартов…, сопровождаемого активным использованием разговорного языка [12, с. 99]. К примеру, в газетно-журнальных заголовках достаточно часто используются разговорные слова и выражения: *Reus*

verplappert sich – Марко Ройс проболтался (Spiegel от 18.10.2019). Безусловно, язык прессы демонстрирует современное состояния языка, одновременно оказывая большое влияние на формирование и изменение языковых норм.

Заголовок – это первое, на что обращает внимание читатель при знакомстве с газетной публикацией. «Газетный заголовок обладает коммуникативной направленностью: читатель с легкостью может понять, о чем пойдет речь в статье благодаря названию, которое также проинформирует реципиента о значении, характере и степени важности событий, имеющихся в публикации» [6]. Важной особенностью языка немецкой прессы является использование эллипсиса в заголовках статей, что придает заголовкам чрезвычайную сжатость и динамичность. Употребление эллипсиса в языке прессы связано не только со стремлением к краткости изложения информации, но и с оценочностью и экспрессией материала. Подобные заголовки интригуют реципиента, заставляя продолжить чтение, и в целом оптимизируют восприятие публицистического текста.

Эмпирической базой исследования стали эллиптические заголовки, для анализа были выбраны рубрики «Политика» и «Экономика». Из 350 статей было отобрано 172 примера.

Говоря об эллиптическом предложении, уместно дать определение самому термину «предложение», как его понимает О.С. Ахманова. Это «грамматически и интонационно оформленная по законам данного языка целостная единица речи, являющаяся главным средством формирования, выражения и сообщения мысли о некоторой действительности и отношения к ней говорящего». А также «двучленный синтаксический комплекс, в котором вполне определенно выражаются два главные члена (подлежащее и сказуемое) или же, в более сложных случаях, группа подлежащего и группа сказуемого» [1, с. 335].

В неформальном, непринужденном общении позволительно «использовать только те части предложения, которые необходимы для понимания смысла, опуская остальную часть. Это приводит к образованию или эллиптических, или просто неполных предложений» [5].

При изучении явления эллипсиса стоит отметить, что в современной лингвистике не существует универсального определения данному понятию. Автор «Грамматики немецкого языка» В. Юнг понимал под эллипсисом «языковую экономию на синтаксическом уровне, а именно отсутствие лишних для понимания членов предложения, поскольку они подразумеваются из ситуации» [14, с.15]. А. Ю. Калиновская определяет эллипсис как средство «освобождения коммуникации от

избыточности, при котором в предложении опущены те его части, которые могут быть восстановлены из ближайшего контекста» [7].

Рассмотрим еще одно определение, данное лингвистом В.Н. Ярцевой. По ее мнению, эллипсис – это «пропуск в речи или тексте подразумеваемой языковой единицы, структурная «неполнота» синтаксической конструкции. В сфере предложения эллипсис определяется как пропуск того или иного члена предложения, компонента высказывания, легко восстанавливаемого из контекста» [13, с. 592]. Именно этого определения мы будем придерживаться в работе.

Употребление эллипсиса ученые рассматривают как проявление универсальной тенденции к экономии языковых средств, которая является одним из законов развития языка. Это поиск более экономичной, краткой, компактной формы высказывания при минимальной затрате умственной и физической энергии на коммуникацию, «достигающейся, в частности, за счет применения наиболее «сжатых» текстовых конструкций» [8].

Многие лингвисты рассматривают эллипсис как упрощение языка, как языковую деформацию, которая может привести к полному непониманию среди говорящих на иностранном языке. Другие же, напротив, считают, что эта тенденция «приводит к появлению новых конструкций, которые обогащают язык, делают разговорную речь динамичнее, выразительнее» [5].

Эллиптические предложения являются неполными с точки зрения грамматики, но, как отмечает немецкий лингвист К. Э. Хейдолф, «в сокращенных предложениях этого типа всегда сохраняется член предложения, который является ремой в полном предложении» [14, с.16]. На этом основании он относит эллипсис к полным предложениям и рассматривает оба предложения равными по смыслу, потому что эллиптические предложения в соответствующих ситуационных или контекстных условиях передают то же содержание, что и полные [14, с.16]. Необходимо упомянуть, что по данному вопросу нет единой точки зрения. Некоторые лингвисты понимают прилагательные «неполный» и «эллиптический» как синонимы, другие эти понятия разграничивают. Так, например, А. А. Ларькина подчеркивает, что необходимо учитывать фактор компрессии при решении данного вопроса. Неполные предложения являются компрессивными образованиями, не восстановимыми до полных вариантов. «Эллиптические предложения также компрессивны по своей природе, но основным условием для их существования является наличие полного коррелята, функционирующего в языке на синхроническом уровне» [10].

Также, по мнению Ларькиной следует различать понятия эллиптического предложения и эллипсиса. По ее утверждению, в эллиптическом предложении опускаются знаменательные части речи, а в эллипсисе возможно опущение любого элемента. Таким образом, лингвист представляет эллипсис более широким понятием, «чем эллиптическая структура, представляющий собой механизм, в результате которого может опускаться любой компонент предложения-высказывания» [10].

При изучении теоретического материала мы также отметили следующее: в немецкой традиции эллипсис первоначально изучался как риторическое понятие. Он был перенесен из риторики в грамматику для описания определенного типа языковых кратких форм. В классической риторике эллипсис описывается как опущение определенных элементов речи [14, с.13,14]. Цель такого опущения – лаконичный и краткий способ формулирования в дискурсе, чтобы оказать на читателя или слушателя определенное языковое воздействие. Еще римский ритор Квинтилиан, автор учебника ораторского искусства, рассматривал эллипсис с грамматической и риторический точки зрения. Грамматически эллипсис являлся речевой ошибкой, и по этой причине его следовало избегать. А с точки зрения риторики он трактовал эллипсис как фигуру речи, которая выступала только в качестве остроумного, часто эмоционального выражения.

Основные черты античного эллиптического определения остаются неизменными по сей день. Немецкий исследователь С. Матушек определяет эллипсис как риторическую фигуру [14, с.14]. Этого мнения придерживается и А. А. Ларькина, она считает, что «риторика и грамматика тесно взаимосвязаны. Поэтому можно говорить о том, что эллипсис как грамматический феномен лежит в основе соответствующего стилистического приема» [10].

Часто эллипсис проявляется в разговорной сфере, а именно в диалогической речи, так как она всегда имеет ситуативный контекст, и некоторые компоненты высказываний могут быть «сэкономлены». Такими компонентами являются те элементы высказывания, что выходят из контекста речи, соотносятся с определенными, уже известными и произнесенными компонентами речевой ситуации (тема, место, цель, причина беседы) [9, с. 269]. Наибольший «интерес представляет выявление членов предложения, которые опускаются с сохранением информации» [5].

При исследовании эллипсиса как лингвистического явления выяснилось, что случаи неупотребления, опущения частей высказывания не являются однородными. По этой причине существуют различные классификации: «по морфологическому

признаку (часть речи главного члена), синтаксическому (их соотнесенность с подлежащим или сказуемым) и семантическому (их общее значение)» [5].

Н.М. Васильева в своей классификации определяет неполные предложения как эллиптические конструкции, с одним или несколькими недостающими членами. Они характерны для ответных реплик в диалогах и в контексте «соответствуют полным двусоставным предложениям, а отсутствующие члены легко восстанавливаются из контекста и ситуации» [5].

В нашем исследовании мы придерживались классификации, предложенной А.Л. Зеленецким и О.В. Новожиловой, поскольку, на наш взгляд, она является наиболее понятной и логичной. Рассмотрим подробно данную классификацию, и проиллюстрируем ее примерами заголовков, найденными нами в процессе работы.

В данной систематизации эллиптических предложений в качестве критерия выступает указание на опущенные элементы [4, с. 163-167]. Таких элементов выделено шесть.

1. Прежде всего, элиминации, то есть опущению, подвергается определенная *часть сказуемого*, чаще всего это личные формы глагола *sein* в составе адъективного предиката, включая так называемый статив. В качестве примеров такого вида эллипсиса можно привести следующие заголовки: *Deutschland in der Nord-Stream-Falle – Германия в ловушке Северного потока (Die Welt от 28.05.2020)*. Здесь и далее перевод наш. В статье идет речь о том, что **США делают все возможное, чтобы помешать проекту «Северный поток — 2», а Германия оказалось заложником этой ситуации.**

Unionsabgeordnete für Erhöhung des Rundfunkbeitrags – auch wegen Corona. – Депутаты Бундестага за увеличение вклада в публично-правовое телерадиовещание – и в том числе из-за коронавируса.(Welt от 29.05.2020). В статье сообщается о письме депутатов партий ХДС/ХСС в поддержку средств массовой информации в период эпидемии.

Реже представлено опущение вспомогательного глагола аналитической формы в самостоятельном или придаточном предложении. Например, в заголовке: *Mindestens 33 türkische Soldaten bei Luftangriffen getötet - По меньшей мере 33 турецких солдата были убиты (Welt от 28.02.2020)* опущен вспомогательный глагол *werden* в пассивной конструкции.

Еще подобный пример. *Ukraine: Dutzende Babys von Leihmüttern wegen Corona immer noch nicht abgeholt. – Десятки младенцев, рожденных суррогатными*

матерями на Украине, не могут из-за коронавируса забрать (их биологические родители-иностранцы) (Spiegel от 11.06.2020).

Отметим, что заголовки такого типа довольно популярны в немецких изданиях, отсутствие вспомогательных глаголов фактически не ощущается читателем, т.к. сохраняется смысловой глагол.

Часто элиминации подвергается зависящий от модальных глаголов простой (первый) инфинитив, часто это касается глаголов движения*: Seit Montag dürfen deutsche Urlauber wieder nach Mallorca. – С понедельника отпускникам можно снова (ехать) на Майорку (Welt от 19.06.2020).*

Эллипсис инфинитива глаголов более сложной семантики встречается реже и обычно обусловлен, соответственно, более широким контекстом. Приведем примеры: *US-Präsidentschaftswahlen 2020: Demokratin Gabbard will ins Weiße Haus – Президентские выборы в США в 2020 году. Кандидат от демократической партии Габбард хочет (попасть) в Белый дом (Spiegel от 12.01.2019);*

2. Элиминации подвергается все сказуемое. Как правило, это происходит при выражении предиката простыми формами глаголов абстрактной семантики. Приведем примеры заголовков: *Mehrheit der EU-Bürger optimistisch für die Zukunft. Большинство граждан ЕС оптимистично (смотрит) в будущее. (Spiegel от 28.05.2020). Bill Gates und die WHO – aus Sicht vieler Beobachter eine problematische Beziehung. – Билл Гейтс и ВОЗ – проблемные отношения с точки зрения многих наблюдателей. (Welt от 10.06.2020)*

Необходимо заметить, что авторы данной классификации выделяют проблему применения понятия эллипсиса к интерпретации номинативных предложений, типа: *Angriff auf Büro von Christian Hirte. – Нападение на офис Кристиана Хирте (Spiegel от 06.03.2020)* или *Die verlorenen Wochen. – Потерянные недели (Welt от 18.05.2020)* Они считают, что «всякое номинативное предложение можно истолковать как эллиптическое с элиминированным комплексом *Es / Das ist* … [4, с.168]. На наш взгляд, эта мысль полемична, но, тем не менее, мы соглашаемся с тем, что безглагольное предложение является эллиптическим вслед за Н.С. Валгиной. Согласно ее определению, «эллиптическими называются самостоятельно употребляемые предложения особого типа, спецификой структуры которых является отсутствие глагольного сказуемого, причём сказуемого, не упомянутого в контексте, т. е. в смысловом отношении не являющегося необходимым для передачи данного сообщения» [3, с.199].

Учитывая вышесказанное, можно отметить, что вместе с глаголом может элиминироваться и типизирующее вводящее слово es или das. Такой тип редко используется в заголовках: *Polizei stoppt Messerattacke in Glasgow – Verdächtiger tot, „kein Terrorakt"– Нападение с ножом в Глазго остановлено полицией – нападавший мертв, полиция не считает это терактом (Welt от 27.06.2020).* Здесь сразу два типа элиминации (ср. *Verdächtiger ist tot, es ist „kein Terrorakt").*

В побудительном предложении также может элиминироваться сказуемое, и в таком случае высказывание сводится к правому актанту (активному значимому участнику речевой ситуации). Как правило, это традиционное дополнение или обстоятельство, или их сочетание. Данные предложения зачастую являются командами. В пример можно привести заголовок: *Vorwärts, Genossen! Aber wohin? – Вперед, товарищи! Только куда?(Spiegel от 09.01.2020).*В статье идет речь об ожиданиях перемен в Социал-демократической партии Германии в связи с переизбранием ее руководства.

Her mit der Negativ-Steuer für den Mittelstand! – Ввести отрицательный налог для малого и среднего бизнеса! (Welt от 27.03.2020). Автор статьи говорит о срочной задаче экономической политики, которая заключается в том, чтобы оказать помощь предприятиям с более чем десятью и менее чем 250 сотрудниками. В данном заголовке элиминированы подлежащее и сказуемое. Значение глагола в данной ситуации можно лишь предполагать. Такой тип элиминации редко используется в заголовках, но часто встречается в разговорной речи.

3. Эллипсис подлежащего (левого актанта) вместе с личным глаголом типичен, прежде всего, для устной речи, и нечасто встречается в заголовках и тексте статьи. Можно привести примеры: *Rechtlich zweifelhaft, dennoch kalkuliert. – Юридически сомнительно, но тем не менее принято в расчет (Spiegel от 30.05.2020).*

Von der eigenen Schwester entmachtet – Лишенный власти собственной сестрой. (Die Welt, от 21.03.2020). Статья рассказывает о борьбе за власть в семейной фирме между братом и сестрой Акселем и Зузанной Шрамм.

4. Встречается также элиминация предиката в сочетании с подлежащим. К примеру: *Vorerst wieder da – пока вернулся. (Spiegel от 19.06.2020).* Речь в статье о том, что суд Берлина постановил: исключение Андреаса Кальбица из АфД было недопустимо - на данный момент он снова в партии.

Еще пример: *Unglücklich im Job – Soll ich den Beruf wechseln? – Несчастлив на работе – Может, сменить профессию? (Spiegel от 04.06.2020).*

5. Специфической для немецкого языка является *элиминация личного глагола и всех актантов*. В высказывании остается только именная форма глагола. Например, в статье с названием *Ausgebrannt – Выгоревший. (Spiegel от 04.06.2020)* сложно сориентировать читателя по теме статьи, поэтому автор разъясняет в подзаголовке, что речь идет о трудностях, которые испытывает фирма Volkswagen.

6. Эллипсис обязательного прямого дополнения отмечается крайне редко. Мы смогли выделить лишь один заголовок*: Einmal kräftig gedreht, dann war das Ding offen - Достаточно покрутить с усилием и можно открыть (Spiegel от 11.01.2019)*. Речь в статье идет о сомнениях в качестве пробирок для допинг-проб.

Следуя классификации А.Л. Зеленецкого и О.В. Новожиловой, мы на практике изучили особенности использования эллиптических конструкций. В ходе исследования были рассмотрены 172 примера эллиптических заголовков (86 найдены в *Der Spiegel*, и 86 *в Die Welt*).

В зависимости от того, какой член предложения элиминирован, можно выделить несколько типов эллиптических предложений. Наиболее распространенными являются предложения, в которых элиминирован либо весь предикат, либо его часть.

В ходе анализа мы выяснили, что наиболее часто встречается эллипсис всего сказуемого – 36 примеров из *Spiegel* и 52 из *Welt* – 88 примеров (51,2%). Следующим по частотности опущения является часть сказуемого – глагол-связка *sein* в составе именного сказуемого и статив – 14 примеров из *Spiegel* и 13 из *Welt* – 27 примеров (15,7%). Далее следует эллипсис вспомогательного глагола пассивной конструкции – 12 примеров из *Spiegel* и 5 из *Welt* – 17 примеров (9,9%). Также эллипсису подвергаются смысловой глагол после модального глагола – 14 примеров (9+5) – 8,1%; подлежащее с личным глаголом – 11 (6+5) – 6,4 %; вспомогательный глагол *sein / haben* – 5 примеров (3+2) – 2,9%; подлежащее и сказуемое – 4 примера (3+1) – 2,3%. Реже можно встретить элиминацию личного глагола и всех актантов – 3 примера (2+1) – 1,7%; типизирующего *es/das* 2 примера из *Welt* – 1,2%; а также дополнения 1 пример из *Spiegel* – (0,6%).

В результате обзора приведенной статистики можно сделать вывод, что в немецкоязычной прессе журналисты часто используют эллиптические заголовки, так как они отвечают основным требованиям языка прессы – лаконичности и наглядности. Следует отметить, что реципиент практически не замечает данного рода опущения, читателю несложно восстановить отсутствующие члены предложения и понять его смысл.

Журнал *Spiegel* является общенациональным изданием и нацелен на широкого реципиента. Для привлечения внимания читателей авторы отступают от строгих грамматических норм, употребляют больше разговорных, а, следовательно, эмоциональных конструкций. *Die Welt* – это влиятельная информационная газета, пользующаяся популярностью у представителей немецкой бизнес-элиты. Газета публикует аналитические материалы, и ее позицию характеризуют как либеральную. В заголовках *Die Welt* чаще всего наблюдались номинативные предложения. Предложений и заголовков с опущением части сказуемого, свойственного разговорной речи, было выявлено меньшее количество, чем в *Spiegel*.

Список литературы

1. Ахманова О.С. Словарь лингвистических терминов / О.С. Ахманова. -2-е изд. М., «Советская энциклопедия», 1966.-607 с.
2. Брандес М.П. Стилистика текста. Теор.курс. Учебник. – 3-е изд. – М.: Прогресс-Традиция; ИНФРА-М, 2004.- 416 с.
3. Валгина Н.С. Современный русский язык Текст. : учеб. для вузов по спец. «Рус. яз. И лит.» / Н.С. Валгина, Д.Э. Розенталь, М.И. Фомина. М.: Высш. шк., 1987.- 480 с.
4. Зеленецкий А.Л., Новожилова О.В. Теория немецкого языкознания / А.Л.Зеленецкий, О.В.Новожилова. – М.: Издательский центр «Академия», 2003. – 400 с.
5. Иванилова Н.Е. Структурно-семантические особенности эллиптических предложений во французском и английском языках.-автореферат дисс. –2008 [Электронный ресурс]: http://cheloveknauka.com/strukturno-semanticheskie-osobennosti-ellipticheskih-predlozheniy-vo-frantsuzskom-i-angliyskom-yazykah#ixzz5odsIXlh1 (дата обращения 02.06.2020)
6. Иноземцева Н.В. Функциональные особенности заголовков англоязычных газетных статей // Вестник Оренбургского государственного университета. – 2015. - №11(186).-с.142-146. [Электронный ресурс]: https://cyberleninka.ru/article/n/funktsionalnye-osobennosti-zagolovkov-angloyazychnyh-gazetnyh-statey (дата обращения 30.06.2020)
7. Калиновская А. Ю. Способы достижения эквивалентности перевода эллиптических предложений в русском и немецком языках: на материале современных пьес.-автореферат дисс…М. – 2011. [Электронный ресурс]: https://www.dissercat.com/content/sposoby-dostizheniya-ekvivalentnosti-perevoda-ellipticheskikh-predlozhenii-v-russkom-i-nemet (дата обращения 31.05.2020)
8. Касаткин М.Л. Функционирование эллиптических высказываний в современном немецком языке. автореф. дисс…М. – 2004. [Электронный ресурс]:http://www.dslib.net/germanskie-jazyki/funkcionirovanie-jellipticheskih-vyskazyvanij-v-sovremennom-nemeckom-jazyke.html (дата обращения 04.06.2020)
9. Кобрина Н.А. Грамматика английского языка: Морфология. Синтаксис. – М., Просвещение, 1985
10. Ларькина А.А. Эллипсис и лингвистическая компрессия в современном французском языке в теории языковой экономии. [Электронный ресурс]: https://sworld.education/index.php/modern-linguistics-and-intercultural-communication-c112/11939-c112-084 (дата обращения 05.06.2020)
11. Липгарт А. А. К проблеме языковедческого описания публицистического функционального стиля // Язык средств массовой информации: Учебное пособие

для вузов/ Под ред. М.Н. Володиной.—М.: Академический проект; Альма Матер, 2008.-760 с.
12. Нещименко Г. П. Динамика речевого стандарта современной публичной вербальной коммуникации: проблемы. Тенденции развития // Вопросы языкознания – М., 2001. - № 1. - 98-132. [Электронный ресурс]: http://vja.ruslang.ru/ru/archive/2001-1/98-132 (дата обращения 30.06.2020)
13. Языкознание. Большой энциклопедический словарь / гл. ред. В.Н. Ярцева.– 2-е изд. – М.: Большая Российская энциклопедия, 1998. – 685 с.
14. Rybszleger P. Elliptische Konstruktionen im gesprochenen Deutsch in der Talk-Show als Textsorte Uniwersytet im. Adama Mickiewicza, Poznań 2009. [Электронный ресурс]: https://repozytorium.amu.edu.pl/bitstream/10593/873/2/JKK%208%20RYBSZLEGER.pdf (дата обращения 03.06.2020)

РОМАНСКИЕ ЯЗЫКИ

УДК 8.81-23

Явление акронимии в рамках языка французской молодежи

Николаева Ирини Николаевна
студент 2 курса специальности «Лингвистика»
Северо-Кавказский Федеральный Университет, РФ, г.Ставрополь
nikolaevairini15@mail.ru

Научный руководитель Ходус Елена Юрьевна
кандидат филологических наук, доцент кафедры романо-германской филологии и лингводидактики, Северо-Кавказский Федеральный Университет, РФ, г.Ставрополь
xoduseu@gmail.com

The phenomenon of acronym in the language of French young people

Nikolaeva Irini Nikolaevna
second-year student of the linguistic specialty
North-Caucasus Federal University, Russia, Stavropol

Scientific director Hodus Elena Yuryevna
candidate of Philology, assistant professor of Romano-Germanic Philology and Linguodidactics department, North-Caucasus Federal University, Russia, Stavropol

Аннотация. Данная статья посвящена теме акронимов в современном французском разговорном языке. Целью статьи является выявление причин возникновения акронимов, их основных функций и задач. Кроме того, проводится исследование данного вида сокращений непосредственно в рамках французского языка, раскрываются их лексические и фонетические особенности, ситуации употребления. В сравнении с английским языком французский еще плохо изучен. Именно поэтому представленная статья будет интересна для прочтения и возможно поспособствует дальнейшему исследованию особенностей данного языка. Предложенная статья является актуальной так, как она содержит анализ особенностей

сленговых акронимов, являющихся неотъемлемой составляющей разговорного французского языка. Именно разговорный стиль превалирует в повседневной жизни, следовательно, затронутая тема всегда будет востребованной в условиях современности.

Ключевые слова: акроним, французский язык, сокращение, сленг, интернет, франкофоны

Abstract. The article is dedicated to the issue of acronyms in modern French colloquial language. The aim of this article is to distinguish the reasons of appearance of acronyms, of their general functions and tasks. Moreover, the investigation of this kind of abbreviations is made within French language, lexical and phonetic features and the situations of use are revealed. In comparison with English, French is still badly explored. That is why the represented article is interesting for reading and it can possibly contribute to further investigation of features of this language. This article is relevant as it contains the analysis of peculiarities of acronyms used in slang, composing the inalienable part of colloquial French. It is the colloquial style that overweighs in the everyday life, subsequently, the touched theme will always be popular in modern conditions.

Keywords: acronym, French, abbreviation, slang, Internet, francophones

Явление аббревиации, представляющее собой словообразовательный процесс, который предполагает сокращение словосочетаний посредством использования их частей, существует на протяжении многих веков. Уже во времена шумеров, древних греков и древних римлян зарождались различные способы сокращения слов, такие как эллипсис и так называемая «суспензия». Еще в античности перед людьми стояла задача решения вопроса экономии места и времени. Для обоснования данного высказывания, будет уместным привести в пример деятельность представителей Древнего Рима. Длинные и громоздкие латинские фразы часто сокращались до одного-двух значимых слов и в таком виде вошли в современные языки, в частности в английский. Основная сфера применения подобных сокращений - юриспруденция и официальный стиль (adprot от adprotocollum, что переводится следующим образом «к занесению в протокол») [1, с.191]. Кроме того, многие сокращенные варианты латинских выражений вошли в современную лексику (например, в английском языке наряду с французским, есть сокращение e.t.c., полученное путем аббревиации латинского выражения et cetera, которое переводится как «и так далее»).

Данное лингвистическое явление прошло сквозь тысячелетия и не утеряло своей актуальности, а наоборот получило еще больший виток в развитии.

Таким образом, можно выделить несколько причин появления аббревиации:

1. Необходимость в экономии места и времени;
2. Преобразование письменной речи в более лаконичную и понятную;
3. Решение проблемы избыточности речи (опустить информацию, не несущую в себе никакого смысла).

4. Упрощение языка с целью приложения наименьших физических усилий при воспроизведении речи

Кроме того, лингвисты выделяют и экстралингвистические факторы, которые оказали влияние на развитие языка и на появление сокращений в том числе.

Крупные социальные сдвиги и научно-технический прогресс также влияют на появление новых слов в языке, а, следовательно, и сокращенных форм этих понятий. Стоит также отметить, что именно в такие периоды возникает большое количество новых слов, в том числе терминов, жаргонизмов и аббревиатур [3, с.59].

В условиях современности темп жизни значительно ускорился. Данные изменения стали причиной особенно великой необходимости в передаче большого объема информации и при этом, в затрачивании наименьшего количества времени. Именно поэтому человечество вновь обратилось к сокращениям.

Основные виды аббревиации:

1. Аббревиатура;
2. Усечение;
3. Алфавитизм;
4. Сложносокращенные слова;
5. Эллипсис;
6. Акроним.

В данной статье проведено исследование одного из видов аббревиации, указанного в списке последним. Изучение данного типа сокращений проведено по определенному плану, который раскрыт далее.

В представленной работе исследуются акронимы, относящиеся к разговорному стилю, то есть «сленговые акронимы». Вначале будут рассмотрены причины их активного распространения среди интернет-пользователей. Затем поле исследования будет сведено к изучению «сленговых акронимов» в рамках французского языка. Рассмотрению будут подвержены акронимы, являющиеся наиболее используемыми среди французской молодежи. В статье говорится именно об этой возрастной категории франкофонного населения в связи с тем, что представители молодого поколения в большей степени, чем люди другого возраста, прибегают к применению акронимов, имеющих разговорную окраску.

Акроним (acronyme) – инициальная аббревиатура, произносящаяся как обычное слово: radar, A.F.R.A., ONU, дуст, лавсан, НАТО [5, с.9].

Акронимы используются достаточно широко и в устной, и в письменной речи в связи с тем, что они отвечают потребности к лаконичности, и более того,

произносятся, как единое слово, что значительно сокращает время, затраченное на формулировку высказывания. В настоящее время их применение не ограничивается лишь государственной, технической и промышленной сферами. Акронимы получают все большее распространение в социальных сетях. Данное явление может быть обусловлено тем, что популярность и доступность интернет - технологий способствовала появлению новых возможностей и способов коммуникации, сформировав новую сферу информационного взаимодействия, которая привела к возникновению нового молодежного вида сленга в социальных сетях. Таким образом, процесс развития данного феномена также повлиял и на языковую составляющую современного общества [2, с.136]. Следовательно, акронимы стали своеобразным видом сленга для интернет-пользователей, ведь акронимы не только лаконичные, но и семантически ясные и доступные для понимания любого человека, который хотя бы раз пользовался социальной сетью. Основной процент использования акронимов приходится на представителей молодого поколения, или проще выражаясь, на людей подросткового возраста, ведь именно они больше всего пользуются интернетом как средством общения. В эпоху высоких технологий и господства интернета информация распространяется с титанической скоростью. Как только появляется новый «акроним-сленг», его тут же начинают использовать люди по всему миру. В социальных сетях, акронимы зачастую применяются для поддержания так называемого «тренда» или для того, чтобы упростить понимание информации для других людей. Нередко их применяют и в СМС-сообщениях, все с той же целью максимально минимизировать количество слов и при этом сделать информацию, содержащуюся в сообщении, наиболее ясной для собеседника.

Как уже было сказано раннее, данная статья направлена не просто на изучение явления акронимии, но на прослеживание применения акронимов непосредственно в разговорном французском языке.

В настоящее время можно наблюдать нарастающую тенденцию к широкому использованию акронимов в повседневной жизни. Развитие массовой межкультурной виртуальной коммуникации привело к появлению многочисленных аббревиатур и акронимов [4, с.128]. Таким образом, интернет не просто выполняет роль основного источника информации, но и служит своеобразным пространством для протекания словообразовательных процессов, в число которых входит и процесс образования новых акронимов. Посредством интернета, новые акронимы стали входить и во французскую лексику. Прежде чем приступить к изучению самых распространенных «разговорных акронимов» среди французской молодежи,

необходимо выяснить причины их проникновения в лексику данного языка. Для осуществления поставленной задачи, была принята во внимание научная работа преподавателя кафедры английского языка Бакинского Государственного Университета Махмудовой Нулифар Карабековны. Вот, что она пишет в своей статье: «Влияние современного социального прогресса на развитие языка носит широкий и глубокий характер, быстрый темп прогресса ведет к изменениям в системе языка. При влиянии прогресса на общество и на развитие языка появляется потребность в наименовании новых понятий» [3, с.60]. Исходя из приведенного отрывка, можно прийти к выводу, что научный прогресс влияет на потребности общества, а последнее в свою очередь оказывает значительное воздействие на язык. Ведь язык является отражением реалий социума. Люди нуждаются в образовании новых лексических средств, которые бы послужили наименованием необходимых им понятий. В случае с французской молодежью эту роль выполняют разговорные акронимы, в которых зашифрованы самые используемые представителями молодого поколения выражения.

Таким образом, можно выделить несколько причин появления разговорных акронимов во французском языке:

1. Необходимость в новых лексических единицах, которые содержали бы в себе самую необходимую информацию для общения;

2. Высокий уровень глобализации: благодаря интернету практически любая информация, в той или иной мере интересующая людей и им необходимая, моментально распространяется, что в результате приводит к ее популяризации среди интернет-пользователей. Таким образом, интернет является информационным пространством, способствующим не только образованию акронимов, но и их активному распространению среди пользователей.

3. Научный прогресс, оказывающий воздействие на потребности людей и впоследствии на изменения в языке

После того, как основные причины распространения акронимов во французской лексике были выяснены, перейдем к наиболее используемым из них.

В ходе проведения данного исследования, были использованы различные французские интернет-ресурсы. По мере изучения французских акронимов, были выделены их основные особенности. Итак, акронимы, используемые франкоговорящим населением, можно разделить на акронимы иностранного происхождения (как правило пришедшие из английского языка) и акронимы, образованные из лексических единиц французского языка. Обоснованность

указанных особенностей может быть подтверждена отрывком из диссертации Александры Петровны Шаповаловой, автора известного научного издания «Аббревиация и акронимия в лингвистике»: «Новые сокращения образуются средствами самого французского языка. Второй путь расширения словарного состава языка — заимствование сокращенных слов из других языков, что стало результатом международных контактов» [5, с.34].

Прежде всего будут представлены и подробно рассмотрены акронимы, образованные из единиц французского языка.

1. JPP: данный акроним расшифровывается как «J'en peux plus», что можно перевести двумя способами в зависимости от контекста. Данное сокращенное выражение используется как аналог другому французскому акрониму, который будет упомянут в следующем пункте. В этом случае он приобретает значение «Смеюсь до слез». В другом контексте JPP имеет совершенно иную семантику, которая придает данному выражению более негативную коннотацию. В этом случае акроним JPP переводится следующим образом: «Меня все достало» [3].

2. MDR: данный акроним является сокращением фразы «Mort de rire», которая аналогична по своему значению первому варианту перевода предыдущего сокращения. Таким образом, MDR применяется в ситуациях, когда человек хочет показать, что его очень сильно что-то рассмешило, и он умирает от смеха [3].

3. OSEF: данное сокращение расшифровывается как: «On s'en fout». Его чаще всего можно встретить в интернет-ресурсах, то есть в письменной форме. Однако в последнее время наблюдается тенденция к употреблению данного сокращения и в устной речи. Его произношение следующее: [озэф]. Этот акроним употребляется в тех случаях, когда человек выражает свое пренебрежение и равнодушие к чему-либо или к кому-либо. С целью наилучшего понимания его значения, обратимся к примеру, взятому из французского источника: «Le cours de maths est à 9 heures, mais OSEF on peut sécher» [2]. Данное предложение, содержащее рассматриваемый нами акроним, переводится следующим образом: «Занятие по математике состоится в 9 часов, но кого это волнует, можно и прогулять». Исходя из примера, указанного выше, приходим к выводу, что OSEF означает примерно следующее: «нас это не волнует» или, если перевести с более негативным оттенком: «наплевать».

Теперь обратим внимание на акронимы, пришедшие во французский из английского языка. Таковых достаточно много, но разобраны будут только некоторые из них.

1. YOLO: достаточно известный на просторах Интернета акроним, образовавшийся из английского выражения: «You only live once», что означает: «Ты живешь лишь один раз». Чаще всего употребляется перед совершением опасного или опрометчивого поступка. YOLO получил свое распространение главным образом благодаря музыкальному исполнителю Drake, который использовал указанный акроним в качестве названия своей песни. Во французском есть другой аналог данному выражению, однако также иноязычного происхождения. Это латинская крылатая фраза «Carpe diem», что переводится как «Лови момент» или «Живи настоящим» [4].

2. OMG: данный акроним известен во всем мире, однако не все осведомлены о его происхождении. В русскоязычном источнике написано следующее: Первое употребление акронима O.M.G. (англ. «Oh my god») было обнаружено историками в письме адмирала Джона Арбетнота Фишера Уинстону Черчиллю, датированном 1917 годом. Фишер жаловался на паникерские заголовки в желтой прессе, а в конце письма восклицал «Я слышал обсуждается новый рыцарский орден! OMG! Одарите им Адмиралтейство!» [1]. Данный акроним заключает в себе англоязычную фразу «Oh my God», то есть «О боже». Французы часто используют данный акроним и в письменной, и в устной речи наряду с его французским аналогом «Oh mon Dieu» (OMD). OMG выражает наивысшую степень самых разнообразных эмоций: удивление, отвращение, волнение или же смущение. Важно заметить, что несмотря на тот факт, что акронимы априори произносятся слитно, как одно слово, OMG французы произносят по буквам [о эм жэ]. Данное наблюдение было сделано в результате просмотра видео носителя французского языка, который ведет в YouTube канал под названием «Ma vie aux Etats-Unis» [5].

3. ASAP: изначально был применим к совершенно другой сфере, не имеющей ничего общего с разговорной лексикой. Данный акроним широко использовался американскими военными и входил в профессиональный радио вокабуляр. Расшифровывается ASAP как «As soon as possible», что переводится как «Настолько скоро, насколько это возможно». Как правило, носители французского языка употребляют акроним ASAP на письме, при обмене email сообщениями. В подавляющем большинстве случаев его используют для того, чтобы акцентировать внимание собеседника на важности выполнения какого-либо поручения в ближайшее время. Примечательно, что в устной речи, французы произносят его на английский манер, то есть [эйсэп] [3].

Вследствие проведенного исследования, были выявлены некоторые особенности акронимов в современном французском языке:

1. Во-первых, французские акронимы чаще всего употребляются в письменной речи. Ведь их не всегда удобно произнести по причине того, что нередко эти акронимы содержат в себе две или даже три согласные буквы, стоящие друг за другом с полным отсутствием гласных, как например в рассмотренном нами сокращении JPP.

2. Во-вторых, в самых известных французских словарях, таких как Larousse и Le Robert, нет ни одного из указанных в статье акронимов. Немногие из них удалось найти и в специализированных словарях акронимов. Не может быть исключена возможность того, что эти сокращения еще не полностью вошли во французский вокабуляр в связи с тем, что они снискали популярность в основном среди определенной возрастной категории населения.

3. Во французском языке существуют аналоги заимствованным из английского языка акронимам: например, французский акроним OMD (Oh mon Dieu) равнозначен всемирно известному сокращению OMG; для заимствованного акронима ASAP во французском языке существует аналог DQP, который полностью выглядит как Dès Que Possible, однако при этом, франкофоны в большинстве своем предпочитают использовать заимствованные варианты. Данное явление имеет место быть ввиду того, что английского язык считается более престижным, и кроме того, имеет статус интернационального средства общения, что делает его наиболее понятным для интернет-пользователей.

4. Обратим внимание и на фонетическую сторону французских акронимов. Вследствие проведенного исследования было выявлено, что сокращения, имеющие французское происхождение, то есть образовавшиеся из французских лексических единиц, произносятся в соответствие с правилами фонетики. Так происходит с акронимом OSEF, который читается следующим образом [озэф]. Согласная буква «s», расположенная между двумя гласными, озвончается, как и положено. Однако в случае с акронимами, заимствованными из английского языка, данное правило не действует. Как уже было указано раннее, сокращение ASAP имеет произношение [эйсэп] вразрез с фонетическими правилами французского языка. Следовательно, акронимы-заимствования не были полностью адаптированы французским языком и сохранили фонетические особенности языка, из которого они были взяты.

5. Во время проведения исследования современных французских акронимов было выявлено, что англоязычное сокращение YOLO было популяризировано музыкой. Это наблюдение доказывает тот факт, что не только интернет может

способствовать распространению акронимов, но и различные виды искусства или сферы жизнедеятельности.

Подводя итоги, хотелось бы подчеркнуть, что язык - это «живой организм», который постоянно меняется под влиянием различных факторов. С одной стороны он пополняется новыми лингвистическими единицами, а с другой - наоборот избавляется от устаревшей потерявшей свою актуальность лексики. На данный момент в языке наметилась тенденция к появлению большого количества сокращений. Мы не знаем насколько длительным будет данный процесс, и когда он начнет постепенно терять свою силу. Все зависит от намеченных людьми потребностей и от изменений, происходящих в мире.

Список литературы

1. Блох М.Я., Сергеева Т.С. Аббревиация как продуктивный способ словообразования в истории европейских языков // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. Филология. 2014. № 1 (29) с.186-199
2. Гайсина А.Р., Мухаметзянова Ф.Г., Веселова Е.К. Социально-психологические особенности использования субъектом сленга, аббревиатур и сокращений в англоязычных социальных сетях // Казанский вестник молодых ученых. 2017. №1 с.135-140
3. Махмудова Н.К. Причины образования аббревиаций в различных языках // Балтийский гуманитарный журнал. 2016. Т. 5. №2 (15) с.58-60
4. Новикова Л.А. Аббревиация как феномен межкультурной коммуникации в сети интернет // Вестник Удмуртского университета. Серия «История и филология» 2013, вып.2 с.126-133
5. Шаповалова А.П. Опыт построения общей теории аббревиации (на материале французских сокращенных единиц) // Ростовский государственный педагогический университет 2004. с.46

Список источников

1. Бюро переводов Фларус http://news.flarus.ru/
2. Top 30 des mots chelous utilisés par les ados pour qu'on ne les comprenne pas https://www.terrafemina.com/vie-privee/famille/articles/50810-top-30-des-mots-chelous-utilises-par-les-ados-pour-quon-ne-les-comprenne-pas.html
3. Urban Dictionary https://www.urbandictionary.com/
4. YOLO (aphorism) https://en.wikipedia.org/wiki/YOLO_(aphorism)
5. Expression anglaise: OH MY GOD / OH MY GOSH https://www.youtube.com/watch?v=rBz1LNrqM3M

УДК 811'13

Семантические и синтаксические особенности обобщающего высказывания в современном французском языке

Сластникова Тамара Васильевна
канд. филол. наук, доцент кафедры романской филологии института иностранных языков, Московский городской педагогический университет, РФ, г. Москва
tomas59@mail.ru

Антюшина Полина Олеговна
бакалавр института иностранных языков
Московский городской педагогический университет, РФ, г. Москва
p.antyushina@inbox.ru

Semantic and syntactic features of generalizing statements of modern French

Slastnikova Tamara Vasilievna
PhD (Philology), Docent, Associate professor of Romance Philology department
Institute of Foreign Languages, Moscow City University, Russia, Moscow

Antyushina Polina Olegovna
Bachelor of Institute of Foreign Languages, Moscow City University, Russia, Moscow

Аннотация. Генерализирующие высказывания, типизирующие жизненные явления и ситуации, их синтаксические особенности и особая семантика, функционирование в тексте привлекают внимание лингвистов. Отмечая конструктивное разнообразие высказываний, оформляющих обобщающее суждение, в данной статье подробно рассматривается тавтологическая конструкция, объединяющая глаголом être два имени существительных, характеризующаяся широтой употребления и наличием различных конструктивных вариантов в различных языках. Исследование проводилось на материале художественных и публицистических произведений на французском языке. В статье делается вывод о том, что подобные генерализирующие высказывания получают однозначное понимание лишь в широком контекстном окружении.

Ключевые слова: обобщение, обобщающее высказывание, контекст, лексическая избыточность.

Abstract. Generalizing statements typifying life phenomena and situations, their syntactic features and special semantics, functioning in the text attract the attention of linguists. Noting the constructive diversity of statements that formulate a generalizing judgement, this article examines in detail the tautological construction, combining two nouns by the verb être, characterized by the breadth of usage and the presence of various constructive options in different languages. The study has been conducted based on fiction texts in French. The article concludes that such generalizing statements get an unequivocal understanding only in a wide contextual environment.

Keywords: generalization, generalizing utterance, context, lexical redundancy

В середине XX в. как в отечественном, так и в зарубежном языкознании началось активное изучение функционирования обобщающих, или генерализирующих, высказываний. Среди лингвистов, впервые затронувших данную проблему в своих трудах, принято выделять М. Гальмиша, Ж. Клебера, О. Даля, а также отечественных учёных А.М. Бушуя, Л.Б. Лебедеву, Т.В. Сластникову и др. Этот интерес объясняется референционными особенностями высказываний данного типа: они лишены конкретной временной референционной соотнесённости и истинны для любой эпохи. Генерализирующие высказывания, типизирующие жизненные явления и ситуации, являются во французском языке употребительным и важным для коммуникации способом выражения обобщенной мысли [1, с. 238]. Интерес к подобным высказываниям, однозначности их восприятия в зависимости от контекста остаётся *актуальным* в наши дни. **Объектом** исследования является обобщающее высказывание во французском языке. **Предметом** исследования являются семантические особенности тавтологического обобщающего высказывания типа N_1 – Vcop – N_1 во французской художественной и публицистической литературе XX-XXI вв. В ходе исследования собранный текстовый материал был проанализирован различными лингвистическими **методами**, такими как морфосинтаксический, стилистический, семантический и аксиологический анализы. Исследование проводилось на материале художественных и публицистических текстов на французском языке (7 произведений франкоязычных авторов, внесённых в список источников). Для анализа было отобрано 115 обобщающих высказываний, среди которых лишь 10% составляют тавтологические высказывания.

Синтезировав определения, приведённые в российских словарях, таких как Словарь русского современного литературного языка, лингвистический энциклопедический словарь В.Н. Ярцевой, а также словарь лингвистических терминов О.С. Ахмановой, а также диссертационные труды Ковалёвой Т.А., Остапенко Т.С., Зайц О.А., выносим собственное определение **обобщения:** это одна из основных мыслительных операций, результатом которой является резюмирование знаний относительно универсального характера свойств, качеств и признаков субъектов, предметов и явлений, находящих своё выражение в относительно свободных фразеологизированных высказываниях [1].

В ряде работ подробно рассматриваются семантические показатели обобщающих высказываний (М. Гальмиш, Ж. Клебер, Т.В. Сластникова, А.М. Червоный, В.Г. Гак, Я.И. Рославец) подчеркивается наличие одновременно нескольких формальных маркеров (генерализирующая форма артикля,

пространственно-временные показатели – наречия *toujours, souvent, parfois, jamais, en général*, генерализирующий презенс) относящих французское высказывание к этому типу.

Не меньший интерес представляют синтаксические структуры оформляющие генерализирующее высказывание.

Среди них лингвистами (А.М. Червоный, В.Г. Гак, Т.В. Сластникова, М. Гальмиш) принято выделять:

1) обобщающие глагольно-именные конструкции, среди которых наиболее употребительной структурой является модель субстантивного предложения, состоящего из *подлежащего – имени существительного, глагольной связки и предикатива – существительного*, – **структурная модель *N_1 - Vcop – N_2*.** С помощью данной модели возможна передача связи двух общих понятий: более частного понятия – разновидности, и более общего – целого вида. Сохраняя обобщающий характер, модель субстантивного предложения характеризует субъект высказывания, показывает на включение (или исключение, если глагольная связка в отрицательной форме) субъекта в класс, обозначаемый предикатом, отождествляет объекты, т.е. объекты понимаются в широком смысле:

*Mais **l'amour est un grand faiseur** de miracles* [10, p. 73].

*Chaque matin, en commençant les visites, il nous répète inlassablement que **la médecine n'est pas un métier** mais une vocation* [11, p. 54].

2) Местоименные конструкции обобщающих высказываний. Проблему *дифференциации лексических единиц по объему выражаемой обобщенности* затрагивают в своих исследованиях В.Г. Гак, А.М. Червоный [3; 2]. Номенклатура выражения обобщенности представлена специальными лексическими единицами:

*Указательные местоимения **celui**, **celle, ceux, celles*** лишь маркируют наличие субъекта в синтаксической структуре обобщающего высказывания, не конкретизируя семантический субъект. При анализе отобранной литературы нами было замечено, что данные местоимения чаще всего сопровождаются относительным местоимением ***qui***:

*Papa ne fait peut-être que du pain, mais si tu voyais comme ils sont heureux, **ceux qui** viennent à la boulangerie aux premières heures du matin* [11, p. 116].

Наиболее широкий объем обобщения выражается местоимениями ***tous(tes)*** и субстантивами ***les hommes, les gens.*** Эти лексические единицы коррелируют с

лексическими единицами, передающими наименьший семантический объем обобщения ***chacun(e).***

Особая роль в оформлении генерализирующего высказывания в большинстве французских предложений отводится местоимению ***on,*** которое способно выступать в трех лицах и обозначать как единственное, так и множественное число субъектов:

Quand ***on*** *est vraiment amoureux,* ***on*** *ne peut pas se détacher du jour au lendemain, dit-il doucement* [12, p. 224].

Собственно-личные местоимения ***vous*** и ***tu***, ***nous*** и ***il*** употребляясь в обобщенно-личном значении, выступают в качестве экспрессивных синонимов местоимения *on:*

Tu vois, une mère, c'est aussi simple que cela, ça ne cesse jamais de penser à ses enfants ; du premier instant où s'ouvrent vos yeux, ***vous*** *occupez nos pensées. Et rien ne nous rend plus heureuses* [11, p.123].

Знаешь, мать очень просто устроена, она всегда думает о своих детях; с первой минуты, когда открываются ваши глазки, вы занимаете все наши мысли. И нет для нас большего счастья. (пер. Н. Хотинской)

Je lui rappelai que les enfants ont un langage que ***nous*** *avons oublié, une façon bien à eux de communiquer* [11, p. 57].

Изучив маркеры обобщенности, отмечаем, что притяжательные прилагательные также могут выступать в роли обобщающих нести в себе обобщающую функцию в определённых контекстах:

À l'adolescence, on rêve du jour où l'on quittera ***ses*** *parents, un autre jour ce sont* ***vos*** *parents qui vous quittent* [11, p. 121].

Благодаря употреблению местоимений в роли прямого и косвенного дополнения, появляется возможность включить в обобщение всех участников акта коммуникации и через них распространить это обобщение на всех людей.

Quand les enfants deviennent des adultes, on a le sentiment de ne plus ***les*** *comprendre, murmura-t-elle d'une voix songeuse* [11, p. 189].

При анализе художественной литературы, нами было отмечено, что обобщенное значение могут передавать и отрицательные местоимения французского языка:

C'est sacré, un amour d'enfance, ***rien*** *ne peut vous l'enlever. Ça reste là, ancré au fond de vous* [11, p. 98].

Personne *ne peut expliquer pourquoi certaines nuits, les Urgences débordent de monde en souffrance tandis que d'autres, rien ou presque ne se passe* [11, p. 58].

Отмечается также и частое употребление неопределённых прилагательных ***certain, plusieurs, quelque***, которые передают усреднённую степень обобщенности, а также употребление прилагательного ***chaque***, которое помогает добиться включения субъекта высказывания в единый класс:

Certains *pères font des choses comme ça* [11, p. 58].

Mais ***chaque*** *élève ne rêve-t-il pas de dépasser ses maîtres?* [11, p. 55]

Следует отметить, что в текстах встречаются примеры одновременного употребления нескольких местоимений в одном обобщающем высказывании.

Данная мысль приводит нас к выводу о том, что во французском языке не представляется возможным выделение определённой формы, позволяющей выразить обобщающее суждение, необходимо рассматривать их в совокупности.

Среди обобщающих высказываний наиболее многочисленны **безличные конструкции,** выраженные глаголом существования ***il y a*** и с безличным оборотом ***il faut***, которые подробно рассматривают в своих статьях М. Гальмиш и Ж. Клебер [6; 7].

Il suffit de *fermer les yeux et de penser à eux pour les voir à jamais tels qu'ils étaient, comme si l'amour qu'on leur porte avait le pouvoir d'arrêter le temps* [11, p. 54].

Il faut *un minimum d'études pour faire de la politique, répondit Luc en ricanant* [11, p. 67].

Высокая частотность данных типов высказываний объясняется, в первую очередь тем, что безличные глаголы необходимости не только передают обобщенный характер действия, но и выполняют функцию предписания без обращения к конкретному лицу, указывая, каким образом вести себя в той или иной ситуации. Эти высказывания выражают модальные оттенки.

Ранее, мы в своём исследовании отмечали следующую конструкцию, свойственную безличным обобщающим высказываниям: il est + adjectif + de ...:

Il est facile d'*édifier des mur, mon garçon. Mais une fois qu'ils sont dressés****, il est dur de*** *les abattre* [14, p. 62].

Обобщение также может подчеркиваться структурами, которые вводятся местоимениями (***il, elle, ça***) после подлежащего:

Le maniement du cerf-volant, c'est comme le vélo, ***ça*** *ne s'oublie pas, même si on n'a pas pratiqué depuis des années* [11, p. 99].

3) Обобщающие глагольные конструкции. Выделяем в отдельную группу обобщающие высказывания, представленные в форме **риторического вопроса**:

Qui s'attachera un jour à une fille qui ne peut pas parler, à une fille qui pousse des cris quand elle rit? [11, p. 51]

В вышеприведённых примерах отражается и дейктическая функция местоимения ***qui***, в данной форме это местоимение также способно выражать обобщающее значение:

Si les étudiants en médecine tombaient malades, qui allait soigner les gens? [11, p. 65]

Полная формальная редукция семантического субъекта в синтаксических конструкциях с обобщающим значением имеет место при субъектной номинализации, а также в **инфинитивных конструкциях обобщающих высказываний,** где инфинитив употребляется в позиции подлежащего:

Faire voler *un aigle en entendant craquer les coquillages sous ses pieds a quelque chose d'assez divin* [11, p. 50].

Наибольший интерес для исследования представляют генерализирующие (**обобщающие) выказывания тавтологического типа N_1 –Vcop – N1.** Тавтологическая конструкция N_1 – Vcop – N_1 характеризуется широтой употребления и наличием различных конструктивных вариантов в различных языках. N_1 est / sont N_1, N_1 есть N_1 – является основной (ядерной) конструкцией данной формулы для русского и французского языков. По своей структуре данные тавтологические высказывания являются аналитическими конструкциями, следовательно, могут быть отнесены к обобщающим высказываниям.

Говоря о структуре аналитического высказывания, мы утверждаем, что в его основе лежит суждение, в котором составляющие представлены родовым и видовым терминами. Родо-временные отношения характеризуются отношением 'включения'. Построенные по принципу логического круга, выраженные синтаксически верной конструкцией, тавтологические высказывания имеют право на существование и употребление в речи, наряду с другими синтаксическими конструкциями.

Примерами данной конструкции во французском языке могут послужить следующие выражения: ***une femme est une femme, les garçons sont toujours les garçons, le passé est le passé, la loi, c'est la loi, quoi est quoi, qui est qui*** и т.п.

Семантика предложения типа Une femme est une femme имеет различные дефиниции. Я.И. Рославец указывает, что в предложениях типа *Человек есть человек*, *Дети есть дети* дается определение понятий не путём указания на их отдельные признаки и свойства, а путем указания на весь комплекс присущих им признаков [5, с. 99]. Благодаря синтаксической конструкции, объединяющей

глаголом *être* все отдельно взятые слова во фразе, становится возможным интерпретация скрытого в ней смысла. Однако М. Рижель, рассматривая аналитические высказывания типа *ma maison*, *c`est ma maison*, *la subversion, c'est la subversion*, отмечает, что следует отличать частный случай, типа *Une femme est femme*, который представляет собой прием усиления: индивид, извлеченный из класса подобных, принадлежит этому классу [9, p. 138].

Значение всей фразы придаётся именно за счёт второго компонента. В своём исследовании, направленном на выявление понятия *femme*, М. Рижелю удалось выявить следующее: в высказывании *Une femme₁ est une femme₂* наблюдается оппозиция *femme₁ concret vs femme₂ abstrait*. То есть определенная женщина *femme₁* имеет качества, присущие женщине вообще *femme₂* – во втором случае образ женщины может быть интерпретирован совершенно по-разному: она может быть хозяйственной, покорной, целомудренной, нежной, кокетливой, болтливой, и т.д [9]. Одному и тому же объекту в этих высказываниях, в данном случае *femme*, приписывается разный комплекс признаков, устанавливаемый говорящими. Информационное содержание высказывания типа *Une femme est une femme* не составляется из элементов понятийного значения, а непосредственно зависит от ситуативно обусловленных ожиданий, представлений и эмоций.

Всё вышесказанное может быть проиллюстрировано следующими примерами:

Qu'est-ce cela peut signifier? Qu-au théâtre ***un homme n'est pas un homme*** *(mais il ne l'est nulle part), qu'**une femme n'est pas une femme**, qu'une femme peut faire un rôle d'homme comme on dit un métier d'homme? Mais c'est exactement le contraire qui m'intéresse. J'ai mes petits axiomes à moi, à savoir, premièrement, qu'**une femme est une femme**, et deuxièmement, qu'**une femme n'est pas un homme**. Corollaires: **un homme n'est pas une femme**, mais il peut essayer de commencer à travailler à le devenir (mais c'est impossible)...* [15, p. 200].

В тексте речь идёт о возможности женщин исполнять мужские роли в театре. Говорящий выражает своё мнение на этот счёт, как мы видим из контекста, противоположное устоявшемуся мнению: *в театре* (по обыкновению) женщина не является женщиной точно так же, как и мужчина не является мужчиной. Автор ссылается на обширный фонд знаний читающего, подразумевая, что он знает, что женщины могут интерпретировать мужские роли, и наоборот. Однако, далее говорящий отмечает, что женщина, в его понимании, является женщиной (une femme est une femme) и не сможет исполнять мужские роли точно также, как и мужчина

является мужчиной и не сможет вжиться в женскую роль (un homme n'est pas une femme), хотя и может попробовать.

Из контекста становится очевидным, что в данном случае женщина, *une femme*, рассматривается с профессиональной точки зрения, как *работник*; автор размышляет на тему гендерной принадлежности актёров в театре и её влияния на проявление актёрских способностей в профессиональном плане. Иными словами, наблюдается сравнение на уровне социальных отношений – женщина противопоставляется мужчине.

При анализе данного текста нами было сделано интересное наблюдение: обобщающие тавтологические высказывания типа N_1 – Vcop – N_1, а также обобщающие высказывания типа N_1 – Vcop – N_2 могут использоваться и в отрицательных формах. Прибегая к такому приёму, автор, вероятно, хочет продемонстрировать исключительность субъекта, его непохожесть, атипичность, отклонение от общепринятого образа. В данном случае N_1, также как и N_2 представляет собой абстрактный образ: ***un homme*** (abstrait) ***n'est pas un homme*** (abstrait)***; une femme*** (abstrait) ***n'est pas une femme*** (abstrait).

Для сравнения восприятий образа женщины на уровне *социальных отношений* рассмотрим второй текст из публицистического произведения *Romans d'amour*:

La réalité des rapports sociaux trouve ici sa source. ***Un homme est un homme****,* ***une femme est une femme****, tel est le bréviaire tautologique, nécessaire, du système. Lorsqu'une femme est, pour être femme, domestique, maternelle et tendre, un homme, pour être homme, actif, créateur et social, et lorsque cet impératif amène l'une à taper à la machine et faire la vaisselle, l'autre à réparer la voiture, et faire de la politique, on maintient sans coup férir l'ordre social* [16, p. 87].

М. Кокийа представляет типичный образ женщины в романах о любви. В поясняющем расширенном контексте *женщина* – это *домохозяйка и нежная мать* – полностью противопоставляется *мужчине – создателю, творцу*. По мнению автора, в типичных романах, *женщина* является женщиной, зачастую её участь – это, в лучшем случае, *писать романы и перемывать горы посуды*, в то время как *мужчине,* чтобы соответствовать устоявшемуся образу мужчины, необходимо *заниматься политикой и чинить машины* – таков нерушимый социальный строй.

«***Une femme est une femme***» disait un film de Jean-Luc Godard, et c'est à peu près ce qu'il pourrait dire de Véra. Rien d'étonnant à ce que, mariée très jeune, elle ne résiste pas à l'absence de son mari pendant la guerre et le remplace par Ben, un superbe amant [17, p. 57].

Третий пример взят из произведения Н. Гордимер; автор изначально вводит отсылку к комедии французского кинорежиссёра Ж.-Л. Годара, в которой главная героиня Анжела чувствует внутреннюю неудовлетворённость наскучившей обыденной жизнью и решает найти себе мужчину. Н. Гордимер апеллирует к фоновым знаниям читателя, проводя параллель между героиней фильма Ж.-Л. Годара и героиней своего произведения: из описания становится ясно, что Вера – юная ветреная девушка, неспособная рутинно прожить без мужа, ушедшего на фронт и ищущая развлечений, как того требует юность. *Женщина есть женщина* – заявляют Ж.-Л. Годар и Н. Гордимер, подразумевая *образ легкомысленной, влюбчивой, жаждущей активной жизни женщины.*

Проанализировав тавтологические высказывания типа N_1 – Vcop – N_1 *заключаем*, что высказывания подобной структурной формы носят обобщающий характер, в самом высказывании как бы подводится итог определенного фрагмента речевой действительности, дается оценка ситуации, отраженной в контексте. *Однозначное понимание обобщающее тавтологическое высказывание получает лишь в контекстном окружении, которое варьируется от ситуации к ситуации.*

Список литературы

1. Сластникова Т.В. Семантика обобщения французского высказывания // Фундаментальное и актуальное в развитии языка: категории, факторы, механизмы материалы XVIII международной конференции школы-семинара имени Л. М. Скрелиной. – М.: Изд-во Московского городского педагогического университета, 2017. С. 238-243.
2. Червоный А.М. Семантический субъект в обобщающих высказываниях русского и французского языков // Язык и действительность. Научные чтения на кафедре романских языков им. В.Г. Гака: сборник статей по итогам IV междунар. конференции. – М.: Изд-во Спутник, 2019. С. 432-440.
3. Гак В.Г. Теоретическая грамматика французского языка. – 3е изд., обновлен. – М.: Добросвет, 1999, 2000. – 831 с.
4. Сластникова Т.В. Функционирование обобщающего высказывания (на материале французского языка) Текст: автореф. дис… канд. филолог. наук: 10.02.05:– М., 1992. – 23 с.
5. Рославец Я.И. Предложения, формирующиеся путём лексических повторов существительных // Уч. зап. МГПИ им. В.И. Ленина. Вып. №296, 1968. С. 93-128.
6. Galmiche M. Phrases, syntagmes et articles génériques. Générique et généricité, sous la direction de Michel Galmiche et Georges Kleiber. No. 79, 1985. 2–39 p. [Электронный ресурс]. URL: https://www.persee.fr, свободный (дата обращения: 25.12.2019).
7. Kleiber G. Du côté de la généricité verbale: les approaches quantificationnelles. Générique et généricité, sous la direction de Michel Galmiche et Georges Kleiber. No. 79, 1985. 61–88 p. [Электронный ресурс]. URL: https://www.persee.fr/doc/lgge_0458-726x_1985_num_20_79_2471 (дата обращения: 25.12.2019).

8. Slastnikova T., Kouléchova A. Les nuances des énoncés génériques en français moderne // Studia romanistica. №1 (Vol. 19), 2019. 47–60 p.
9. Riegel M. Une tautologie est une tautologie. Tautologies logiques et logique des énoncés tautologiques attributifs // Revue d'Études Françaises. No. 6, 2001. 135–145 p.

Список источников

10. Troyat H. Le Carnet Vert Et Autres Nouvelles. – Paris: Progrès, 1974. – 186 p.
11. Levy M. Le voleur d'ombres. – Paris: Laffont, 2010. – 274 p.
12. Boudin F. La maison des Aravis. – Paris: Belfond, 2019. – 308 p.
13. Barbery M. L'Élégance du hérisson. – Paris: Gallimard, 2006. – 360 p.
14. Moore M., Lynn D., Lovelace M.. Le meilleur de la romance historique : Médiéval: 3 romans. [Электронный ресурс]. URL: https://books.google.ru, свободный, (дата обращения 10.05.2020).
15. Peyret J.-F., Vincent, J.-D. Faust, une histoire naturelle. [Электронный ресурс]. URL: https://books.google.ru, свободный, (дата обращения 10.05.2020).
16. Coquillat M. Romans d'amour. [Электронный ресурс]. URL: https://books.google.ru, свободный (дата обращения 30.03.2020).
17. Gordimer N. La femme, la politique et le roman. [Электронный ресурс]. URL: https://books.google.ru, свободный (дата обращения 30.03.2020).

ТЕОРИЯ ЯЗЫКА

УДК 808.5

Язык и общество в рамках категории рода: феминитивы в современной ортологии

Бурдина Елена Александровна
канд. филол. наук, доцент кафедры русского языка и культуры речи
Российский государственный университет правосудия, РФ, г. Москва
burdinaele@yandex.ru

Language and society within the category of gender: feminitives in modern orthology

Burdina Elena Alexandrovna
Cand. Sci (Philologi.), assistant professor
of Department of the Russian language and culture of speech
Russian State University of Justice, Russia, Moscow

Аннотация. В исследовании уделяется внимание актуальному вопросу, связанному с влиянием на категорию рода экстралингвистических и лингвистических факторов. Совершается попытка рассмотреть причины, способствующие разрушению традиций в употреблении морфологической категории женского рода личных имён существительных в диахроническом и синхроническом аспектах, для чего мы обращаемся к научной, лексикографической литературе разных лет, а также к языковому материалу, который наблюдается в интернет-общении. Исследование проводится на пересечении таких смежных наук, как культура речи, гендерная лингвистика, социолингвистика и культурология. Расшатывание существующих норм рассматривается с точки зрения основных языковых законов: принципа аналогии, языковой экономии и уместности. Делаются выводы, связанные с природой нормы, её динамикой, намечаются пути развития вопроса связи языка и общества в рамках категории рода.

Ключевые слова: категория рода существительных; личные имена существительные; феминитивы; гендер; культура речи; морфологическая норма.

Abstract. The study pays attention to the relevant issue related to the influence on the category of gender of extralinguistic and linguistic factors. We are attempting to investigate the reasons that contribute to the destruction of traditions related to the usage of the morphological category of the feminine personal nouns in the diachronic and synchronous aspects, for which we turn to the scientific, lexicographic literature of different years, as well as to the language material that can be observed in the Internet communication. The study is conducted at the intersection of related sciences such as speech culture, gender linguistics, sociolinguistics and cultural studies. The loosening of the existing norms is considered from the point of view of the basic language laws: the principle of analogy, language economy and relevance. Conclusions are made related to the nature of the norm, its dynamics, ways to develop the issue of the connection of language and society within the framework of the gender category are outlined.

Keywords: category of gender of nouns; personal nouns; feminitives; gender a culture of speech; morphological norm.

При классификации существительных с точки зрения категории рода традиционно учитываются морфологические, семантические и синтаксические признаки, иначе говоря, мы опираемся на систему флексий и тип склонения, связь рода и пола и формы согласования. Однако к определению категории рода существует и иной подход, связанный с понятием согласовательного класса, в котором превалирует морфологическое значение. Под согласовательным классом при этом понимается совокупность существительных, требующих одинакового согласования с атрибутом, при этом традиционное понимание рода отличается от согласовательного класса, в котором учитывается ещё признак одушевлённости, так как во множественном числе у одушевлённых и неодушевлённых существительных форма винительного падежа различается. Исходя из этого, род представляет собою пары согласовательных классов, различающихся выбором показателя винительного падежа в связи с категорией одушевлённости. Типы парадигм при этом называют мужским, женским и средним морфологическим родом [1]. Морфологический род определяется с опорой на морфологические показатели. Так, к мужскому морфологическому роду относятся существительные, являющиеся экспрессивным обозначением лиц женского пола, производящими для которых выступают слова женского морфологического рода и имеющие нулевую флексию (*бабец, Натусик, Шурик*); к женскому морфологическому роду причисляют непродуктивные одушевлённые существительные мужского рода (*юноша, судья*), варианты мужских имён (*Коля, Вася*), существительные с увеличительным суффиксом *–ин-* (*казачина, домина*), экспрессивным *–яр-* (*волчара, попяра*) и другими уменьшительно-ласкательными суффиксами (*плутишка, мальчонка*); к среднему – немногочисленная группа существительных типа *подмастерье* или номинация лошадиной масти, которая может выступать как зооним (*гнедко, воронко*).

В рамках приведённой теории морфологический род может не соответствовать согласовательному классу: например, с этой точки зрения слово *судья* будет характеризоваться как существительное женского морфологического рода и мужского согласовательного, а *подмастерье* – как существительное среднего морфологического рода и мужского согласовательного.

Одушевлённые существительные среднего рода представляют в грамматике русского языка немногочисленную группу. Сема пола в них нейтрализуется, они номинируют либо существительные со значением «невзрослости» (*дитя*), либо общее обозначение существ (*лицо, насекомое, животное*).

Несмотря на разные подходы к определению грамматической категории рода, вопросы, связанные с этим пунктом ортологии, не представляют такой острой проблемы, как вопросы, касающиеся родовой принадлежности личных имён существительных, в восприятии которых носителями языка они объединены тесными ассоциативными связями категорий рода и пола [2; 3; 4] Наибольшую актуальность формообразование феминитивов-неологизмов приобретает сегодня – в связи с всплеском третьей волны феминизма. Женщины начинают активно бороться за свои «грамматические права», используя самую доступную и распространённую площадку для выражения своей социальной (= грамматической) позиции – интернет. В различных соцсетях нередко встречаются феминитивы-неологизмы, цель употребления которых, опираясь на гипотезу Сепира-Уорфа, через язык изменить мышление. Именно поэтому, например, в интернет-коммуникации появляется феминитив, образованный флективным способом *человека* (во всех примерах здесь и далее соблюдаются авторские орфография, пунктуация и стилистика): *Её может вслух прочитать другая человека; Я – человека* (переписка в социальной сети «ВКонтакте»).

Подобный подход уже имел место в лингвистике: ещё в XVIII веке в связи с коммуникативной потребностью распространились такие лексемы, как *архитекторша* (жена архитектора), *дама, амбасадрица или амбассадрисса* (жена посла и/или женщина-посол) [5].

Общеизвестно, что нормы кодифицируются в том числе и в словарях. Рассмотрим в диахроническом аспекте некоторые номинации, связанные с личными именами существительными женского рода, зафиксированные в лексикографических источниках (табл. 1). Подборка грамматических форм выполнена с учётом наиболее частотного их употребления в книжной, официальной речи как самой строгой и консервативной, выбор же словарей объясняется их авторитетностью в лексикографии и репрезентацией в них жизни общества в различные периоды его развития: «Толковый словарь живого великорусского языка» В.И. Даля (далее ТСД) [6] отражает жизнь конца XIX в.; «Толковый словарь русского языка» Д.Н. Ушакова (далее ТСУ) является первым нормативным словарём нового времени после Октябрьской революции [7]; «Словарь русского языка» в 4-х тт. Академии наук (Малый академический словарь, далее МАС) – академический словарь второй половины XX в. [8]; «Толковый словарь русского языка» С.И. Ожегова и Н.Ю. Шведовой (далее ТСОШ) – словарь популярного типа, активно реагирующий на изменение словарного состава [9]; «Новый словарь русского языка» Т.Ф. Ефремовой

(далее СЕ) – словарь конца XX – начала XXI вв. [10] и «Толковый словарь названий женщин» Н.П. Колесникова (далее ТСК) – это словарь нового типа, нацеленный на феминизацию русского языка [11]. Последний словарь не является академическим, однако мы посчитали целесообразным включить его в исследование, поскольку при всей морфологической свободе его словника стилистические запреты также имеют в нём место, что показывает строгость нормы

Таблица 1. Корреляция мужского и женского рода личных имён существительных в словарях разных лет издания

Грамматическая форма мужского рода	Коррелирующая форма женского рода в словарях					
	ТСД	ТСУ	МАС	ТСОШ	СЕ	ТСК
Автор	- (отсутствует также м. род)	-	-	*авторша* (дано с пометой «просторечное»)	*авторша* (дано с пометой «разговорное»)	*авторша* *авторесса* (дано с пометой «разговорное»)
Адвокат	-	-	-	*адвокатесса* (дано с пометой «разговорное») *адвокатша* (дано с пометой «просторечное»)	-	*адвокатесса* (дано с пометой «разговорное»)
Истец	*истица*	*истица* (с пометками «право, офиц.»)	*истица*	*истица*	*истица*	*истица* (дано с пометой «юридическое»)
Мошенник	*мошенница*	*мошенница*	*мошенница*	*мошенница*	*мошенница*	*мошенница*
Ответчик	*ответчица* (не в юридическом значении, а в разговорном «та, кто несёт ответ за что-либо»)	*ответчица* (в том числе и в юридическом значении «лицо, которому предъявлен судебный иск (офиц.)»)	*ответчица* (дано с пометой «юридическое»)	*ответчица*	*ответчица* (в разговорном и юридическом значении)	*ответчица* (в разговорном и юридическом значении)
Прокурор	*Прокурорша* (в значении «жена прокурора»)	-	-	-	*прокурорша* (в значении «жена прокурора», с пометой «разговорное»)	*прокурорша* (дано в значениях «жена прокурора» и «женщина-прокурор», с пометой «разговорное»)
Свидетель	*свидетельница*	*свидетельница*	*свидетельница*	*свидетельница*	*свидетельница*	*свидетельница*
Следователь	- (отсутствует также м. род)	-	-	-	-	*следовательница* (дано с пометой «разговорное») *следовательша* (дано в значениях «жена следователя» и «то же, что следовательница», с пометой «разговорное»)
Судья	*судейша* (в значении «жена судьи»)	-	-	-	-	*судейша* (дано в значении «жена судьи», с пометой «устаревшее»)
Юрист	-	-	-	*юристка* (дано с пометой «разговорное»)	-	*юристка* (дано с пометой «разговорное»)

Как видим, практически во всех словарях коррелирующая форма женского рода стилистически окрашена и либо находится на периферии литературного языка, либо выходит за его пределы, либо относится к пассивному запасу. Интересно, что феминитив *истица*, который даётся во всех словарях не как сниженный, а, напротив, снабжается пометами, позволяющими использовать его в официальной речи, как показывает практика, до сих пор находится под запретом в юридическом подстиле (автор настоящей статьи ведёт дисциплину «Язык и стиль судебных документов» на курсах повышения квалификации у судей и проводил устный опрос).

В различных коммуникативных ситуациях в соцсетях встречаются феминитивы-неологизмы со всеми представленными в перечисленных лексикографических источниках словообразовательными моделями, но носители (носительницы) языка стремятся к намеренной её нейтрализации, делая смысловой акцент прежде всего на функции номинации [12], при этом наиболее приемлемы

носителями языка феминитивы, образованные при помощи суффикса *-к-*, что, вероятно, обусловлено ударением на последний слог основы [13].

В этом процессе формотворчества стилистические законы родного языка «пользовательницами» интернета всё же осознаются, поэтому в обсуждении наиболее приемлемого варианта номинации женщины по роду деятельности учитывается звуковой облик грамматической формы:

А как вы относитесь к феминитивам, оканчивающимся на -ша? Мне они кажутся уничижительными. Выше в комментариях написали, что "Гранатовый браслет" Куприна порадовал таким словом как "музыкантша". По-моему музыкантка – это нейтрально, а с -ша звучит, как оскорбление какое-то;

у меня та же фигня с феминитивами на "-иха", да, даже словарными. Ну хоть стреляй, а всякие "пловчиха" и "повариха" мне видятся как "самка пловца" или "самка повара", по аналогии с зайчихами-крольчихами, и мне кажется, что "пловица" и "поварша" звучали бы на порядок лучше. Мне кажется, дело ещё в старом просторечном феминитиве "врачиха", - который в 99% случаев имеет оттенок неуважения и принижения. Я с радостью употребляю "врачиня" и "докторка", но "врачихой" назвать кого-либо язык не повернётся;

Может кто подскажет варианты кроме «химикиня» и «химичка» и подобных, ибо они совсем не благозвучны в таком контексте (все приведённые примеры взяты из сообщества «Бодипозитив/Bodypositive» «ВКонтакте»).

На современном этапе развития европейских языков признание феминитивов представляет собой активный социолингвистический процесс. Например, в Польше вопрос об официальных номинациях женщин поднимался ещё в середине XX века [14], в 2012 году был опубликован документ «Позиция Совета по польскому языку при правительстве ПР относительно женских форм наименований профессий и званий», а министр по вопросам соблюдения равноправия личности обращался через средства массовой информации к министерствам образования и труда с просьбой о введении номинаций женского рода в различные профессиональные сферы [15, с. 172–173], и государственные органы делали запрос лингвистам на предмет экспертизы, связанной с наиболее приемлемой нормой употребления наименований женщин в госструктурах [16]. Активно проходит процесс феминизации в Германии [17; 18] и Италии [19]. Французская академия также готова признать использование феминитивов в номинациях профессий [20], хотя ранее была категорически против этого нового явления в языке [21].

Грамматика русского языка несколько консервативна и патриархальна, изменения в морфологической норме происходят медленно, и новаторство, касающееся официального признания феминитивов, пока не находит поддержки со стороны органов власти: так, Депутат законодательного собрания Ленинградской области Владимир Петров обратился к министру культуры РФ Владимиру Мединскому с просьбой ввести штрафы за использование неклассических феминитивов в СМИ и иных коммуникативных площадках [22].

Современное формотворчество, затрагивающее феминитивы, связано с попыткой расшатать устоявшуюся морфологическую норму, ускорить грамматические процессы, однако категория рода личных имён существительных, будучи одним из средств отражения действительности, наглядно демонстрирует стереотипы в восприятии мира, традиции, менталитет. Влияние на сознание носителя языка в этом случае может оказать особая государственная лингвистическая политика и поддержка грамматических преобразований элитарными языковыми личностями.

Список литературы

1. Зализняк А.А. Русское именное словоизменение. – М.: Языки славянской культуры, 2002. – 760 с.
2. Некрасова Е.Д., Резанова З.И., Палий В.Е. Влияние родного языка (L1) на когнитивную обработку грамматической категории рода существительных русского языка (L2) русско-тюркскими билингвами // Вестник Томского гос. ун-та. Филология. 2019. № 57. С. 104–124.
3. Павлова А. В. Гендерная асимметрия в обозначениях социальных ролей в русском языке в аспекте восприятия // Przegląd Wschodnioeuropejski. 2016. VII/2. P. 211–221.
4. Резанова З.И., Ершова Е.Ю. Влияние грамматического рода на концептуализацию объектов (экспериментальное исследование) // Вестник Томского гос. ун-та. Филология. 2017. № 50. С. 104–124.
5. Васильева А. С. Наименования лиц женского пола в русском языке конца XX – начала XXI вв.: семантика, структура, функционирование. Автореф. дис. … канд. филолог. наук. – М., 2016. – 24 с.
6. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. Режим доступа: http://slovardalja.net/ (Дата обращения: 18.04.2020).
7. Толковый словарь русского языка /Под ред. Д.Н. Ушакова Режим доступа: https://ushakovdictionary.ru/ (Дата обращения: 18.04.2020).
8. Словарь русского языка (МАС) / Сост. А.П. Евгеньева. Режим доступа: https://classes.ru/all-russian/dictionary-russian-academ-term-52916.htm (Дата обращения: 18.04.2020).
9. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка Режим доступа: https://classes.ru/all-russian/russian-dictionary-Ozhegov-term-35150.htm (Дата обращения: 18.03.2020).

10. Ефремова Т.Ф. Современный толковый словарь русского языка Режим доступа: https://classes.ru/all-russian/russian-dictionary-Efremova.htm (Дата обращения: 18.03.2020).
11. Колесников Н.П. Толковый словарь названий женщин. – М.: ООО «Издательство АСТ»: ООО «Издательство Астрель», 2002. – 608 с.
12. Гузаерова Р., Косова В. Специфика феминитивов в современном русском медиапространстве // Филология и культура. Philology and culture. 2017. № 4 (50). С. 11–15.
13. Пиперски А. Юристка и юристец: Лингвист о будущем феминитивов и изменениях в языке. Wonderzine.com, 29 марта 2018. Режим доступа: http://www.wonderzine.com/wonderzine/life/life-interview/234057- alexander-piperski (Дата обращения: 25.05.2020).
14. Klemensiewicz, Z. Lytyly i nazwy zawodowe kobiet w swietle teorii i praktyky // Jçzyk polski. 1957. № 2. P. 106.
15. Лешкова О.О. Новые явления в категории феминативов (на материале современного польского языка) Язык, сознание, коммуникация: Сб. статей /Отв. ред. В.В. Красных, А. И. Изотов. – М.: МАКС Пресс, 2017. – Вып. 55. – С. 169–179.
16. Jadacka H. Tytuły (naukowe, służbowe, zawodowe) kobiet // Nowy słownik poprawnej polszczyzny, red. A. Markowski. – Warszawa, 2002. – Pp. 1767–1768.
17. Jung, W. Grammatik der deutschen Sprache. – Спб.: Лань, 1996. – 518 с.
18. Lohde, M. Wortbildung des modernen deutschen: ein Lehr-und ubungsbuch. – Tubingen: Gunter Narr, 2006. – 350 p.
19. Robustelli C. Sindaco e sindaca. Il linguaggio di genere. Roma: Accademia della Crusca e la Repubblica. – STAMPA, 2016. – 154 p.
20. Французская академия согласилась на феминитивы. Голос со всего мира. 20.02.2019. Режим доступа: http://ru.rfi.fr/frantsiya/20190221-frantsuzskaya-akademiya-soglasilas-na-feminitivy (Дата обращения: 27.04.2020).
21. Académie Française rejects push to make French language less masculine. France24. 28.10.2017. URL: https://www.france24.com/en/20171027-academie-francaise-gender-inclusive-spellings-mortal-danger-french
22. Мединского попросили штрафовать за «авторок» и «докторок» Известия. 9 марта 2019. Режим доступа: https://iz.ru/861858/2019-03-29/medinskomu-poprosili-shtrafovat-za-avtorok-i-doktorok (Дата обращения: 30.03.2020)

УДК 811.112.2

Грамматические средства спецификации пола лица в немецкоязычных наименованиях лиц по профессии

Кожанова Наталья Викторовна
канд. филол. наук, доцент кафедры иностранных языков
Алтайский государственный педагогический университет, РФ, г. Барнаул
dsf46k@yandex.ru

Grammatical means of gender specification of the person in German professional denominations

Kozhanova Natalia Viktorovna
Cand. Sci. (Philology), assistant professor of Foreign languages department
Altai State Pedagogical University, Russia, Barnaul

Аннотация. В статье рассматривается категория грамматического рода в немецких наименованиях лиц по профессии. В качестве наиболее универсального грамматического способа передачи родовой принадлежности лица выступает определенный артикль, который является единственным средством выражения как мужского, так и женского пола лица в непроизводных существительных, а также и в сложных существительных, базовый компонент которых представлен причастием I или II либо прилагательным. Особое внимание уделяется нейтральным обозначениям лиц. В статье делается вывод о реализации двух коммуникативных стратегий при обозначении лица - спецификации или нейтрализации признака пола.

Ключевые слова: грамматическая категория рода, наименование лиц по профессии, нейтральное обозначение лиц, словообразовательные средства.

Abstract. The article considers the grammatical category of gender in German professional denominations. The definite article manifests itself as the most universal means of representation of gender identification being the only means of expression of masculine as well as feminine gender of nonproductive nouns and composite nouns with their basic component presented by Participle I or Participle II or adjective. The special attention is paid to neutral personal denominations. The author makes the conclusion about the realization of two communicative strategies of personal denomination – specification and neutralization of gender distinction.

Key words: grammatical category of gender, professional denominations, neutral personal denominations, word-building means.

Имя существительное относится к грамматическому классу слов и обладает значением предметности в самом широком понимании этого слова. Предметность в данном случае имеется в ввиду не только материальная, но и мыслительная, или когнитивная. Также имя существительное характеризует состав грамматических категорий и набор выполняемых им синтаксических функций в предложении.

Грамматическая категория рода является характерной чертой грамматического строя практически всех без исключения индоевропейских языков. А. Мейе обозначил

ее как одну из «наименее логичных и наиболее непредвиденных категорий» [1, с. 76]. Данная категория, представляющая собой довольно сложное диалектическое единство планов содержания и планов выражения, возникает, формируется и видоизменяется под комплексным воздействием экстрасистемных и внутрисистемных факторов [2]. Проблемы категории рода тесно связаны со многими аспектами науки о языке такими как, общая и частная типология языков, взаимодействие единиц различных языковых уровней, а также отношение между лексическим и грамматическим значением в слове. Данная проблематика обусловливает неослабевающий интерес представителей различных лингвистических школ и направлений к рассматриваемой тематике. Различные аспекты категории рода освещались в классических трудах по языкознанию Л. Блумфилда, К. Бругмана, Я. Гримма, В. фон Гумбольдта, О. Есперсена, Т. Кампанеллы, М.В. Ломоносова, А. Мейе, Г. Пауля, Э. Сепира, К. Бругмана, Д. Вайса, Д. Гомбургера, В. Леманна, Э. Лайса и других исследователей языка [3].

В немецком языке категория грамматического рода относится к числу классифицирующих категорий. Это объясняется тем, что обязательным показателем существительного является его принадлежность только к одному, определенному грамматическому роду.

Категория грамматического рода в немецком языке – устойчивая историческая категория, которая может быть обнаружена уже на ранних этапах развития языка. В дальнейшем эта категория прошла длительный путь исторического развития и широко использовалась как при словоизменении и словообразовании, так и при синтаксическом согласовании в различные периоды истории немецкого языка [4, с. 7]. Все существительные немецкого языка, за исключением тех, которые употребляются только в формах множественного числа, распадаются на три грамматических рода: мужской, средний и женский. При этом признак пола лица выражается в немецком языке достаточно эксплицитно при помощи специализированных словообразовательных средств.

В рассматриваемой лексической группе лишь для незначительной части наименований лиц по профессии в качестве указания пола лица выступают грамматические (морфологические) средства. В первую очередь следует отметить, что наиболее универсальным, а следовательно, и самым широко используемым грамматическим способом передачи родовой принадлежности лица является определенный артикль. Речь в данном случае идет прежде всего о непроизводных существительных, род которых маркируется аналитическим способом и

характеризуется тем, что род грамматический не отличается от рода биологического [5].

В следующих примерах определенный артикль используется для обозначения лиц мужского пола:

der Diätkoch, der Schiffarzt, der Handelsfachwirt и *der Industrieschmied* (немецкие наименования); *Jockey, Host, Customer Service Agent, Medical Support* и *Script* (заимствованные наименования) [6].

Определенный артикль выступает также единственным средством выражения как мужского, так и женского пола лица и в сложных существительных, базовый компонент которых представлен причастием I или II либо прилагательным. В процессе исследования корпуса таких наименований лиц по профессии методом сплошной выборки из 300 текстов объявлений о вакансии, размещенных на немецких сайтах monster.de и jobs.de было обнаружено 18 наименований лиц по профессии, представляющих собой композиты.

Подобные номинации одинаково употребляются носителями языка как в форме мужского рода, так и в форме женского рода, например:

der/die Steuerfachangestellte, der/die Filmschaffende, der/die Bühnenschaffende, der/die Fachangestellte Bürokommunikation, der/die Verwaltungsfachangestellte, der/die Kfz Sachverständige, der/die Stellvertretende Pflegedienstleitung, der/die Medizinische Fachangestellte, der/die Notarfachangestellte, der/die Datenschutzbeauftragte, der /die Kaufmännische Angestellte и другие [6].

Обозначения лиц, образованные от причастий обоих видов и прилагательных обычно соотносятся с определенным полом лишь в единственном числе. Во множественном числе они принимают обобщенное значение, например: *die Angestellten - служащие*, *die Mitarbeitenden - сотрудники*, *die Zahnmedizinischen Fachangestellten - зубоврачебные специалисты* и т.п.

Нейтральные в этом смысле обозначения лиц используются тогда, когда прежде всего важны профессиональные функции и роли затронутых лиц, а их гендерная принадлежность особенного значения не имеет.

Поскольку подобные существительные являются нейтральными исключительно в форме множественного числа, то лишь эта форма является самой подходящей для употребления в речи. Однако применение формы множественного числа не представляется возможным, когда речь идет о конкретных предпочтениях размещающей объявления стороны в контексте распространенных в данной сфере коммуникативных стратегий. Следует отметить, что эти формы неоднократно

подвергались критике представителями феминистской лингвистики, которые считали подобное упоминание представителей женского пола подчеркиванием подчиненной или второстепенной роли женщины [7].

Наряду с ними в немецком языке присутствует достаточное количество наименований, которые обладают грамматическим родом, но при этом явно не указывают на половую принадлежность называемых лиц. Такие существительные характеризуются тем, что их грамматический род является в известной степени произвольным и не имеет никакого отношения к природному полу. Именно по этой причине такие существительные могут использоваться для обозначения лиц как женского, так и мужского пола и являются полностью абстрагированными от половой принадлежности.

Таковыми являются, к примеру, следующие наименования: *die Hilfskraft* – помощники, *die Lehrkraft* – учителя, *die Führungsperson* – руководитель, *die Fachperson* – специалист, *das Personal* – персонал, личный состав и т.п.

Не имеющие указания на половую принадлежность обозначения лиц необходимы в речи для того, чтобы избежать в текстах с перечислением большого числа парных форм, которые разделяют различные имена по половой принадлежности денотатов. Такие существительные не указывают на род обозначаемых ими действующих лиц конкретно, однако он становится понятным адресату из соответствующего контекста и не требует дальнейших уточнений.

В собранном нами фактическом материале наиболее употребительными являются наименования с компонентом -kraft, представляющие собой нейтральные формы (22 обозначения), например:

Servicekraft als Steward in der Bordgastronomie, Service-&Restaurantfachkraft, Elektrofachkraft für den Bereich Leit-und Sicherungstechnik, Examinierte Pflegefachkraft, Hygienefachkraft, Medizinische Schreibkraft, Fachkraft Fahrbetrieb, Fachkraft für Abwassertechnik, Fachkraft für Lebensmitteltechnik, Reinigungskraft, Allround Bürokraft и другие [8].

Подводя итоги, хотелось бы отметить, что согласно современной грамматике, в немецком языке отсутствуют правила, по которым можно безошибочно идентифицировать грамматический род существительного. Считается, что отнесение имени к роду носит произвольный характер. Но наименования лиц по профессии представляют собой исключение. Для исследуемой группы наименований характерно совпадение грамматического рода с биологическим полом обозначаемого лица. Как уже отмечалось выше, в отношении пола не могут быть определены только общие и

коллективные наименования лиц по профессии. Таким образом, при обозначении лица реализуются две коммуникативные стратегии - спецификация или нейтрализация признака пола.

Список литературы

1. Мейе А. Сравнительный метод в историческом языкознании. – М.: УРСС, 2004.– 101 с.
1. Нещеретова Т.Т. Теоретические основы грамматического значения категории рода в разносистемных языках и способов его выражения // Вестник Адыгейского государственного университета. 2015. Выпуск 2 (153). С.90-94.
2. Нещеретова Т.Т. Сопоставительная типология грамматической категории рода в русском и немецком языках. Дисс. канд. филол. наук. – Майкоп, 2006. – 154 с.
3. Ярнатовская В.Е. Грамматический род имен существительных в немецком языке. – М.: Учпедгиз, 1956. – 80 с.
4. Кожанова Н.В. Наименования лиц по профессии в немецкоязычной картине мира. Дисс. канд. филол. наук. – Барнаул, 2007. – 244 с.
5. Электронная база вакансий и резюме. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.jobs.de (дата обращения: 22.05.2020).
6. Скрипкина Г.В. Категория грамматического рода в немецком языке: лингвистический и методический аспекты // Ученые записки Орловского университета. 2018. №1 (78). С. 322-332.
7. Электронная база вакансий и резюме [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.monster.de (дата обращения: 22.05.2020).

УДК 81

Специфика перевода юридической терминологии

Логинов Сергей Юрьевич
магистр, Тверской государственный университет, г. Тверь
s.loginofff@gmail.com

The article analyzes the particulars of translating legal terminology.

Loginov Sergej Jurevich
Magister, Tver state University, Russia, Tver

Аннотация. В статье анализируется специфика перевода юридической терминологии. Материалом для исследования послужила выборка терминов (300 единиц) из закона Германии «Об авторском праве и смежных правах» (Gesetz über Urheberrecht und verwandte Schutzrechte). Одной из основных проблем перевода терминологии является поиск адекватных соответствий терминов исходного языка в языке перевода. Для адекватного юридического перевода необходимо не только в совершенстве владеть терминологией той или иной области права, но и досконально разбираться в юридических особенностях той или иной правовой системы. Было изучено несколько классификаций переводческих трансформаций и сделан вывод о том, что их достаточно сложно разграничить, что затрудняет их классификацию.

Ключевые слова: специфика перевода, юридическая терминология, юридический перевод, безэквивалентная лексика, понятийная система.

Abstract. One of the main problems of translating terminology is the find adequate correspondences for the terms of the source language in the target language. The study was based on a sample of terms (300 units) from the German Copyright and Related Rights Act. An adequate legal translation, requires not only to perfectly master the terminology of a particular area of law, but also to thoroughly understand the legal features of a particular legal system. Several classifications of translation transformations have been studied and the conclusion is that it is rather difficult to distinguish between them, which makes it difficult to classify them.

Keywords: specifics of translation, legal terminology, legal translation, equivalent vocabulary, conceptual system.

Перевод юридических текстов является одним из видов специального перевода. Однако он существенно отличается от других видов специального перевода – перевода технических, естественнонаучных или медицинских текстов. В случае юридического перевода мы, как правило, имеем дело с разными понятийными системами, поскольку у каждого государства своя национальная правовая система. Таким образом, юридический перевод – это перевод с языка одной понятийной системы на язык другой понятийной системы, однако, с сохранением понятийной системы исходного языка.

Так, например, австрийский юридический документ должен остаться австрийским документом и в переводе на русский язык. Австрийский закон и в переводе должен остаться австрийским законом. Перевод на язык другой понятийной системы с сохранением понятийной системы исходного языка на первый взгляд может показаться квадратурой круга. Это означало бы переводить, например, австрийский юридический текст на русский язык, избегая русских юридических терминов, точнее, терминов российской правовой системы. Однако на практике это вполне решаемая задача, хотя иногда достаточно трудная [3 с. 150].

Различия правовых систем разных стран могут заключаться как в несовпадении содержания правовых норм, так и в расхождении определений правовых понятий. Кроме того, существуют понятия, которые могут принадлежать лишь к одной определённой правовой системе и иметь словесное обозначение только в языке этой правовой системы. В связи с этим передача правовых понятий представляет собой особую задачу в рамках юридического специального перевода [6 с. 170]. Вполне обоснованным представляется мнение П. Сандрини, считающего перевод юридических текстов «переносом и ознакомлением с правовыми положениями и правовыми понятиями, а также с правовым содержанием в самом широком смысле» [7, с. 15].

Трудность юридического перевода обусловлена огромным количеством специальной лексики, которая не имеет общего пользования и будет понятна лишь тем, кто задействован в определенной профессиональной сфере. То есть не каждый человек, хорошо знающий иностранный язык, способен на адекватный юридический перевод. Переводчик юридических текстов обязан обладать целым рядом дополнительных знаний и умений. Для адекватного юридического перевода необходимо не только в совершенстве владеть терминологией той или иной области права, но и досконально разбираться в юридических особенностях той или иной правовой системы.

Итак, одной из основных проблем юридического перевода является перевод терминологии, а именно поиск адекватных соответствий терминов исходного языка (ИЯ) в языке перевода (ПЯ). Сложность перевода зависит от наличия или отсутствия эквивалента термина в ПЯ. Если таковой имеется, то процедура перевода сводится к его подстановке, а вот при отсутствии необходим тщательный подбор вариантных соответствий с учетом экстралингвистических и лингвистических факторов. К этим фактором относятся: референционное и денотативное значение потенциальных

соответствий, их стилистическая принадлежность, контекстуальное окружение, языковые нормы, сочетаемость слов и др. [1 с. 96].

Эквивалентами считаются соответствия между словами, отличающиеся постоянностью, равнозначностью и независимостью от контекста. Так, например, *Recht – это всегда право, Schutz – защита*. К эквивалентам можно отнести и заимствования из классических языков, например, *Autor – автор*. Сюда также относятся латинские выражения, например, *de facto – де-факто, фактически; pro tanto – соответственно*.

Большую сложность для переводчиков представляет перевод безэквивалентной лексики. Для адекватного перевода нужно для начала установить единицу перевода, которой может стать не только слово, но и любая языковая единица: от фонемы до сверхфразового единства. [2, с. 148]. Единицу перевода можно установить только из контекста, т.е. из той речевой ситуации, в которой слово вступает в системные отношения с другими словами текста или высказывания. Согласно концепции Ю.С. Степанова, границей, маркирующей единицу перевода, оказывается момент начала порождения переводчиком очередной части переводного текста после восприятия очередной порции исходного сообщения. [2, с. 148].

Теория единицы перевода тесно связана с теорией уровней эквивалентности В.Н. Комиссарова, выделявшего отдельные уровни в плане содержания: языковых средств, высказывания, сообщения, описания ситуации и цели коммуникации. Уровень слова или словосочетания является базовым уровнем установления эквивалентности. На этом этапе переводчику часто приходится сталкиваться с безэквивалентной лексикой, при переводе которой необходимо уметь применять переводческие трансформации различного типа.

Под безэквивалентной лексикой понимается лексические единицы ИЯ, не имеющие эквивалентов в словарном составе ПЯ, то есть единиц языка. Таким образом, все релевантные компоненты значения становится невозможным передать на аналогичном уровне плана выражения.

Используя классификацию А.О. Иванова, безэквивалентную лексику можно разделить на следующие группы:

1. референциально-безэквивалентная лексика (термины, сложные слова, слова широкой семантики, семантические лакуны);

2. прагматически-безэквивалентная лексика (иноязычные вкрапления, аббревиатуры, звукоподражания);

3. альтернативно-безэквивалентная лексика (имена собственные, реалии, фразеологизмы) [2, с. 149].

При переводе юридических текстов переводчик сталкивается преимущественно с первым типом лексики референциально-безэквивалетным. В нашем исследовании это – термины и семантические лакуны.

Одним из приемов, применяющихся для передачи безэквивалентных терминов, является переводческая транскрипция. При использовании данного приема переводчик пофонемно воссоздает исходную лексическую единицу с помощью фонем ПЯ. Таким образом, в итоге получается фонематическая имитация исходного слова, например *Wechsel – вексель*.

Другим приемом является транслитерация, то есть формальное буквенное воссоздание лексической единицы ИЯ с помощью алфавита ПЯ. В итоге получается буквенная имитация исходного слова, например *Delikt– деликт*.

Оба эти приёма используют при переводе имен собственных, включая топонимы, имена собственные и наименования компаний. Данные приемы часто применяются параллельно с калькированием или семантическим переводом.

Для перевода языковых единиц, не имеющих непосредственного соответствия в ПЯ, применяют калькирование. При этом происходит воспроизведение не звукового, а комбинаторного состава слова или словосочетания. Этот прием, в отличие от транскрипции и транслитерации не просто механическое перенесение исходной формы средствами ПЯ, но более комплексная трансформация, которая требует изменения падежных форм, а также морфологического или синтаксического статуса слов, например *Landgericht – земельный суд*.

Для перевода реалий, характерных для той или иной правовой системы, и не имеющих аналога в другой, переводчики зачастую прибегают к методу описательного перевода. Именно такие реалии представляют для переводчика наибольшую сложность, поскольку для перевода этих лексических лакун необходимо обладать солидными фоновыми знаниями в конкретной предметной области., например *Leistungsschutzrecht – нормы права, регулирующие правоотношения возникающие в связи с созданием и использованием произведений искусства*.

Задача по осуществлению перевода юридических терминов сильно усложняется в том случае, когда исходный язык и язык перевода используются несколькими правовыми системами, располагающими самостоятельной юридической терминологией. При осуществлении перевода юридических терминов

для определения их эквивалентности приходится учитывать юридическую терминологию, используемую во всех правовых системах, использующих эти языки. Зачастую для перевода одних и тех же юридических терминов, используемых на исходном языке в нескольких правовых системах, применяются совершенно разные варианты их перевода на язык перевода, в результате чего затрудняется адекватное восприятие содержания перевода юридического текста лицом, не владеющим исходным языком и не способным в силу этого уточнить значение того или иного юридического термина, использованного в переводе, в оригинальном тексте [5, с. 78].

Главной целью любого перевода, в том числе и юридического, является достижение адекватности, то есть полной передачи смыслового содержания оригинала и полноценного функционально-стилистического соответствия ему. Однако многие ученые, например, Л.С. Бархударов считают, что о полном соответствии можно говорить лишь относительно. По мнению ученого, при переводе неизбежны определенные потери, что исключает то, что текст перевода будет абсолютно равнозначным с текстом оригинала [1, с. 95].

Среди основных приемов юридического перевода В.А. Василенко выделяет следующие:

- поиск эквивалентных соответствий;
- прием описания (перевод, например, слова с помощью распространенного объяснения его значения);
- транскодирование (передача звуковой и/или графической формы слова исходного языка средствами алфавита языка перевода);
- калькирование (дословный перевод или буквальный перевод);
- переводческие лексические трансформации (различные изменения лексических элементов языка при переводе для адекватной передачи их семантических, стилистических и прагматических характеристик с учетом норма языка перевода и речевых традиций культуры языка перевода) [1, с. 96].

Понятие «юридический термин» вслед за В.А. Василенко мы рассматриваем как слово или словосочетание, используемое в законодательстве, которое является обобщенным наименованием юридического понятия, имеет точный и определенный смысл, отличается смысловой однозначностью, функциональной устойчивостью.

Мы рассмотрели основные тенденции терминообразования в языке права Германии. Как показывают исследования, в образовании юридических терминов

активны те же способы словообразования, которые характерны для немецкого языка в целом. Наиболее распространенными способами образования юридических терминов являются аффиксация и словосложение. Большинство простых немецких терминов права образовано с помощью семантического терминообразования, т.е. путем заимствования из общеупотребительного языка или изменением его значения в результате метафорического переноса.

Нами была также изучена специфика перевода юридической терминологии. Важным представляется понимание юридического перевода как перевода с языка одной понятийной системы на язык другой понятийной системы, однако, с сохранением понятийной системы исходного языка. Одной из основных проблем юридического перевода является перевод терминологии, а именно поиск адекватных соответствий терминов исходного языка (ИЯ) в языке перевода (ЯП).

Для установления основных переводческих проблем при переводе терминов авторского права был проведён анализ переводческих трансформаций, примененных при переводе терминов из терминологической выборки на русский язык. Конечно, говорить о характере переводческой деятельности можно лишь гипотетически, поскольку многие умственные действия переводчика происходят интуитивно, за порогом его сознания. Поэтому анализ такого типа можно считать в некотором роде домысливанием, ведь он происходит путем сопоставления результатов ИТ и ПТ и предположением, какими путями и с помощью каких приемов переводчик приходит от исходного материала к конечному [4, с. 116].

Уже было упомянуто, что в качестве основы данного анализа была использована классификация переводческих трансформаций, включающая лексические, грамматические, семантические и стилистические трансформации.

Анализ показал, что наиболее продуктивной переводческой трансформацией является лексическая подстановка, с помощью данного приёма было переведено 144 термина или 47,6% от общего числа, например: *angemessene Vergütung – соразмерное вознаграждение;*

öffentliche Wiedergabe – публичное воспроизведение; freie Benutzung – свободное использование; Anerkennungder Urheberschaft – признание авторства; Bearbeitung eneines Werkes – обработки произведения, gemeinsame Schöpfung – совместное творение.

Однако даже при семантико-структурном параллелизме необходимы минимальные грамматические трансформации или же более сложные грамматические трансформации, такие как замена одного из слов словосочетанием,

что ещё раз доказывает, что перевод – сложный процесс и требует комплексного подхода. Примерами служат такие термины, как *gemeinsame Vergütungsregeln – общие правила вознаграждения; Einräumung von Nutzungsrechten– предоставление прав на использование; Entnahme von Bildfolgen – заимствование кинокадров.*

Частоту использования способа подстановки можно объяснить высоким уровнем развития правовых систем России и Германии, что обеспечивает наличие лексических аналогов в ИЯ и ЯП.

Второй по частоте использование стала такая грамматическая замена, как замена слова словосочетанием с тем же значением – 108 терминологических единиц или 36,3%. Таким приёмом, как правило, переводятся сложные термины – самая распространенная модель терминообразования в немецком языке. Это объясняется тем, что словосложение в русском языке не столь продуктивно, как в немецком.

Наглядными примерами являются *Verbreitungsrecht – право распространения; Absatzhonorar – потиражный гонорар;Vergütungspflicht*

– обязанность вознаграждения; Vergütungshöhe– размер вознаграждения; Welturheberrechtsabkommen – Всемирная конвенция по охране авторских прав; Urheberrechtsinhaber – обладатель авторского права.

Было установлено, что при переводе словосочетаний достаточно часто применяется семантическая трансформация, а именно добавление, заключающееся во введении в структуру термина ЯП семантических компонентов, не имеющих эксплицитного выражения в термине ИЯ. Среди исследованных 300 терминов с помощью данной трансформации переведено 39 единиц или 12,6%: *geschützte Werke – защищенные авторским правом произведения; Dauerder Rechte – продолжительность действия прав; Verwertungs gesellschaft – общество по коллективному управлению авторскими правами.*

Приём добавления часто применяется при переводе аббревиатур, например: *GEMA = Gesellschaft für musikalische Aufführungs- und mechanische Vervielfältigungsrechte – Общество по охране авторских прав, прав на воспроизведение и тиражирование музыкальных произведений.*

Несмотря на наличие аналогичных структурно-семантических конструкций, в терминологии авторского права Германии всё ещё можно обнаружить ряд лексических лакун, которые можно перевести, лишь прибегнув к приёму описательного перевода. В проанализированном материале было выявлено 6 таких единиц, что составляет 2,3%, например:

– *Folgerecht– право на часть от последующей продажи;*

– *Leistungsschutzrecht – нормы права, регулирующие правоотношения, возникающие в связи с созданием и использованием произведений искусства;*

– *Nebenintervention – вступление в процесс третьего лица на стороне истца или ответчика;*

– *Nutzungsausfall – имущественный ущерб в связи с невозможностью использования поврежденной вещи;*

– *Produktpirateriegesetz – закон, запрещающий производство пиратской продукции;*

– *Senderecht – право автора на передачу своего произведения по радио.*

К таким трансформациям, как изменение порядка слов и пропуск, прибегают нечасто, было обнаружено 2 единицы или 0,6% и 1 единица или 0,3% соответственно. Это объясняется тем, что функциональный стиль юридического текста не допускает вольности в трактовках текста, поэтому терминология должна быть максимально точно передана средствами ЯП.

Изменение порядка слов обусловлено тем, что результат перевода должен соответствовать нормам ЯП, например: *Copyright Management Information – управление информацией об авторском праве; Kopien für die unlegale Verteilung – экземпляры для нелегального распространения.*

Пропуски также встречаются крайне редко, опущению подвергается нерелевантная информация, не несущая важной смысловой нагрузки. В выполненной выборке представлен лишь один подобный термин: *Wiedergabe von Werken an elektronischen Leseplätzen in öffentlichen Bibliotheken, Museen und Archiven – публичное воспроизведение произведений в библиотеках, музеях и архивах.*

Итак, в результате анализа терминологической выборки было установлено, что при переводе терминов авторского права Германии на русский язык были использованы следующие трансформации: добавление, замена слова словосочетанием, изменение порядка слов, описательный перевод, подстановка и пропуск. Уровень развития систем авторского права России и Германии обеспечивает адекватный перевод терминологии. Перевод безэквивалентной лексики успешно осуществляется при помощи описательного перевода.

В результате анализа практического материала были классифицированы термины авторского права Германии по функциональным и структурным типам и установлены основные модели терминообразования.

Анализ показал, что наиболее продуктивным способом образования терминов германского авторского права является словосложение – сложные термины

составили 60 % от всей выборки. Распространенность данного способа можно объяснить высокой мотивированностью сложных слов, то есть их способностью устранять нежелательную многозначность. Вторыми по продуктивности стали терминологические словосочетания – 27,7% выборки; третье место занимают фразовые термины – 18%; простые термины составляют 8%; количество аббревиатур в исследованной терминологической выборке составило всего 2,3%.

Список литературы

1. Василенко В.А. Языковой статус юридического термина: специфика перевода. – М.: Вест. Самар. юрид. ин-та, 2015. – Вып. 3. – С. 93-97.
2. Давыдова Н.А. Особенности перевода безэквивалетных юридических терминов // Вестник Московского государственного лингвистического университета. – 2009. – № 561. – С. 147-152.
3. Лайкауф Г. От словаря слов к словарю понятий: о проблемах перевода и двухязычного описания юридических терминов // Вестник Волгоградского гос. университета. Сер. 2. Языкознание. 2013. – № 3 (19) – С. 150-156.
4. Латышев Л. К., Семенов А. Л. Перевод: теория, практика и методика преподавания. – М.: Академия, 2017. – 192с.
5. Нестерович В.М. Проблемы перевода юридических терминов // Право и управление. XXI век. – 2016. - № 2. – С. 77-79.
6. Arntz R., Fachbezogene Mehrsprachigkeit in Recht und Technik. Hildesheim, Zürich, 2016, c. 170
7. Sandrini Peter, Legal Terminology. Some Aspects for a New Methodology 1999, c.15

УДК 811.111

Особенности использования английского языка русскоязычными пользователями Twitter

Самоленкова Анна Андреевна
магистрант кафедры английской филологии и лингвокультурологии
Санкт-Петербургский государственный университет, РФ, г. Санкт-Петербург
samolenkova@rambler.ru

Научный руководитель
Денисова Наталья Викторовна
к.филол.н, доцент кафедры английской филологии и лингвокультурологии
Санкт-Петербургский государственный университет, РФ, г. Санкт-Петербург
n.v.denisova@live.com

English Language Usage Pattern in Russian Native Speakers on Twitter

Samolenkova Anna Andreevna
master's student in the Department of the English Language and Culture Studies
Saint-Petersburg State University, Russia, Saint Petersburg

Scientific advisor
Denisova Natalia Viktorovna
associate professor at the Department of the English Language and Culture Studies
Saint-Petersburg State University, Russia, Saint Petersburg

Аннотация. Данная работа посвящена рассмотрению тенденций использования английского языка в рамках интернет-коммуникации пользователями, для которых русский язык является родным. В качестве материала для анализа были отобраны 1000 случайных постов русскоязычных пользователей на английском языке из социальной сети Twitter. Предпринимается попытка проанализировать эти особенности, выявить некоторые разноплановые устойчивые паттерны, определить их роль, причины, частоту появления и их влияние на межкультурную коммуникацию в интернет-пространстве. Особое внимание уделяется экстралингвистическим факторам и проявлениям особенностей как части метаязыка. Основываясь на статистических данных по собранному материалу, мы приходим к выводу об успешности адаптации таких особенностей русскоязычными пользователями и, в целом, наличии положительной интерференции со стороны англоязычного интернет-дискурса в прагматическом плане.

Ключевые слова: интернет-лингвистика, интернет-коммуникация, Твиттер, прагматика, метаязык.

Abstract. The following research paper considers the main patterns of the English language usage by Russian Internet users. The research is based on 1000 random English tweets by Russian-speaking users collected from Twitter. We analyze the main features and some persistent patterns, define their role, roots, frequency, and their general impact on the intercultural online communication. Based on the statistical data, we conclude that these features were successfully adapted and, pragmatically speaking, resulted in mostly positive transfer from the English-language Internet discourse.

Keywords: Internet linguistics, Internet communication, Twitter, pragmatics, metalanguage.

Интернет-лингвистика – относительно новое, но ставшее очень актуальным направление в языкознании. В 2011 году Д. Кристал первым определил это направление как область лингвистики, занимающуюся изучением использования языка в электронной среде [4, с. 2]. Согласно Н.А. Ахреновой, в первоочерёдные задачи интернет-лингвистики входит рассмотрение особенностей развития естественного человеческого языка в глобальном интернет-пространстве, а также анализ лингвистического поведения виртуальной языковой личности при общении на данном естественном языке в цифровой среде [1, с. 22]. В этой дефиниции находит своё отражение антропоцентрический подход к рассмотрению интернета как феномена в целом, так как в основе лингвистического и общечеловеческого интереса к интернету лежит не столько его материальная конструкция – компьютеры и связующие их сети, сколько сами люди и продукты их языковой деятельности, что и создаёт всемирную сеть.

Такое общение принято рассматривать в рамках интернет-коммуникации – некой метасреды, служащей целям обработки и хранения информации, реализации межчеловеческого общения. К основным качественным особенностям интернет-коммуникации относят её дистантность (отсутствие элемента «здесь и сейчас»), интерактивность (возможность получения обратной связи, публикации сообщения для широкой аудитории) и виртуальность (отсутствие прямого контакта, что ведёт к сокращению психологической дистанции и некоторому снижению регистра общения) [2, с. 155]. Целесообразно также упомянуть преимущественно неформальный регистр общения: это касается как личных переписок, так и открытых для общественности публикаций на большинстве вебсайтов (вероятно, одним из наиболее консервативных способов интернет-коммуникации с сохранением формального регистра можно считать электронную почту).

В интернете развёртывается уникальный социокультурный феномен, так как общение принимает поистине глобальный и межнациональный характер, что способствует глобализации и не может не повлечь за собой прямое воздействие на создание особых норм использования языка в интернете, которые познаются пользователями путём участия в интернет-коммуникации. В этом состоит очередная особенность такого общения, так как нормы онлайн-коммуникации не зафиксированы в справочниках. Однако создаётся своеобразный универсальный «региональный вариант» языка, «регионом» использования которого становится

сама всемирная сеть. Особенности употребления языка в интернете имеют общие тенденции, обусловленные спецификой интернет-коммуникации, и заключаются в стремлении приблизить его к разговорной речи. Среди них можно выделить следующие:

- стремление передать реципиенту мысль максимально быстро и с наименьшими усилиями;
- невозможность использовать просодические средства для выражения интенций, имплицитного подтекста и сопутствующих эмоций;
- желание показать свою причастность к определённой социальной группе или к числу лиц, обладающих исключительным знанием, общим контекстом; стремление выделиться.

Перечисленные тенденции ведут к формированию особых признаков языка интернет-дискурса как обособленного кода. Эти признаки разноплановы, но, в основном, являются результатом технических особенностей среды или же ориентации на реализацию всех экстралингвистических средств реального общения.

Наиболее ярко эти явления представлены и изучены в контексте главного языка международного общения – английского, который нередко используется в интернете лицами, для которых этот язык не является родным, для достижения более успешной коммуникации с наибольшим количеством пользователей по всему миру. В данной статье будут рассмотрены прагматические цели и конкретные особенности употребления английского языка русскоязычными пользователями Twitter на базе анализа 1000 постов (твитов) для фиксации и последующего анализа общих закономерностей. Под русскоязычными пользователями мы понимаем носителей русского языка, для которых этот язык является родным. Их посты были опубликованы с 20 по 25 сентября 2019 года, имена пользователей не указываются в целях сохранения анонимности. Поиск производился по запросу «английский язык» и «локация – рядом с вами» (Санкт-Петербург), вручную удалялись все рекламные посты и твиты туристов с иным родным языком.

Для анализа предлагается взять именно Twitter, так как эта сеть имеет определённые преимущества для изучения «живого» языка неформального общения. Во-первых, стоит отметить, что личные переписки (средоточие неформального языка) обычно находятся в закрытом доступе, а поиск неформальных постов в блогах или на форумах для создания полноценного корпуса затруднён. Если же прибегать к опросу информантов, то полученные данные могут быть необъективны, так как информанты под давлением ситуации эксперимента могут

предоставлять искажённую информацию. Twitter же предлагает огромный массив цифровых данных реального общения и самовыражения пользователей, удобный для исследования: язык постоянно развивается здесь и сейчас, и неправильно было бы закрывать глаза на определённые сферы его развития. Во-вторых, специфика Twitter состоит в краткости сообщений (каждый твит может содержать не более 140 символов), что открывает простор для реализации принципа креативности языкового мышления, так как пользователям необходимо суметь выразить свою интенцию в рамках предложенного короткого формата. В-третьих, как отмечает Гр. Маккалок, Твиттер как социальная сеть существует для интеракции с незнакомцами (в отличие от, например, Фэйсбука, где пользователи преимущественно общаются со знакомыми им лично людьми), что ведёт к появлению большого количества лингвистических новшеств [5, с. 37].

Выбор английского языка в речи русскоязычных пользователей обусловлен, главным образом, историческим аспектом. Если американские пользователи уже с 1980 года имели доступ к сети Usenet с компьютеров в научных лабораториях и университетах, а в 1993 этот доступ могли получить уже все желающие [5, с. 207], то в России процесс становления интернета был не таким стремительным. Согласно опросу 2000 года, лишь 3% взрослого населения России когда-либо пользовались интернетом, хотя большинство всё-таки что-то о нём слышали [6, с. 9]. Нетрудно предположить, что в области интернет-коммуникации в своё время английский язык имел преимущество, ведь именно на нём долгое время велись онлайн-дискуссии в чатах и на форумах. Поначалу русскоговорящие пользователи общались обособленно, однако, благодаря распространённости английского языка в интернете и желанию пользователей быть понятыми по всему миру, некоторые из них стали периодически или на постоянной основе общаться на английском. Основная задача работы - проследить, в какой степени лингвистические новшества онлайн-общения на английском языке дошли до русскоязычных пользователей и какое влияние оказали на них английские высказывания, насколько широко распространилась межъязыковая интерференция.

Все твиты сначала были разделены по интенции сообщения на 7 групп (табл. 1). Эти группы, несомненно, условны, и статистика репрезентативна только для отобранных 1000 твитов, однако этот материал, очевидно, можно экстраполировать и на другие англоязычные тексты русскоязычных пользователей. Далее приводится описание групп, указанных на диаграмме (рис. 1). Согласно полученным данным, большинство (66%) аккаунтов ведутся преимущественно на английском языке.

Таблица 1. Условные группы твитов по содержанию

Аккаунт ведётся на английском языке (в рамках эксперимента сюда причислялись аккаунты, в которых более 80% твитов написаны на английском языке)	**Аккаунт ведётся на русском языке,** малая часть (менее 20%) твитов содержит английский язык
1) продвижение своего творчества, поиск аудитории (художники, фотографы, модели и тд.), минимальная интеракция с фанатами; 2) освещение новостей об одной медийной личности в рамках фан-аккаунта (весь аккаунт посвящён обсуждению музыканта/актёра, выражению своих эмоций по поводу его деятельности), информационно-эмоциональный характер твитов, аккаунт ведётся группой фанатов; 3) ведение аккаунта о своей повседневной жизни без какого-либо уклона, обилие эмоций и образного языка;	4) обращение к знаменитостям, участие в дискуссиях с целью выразить своё мнение или протест (в основном, на политические и мировые темы); 5) использование хештегов, популярных в данный момент по всему миру, с целью вписаться в актуальные темы и заявить свою позицию; 6) использование цитат из англоязычной литературы, текстов песен (для подписи к фото или без фото) для применения отсылок и демонстрации своей оригинальности; 7) другое.

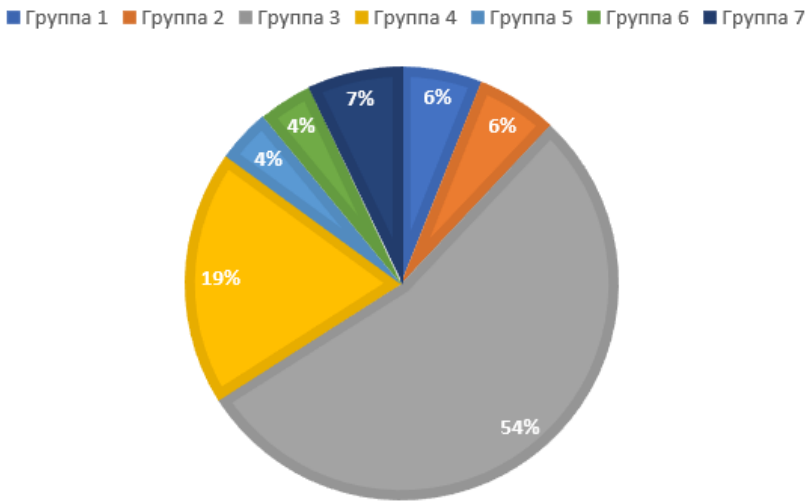

Рисунок 1. Процентное соотношение твитов по группам

В ходе анализа были выявлены характерные черты, в той или иной степени свойственные условным группам пользователей. Они проявляются в постах русскоязычных пользователей благодаря положительной или отрицательной интерференции со стороны англоязычного интернет-дискурса. Мы рассмотрим некоторые устойчивые паттерны, распределив их по тематическим группам (табл. 2).

Таблица 2. Группы устойчивых паттернов, используемых в твитах

Синтаксические средства	Графические средства	Семантические средства
Отсутствие точки в конце последнего повествовательного предложения	Использование только заглавных или только строчных букв	Экспрессивные сочетания по типу «asdfghjkl»
Фрагментарное написание высказываний	Смайлики, в том числе «русские» смайлики	Частые отсылки к прецедентным текстам и мемам
Заключение всего высказывания в скобки	Использование диакритических знаков и форматирования для оформления	
	Использование характерных для англоязычного интернет-дискурса сокращений	

Среди твитов было выделено 809 твитов, в которых последнее предложение является повествовательным. Согласно собранным данным, в 82% этих твитов **отсутствует точка в конце** (рис. 2). При этом другие знаки препинания между предложениями или внутри них могут присутствовать.

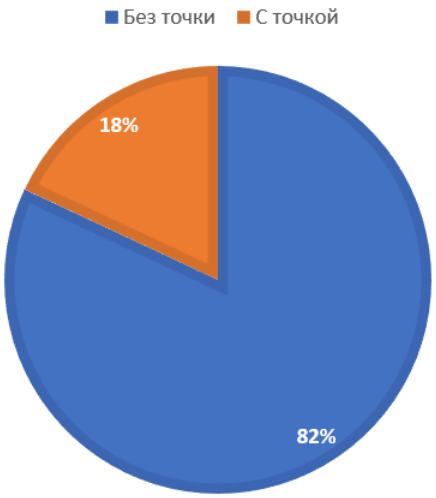

Рисунок 2. Процентное соотношение твитов с последним повествовательным предложением по критерию наличия точки в конце

Несколько примеров из наших материалов: *«If Benedict Cumberbatch mixes anything, I will drink it and it will be healthy», «Damn I cant exercise my prayer muscles* 😒» (в этом высказывании смайл может выступать как репрезентант точки, сигнал завершения повествовательного предложения).

Данную черту можно объяснить как с позиций современных изменений в обществе, так и с точки зрения лингвистики. С одной стороны, точка может отсутствовать из соображений экономии времени. Если говорить о клавиатуре на мобильных телефонах, то для некоторых операционных систем точка находится в дополнительном меню, поэтому её постановка требует больших усилий. Кроме того, согласно исследованию, проведённому в университете Бингемтон, пунктуация также может иметь некое прагматическое воздействие на реципиента в контексте интернет-дискурса. В частности, результаты эксперимента показали, что сообщения с точкой в конце казались респондентам менее искренними и в некоторой степени даже пассивно-агрессивными [7]. С другой стороны, новостную ленту каждого аккаунта в Twitter можно рассматривать как высказывание, не имеющее конца, как бесконечный Я-нарратив: нередко высказывание расслаивается и передаётся в серии постов, или же одна мысль проходит лейтмотивом через все посты пользователя. Несмотря на то, что, согласно правилам пунктуации, точку в конце предложения ставить необходимо, наблюдается постепенное отклонение от этой нормы в личных переписках и в Twitter. Судя по статистике, русскоязычные пользователи всех групп успешно освоили данное явление.

В интернет-дискурсе некоторые пользователи отказываются от точки не только в конце последнего повествовательного предложения в твите, но и от точек между предложениями. Также наблюдается тенденция **разделения высказываний на фрагменты**. Если рассмотреть один из примеров (рис. 3), становится ясно, что для автора написание с новой строки означает начало нового предложения.

my best playlist ever

my guilty (but not really) pleasure 💖

do you have any recommendations?

Рисунок 3. Пример разделения высказываний на фрагменты

Как отмечает Гр. Маккалок, для интернет-коммуникации наиболее типичный способ оформления начала нового высказывания – его написание с новой строки или в новом сообщении [5, с. 97]. Это обусловлено форматом отправки сообщений в чатах и современным восприятием информации – клиповым мышлением, изменившим

развитие текстовой культуры [3, с. 6]. Фрагментарно представленная информация воспринимается намного удобнее (многие онлайн-издания уже перешли на абзацы меньшего размера и порционное представление информации, разделяя абзацы графическими средствами или фотографиями, например, интернет-издание Meduza), а в интернет-коммуникации считается правилом хорошего тона не заставлять собеседника ждать, но высылать текст фрагментами, чтобы приблизиться к ситуации «живого» общения. Кроме того, большинство чатов оформлены таким образом, что перенос строки и отправка сообщения осуществляется одной и той же клавишей (комбинациями клавиш), поэтому срабатывает мышечная память и желание не предпринимать дополнительных действий. Что касается этой международной тенденции, то русскоязычные пользователи всех семи групп демонстрируют высокий уровень ассимиляции.

В публицистическом стиле **заглавные буквы** используются для придания сообщению эмфазы (например, запрещающие объявления или реклама). В этом смысле твиты – не исключение: заглавные буквы выступают в качестве субститута тона, громкости и скорости речи. Они несут в себе сильную эмоциональную коннотацию и неосознанно читаются громче, тогда как их проявления в графическом дизайне, например, вкладка «HOME» на вебсайтах, голосом не выделяются [5, с. 104]. Это связано со степенью формальности сообщения: неформальному сообщению, в отличие от формального, свойственно эмфатическое ударение. Твиты относятся, несомненно, к неформальному стилю речи. Были обнаружены примеры, в которых всё высказывание написано заглавными буквами – 4% всех твитов (как правило, это происходит для передачи крайне эмоционального состояния продуцента), и те, в которых присутствует как минимум 1 такое слово (так выделяется рема высказывания): *«WHO WILL TAKE RESPONSIBILITY FOR THIS AND MY EXCITED HEART», «I left him because of his SHINY MOUSTACHES»*.

Рисунок 4. Процентное соотношение твитов по высоте шрифта

Обратное явление – **использование только строчных букв** – встречается в интернет-дискурсе даже чаще (рис. 4). В нашем корпусе примеров обнаружено немало подобных примеров – 238. Интересно отметить, что на мобильных телефонах новое сообщение или предложение автоматически начинается с заглавной буквы, поэтому, чтобы сделать эту букву строчной, необходимо приложить дополнительные усилия. Как оказалось, согласно опросу, проведённому в 2016 году, только 14 из 500 респондентов никогда не убирали заглавную букву вручную в подобных случаях [5, с. 123]. Это даёт повод предполагать, что строчные буквы являются носителями определённой интенции автора. Впервые написание «маленькими буквами» было зафиксировано как явление в 2012-2013 годах среди пользователей Tumblr и Twitter. С одной стороны, строчные буквы свидетельствуют об относительной неважности высказывания и его повседневности. С другой стороны, подобное шрифтовое оформление может иметь ироническую окраску, отчасти касающуюся и мнимой «неважности» высказывания: в некоторых случаях пользователь иронизирует над собой и своими проблемами или подразумевает обратное написанному. Таким образом, для многих пользователей это сигнал для поиска в высказывании «двойного дна» - ироничного подтекста. Приведём несколько примеров из собранного материала: «*say no more it's as perfect as it can get*», «*those gachas really know how to pull you in huh*». Вариации в высоте шрифта для выражения иронии и эмфазы – явление универсальное, доступное и понятное пользователям, в том числе русскоязычным, вне зависимости от их культурного бэкграунда.

Несмотря на то, что отношение к **смайликам** в современном обществе неоднозначное, необходимо понимать, что иллюстративные элементы практически

всегда присутствовали в письменности (к примеру, буквицы с орнаментами в древнерусских манускриптах). Как только писарей сменил печатный станок, подобные элементы оформления исчезли – остались только иллюстрации в энциклопедиях и детских книгах. И если в художественной литературе создалась своя традиция имплицитного обозначения интенций и эмоций персонажей, что неактуально для научной литературы, то в письменной интернет-коммуникации возникла проблема отсутствия вспомогательных экстралингвистических средств, которые определяли бы общую модальность высказывания, способствуя успешной коммуникации. Первые смайлики появились в 1982 г. в результате непонимания написанного в качестве шутки сообщения для маркирования серьёзности высказывания [5, с. 154]. Интернет-сообщество быстро подхватило идею и создало десятки дериватов исходных 2 смайликов («:-)» и «:-(»), впоследствии смайлики стремительно развивались, и в 2011-2013 годах были включены в клавиатуры на IOS и Android по всему миру в качестве международных иллюстративных символов. Диаграмма на рис. 5 показывает, что иллюстративными смайликами пользуется в основном 3 группа пользователей.

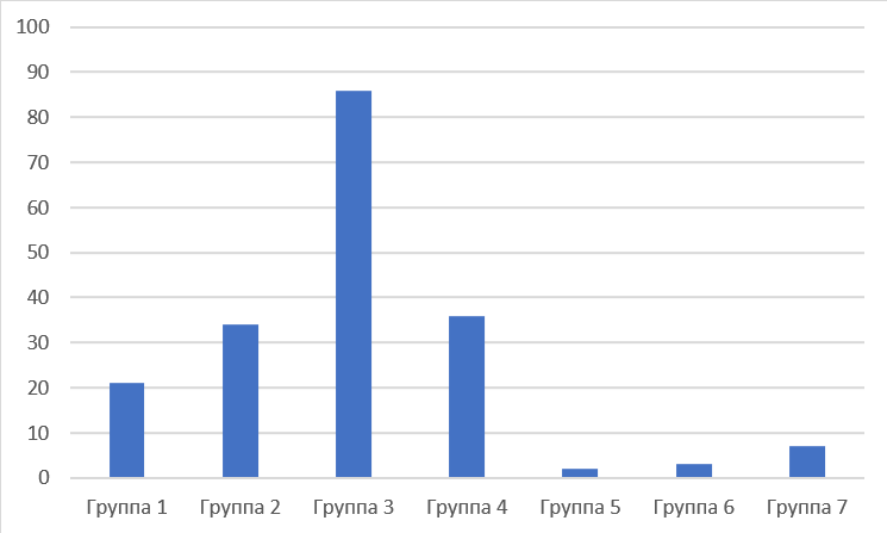

Рисунок 5. Частота использования иллюстративных смайликов по группам

Помимо иллюстративных вариаций смайликов многие пользователи продолжают пользоваться двумя символьными исходными смайликами, хотя и в новых вариациях. Так, американское интернет-сообщество постепенно отказалось от среднего элемента в этих смайликах (они стали использоваться в таком виде: «:)» и «:(»), а русскоязычные пользователи отказались и от двоеточия, преимущественно используя редуцированные знаки скобок в количестве более одного). Например: *«This is amazing! I love word play in English language)))» и «So seriously comnents. I*

think this is just fun)» (оценка грамотности английских фраз не входит в задачи данного исследования).

Общепринятый вариант ассоциируется с образом глаз и рта, но русский вариант, в котором остались только скобки, нередко остаётся непонятым иностранцами [9]. Таким образом, эта негативная интерференция препятствует полноценному пониманию в международном общении. В собранных нами данных было обнаружено 17 использований «русских» смайликов. Большинство из них – в контексте международных обсуждений 4 группы пользователей, что может привести к непониманию.

В Twitter есть единый стандарт: шрифт и форматирование во всех твитах по умолчанию одинаковы. Это не устраивает некоторых пользователей, поэтому они прибегают к помощи специальных конвертеров и добиваются **изменения шрифта**, добавления жирности или курсива, увеличения расстояния между символами в целях эстетического оформления. С помощью подобных средств пользователи проявляют свою индивидуальность, пытаются выделиться, привлечь к себе внимание (рис. 6).

straight s a v a g e

~doyouknow, yoursmilealwayssavemeinhardtimes~

Рисунок 6. Примеры изменения шрифта и использования диакритических знаков

Некоторые пользователи используют для этого диакритические знаки (~, *) или символы (©, ™). Конечно, учитывая широкую распространённость смайликов, в основном именно они служат своеобразными средствами оформления высказываний, выступая в качестве орнаментов и эмблем (изображения цветов и подарков в поздравлении с днём рождения или симметрично размещённые по краям твита звёзды). Но использование особого форматирования и символов требует от пользователей проявления некоторых дополнительных усилий и креативности, чего нельзя сказать об использовании смайликов.

В твитах встретились и общепринятые в англоговорящем интернет-сообществе **аббревиатуры** для базовых слов и выражений: btw (2), idk, u (17), ya, rn (2), lol (4), lmao (9), lmfao (2) и др. Подобно смайликам, их использование способствует более быстрой коммуникации, однако соответствующих смайликов для этих выражений изобретено не было. Гр. Маккалок утверждает, что подобные аббревиатуры используются для тех идей, которые мы освоили до автоматизма [5, с. 53], поэтому писать фразу или слово целиком в неформальном контексте, учитывая ограничение

по количеству символов в Twitter, не имеет смысла. Например, *«rn», «im», «idk»* в одном из твитов: *«on my way home so things are slow rn..... im kicking around a project idea but idk»*.

При этом немаловажно отметить, что объяснить появление в твитах русскоязычных пользователей аббревиатур, характерных для языковой культуры англоговорящих людей можно только попытками последних показать свою полноправную причастность к приоритетному для них интернет-коммьюнити, вписаться в контекст. Эти устоявшиеся в англоязычном сленге выражения замечены также в русскоязычных твитах пользователей как вводные. Данная тенденция смешения кодов обусловлена глобализацией английского языка и его растущей популярностью, особенно среди молодого поколения. В приведённом примере "btw" может выступать в качестве маркера коммьюнити, в котором высоко ценится понимание и свободное использование английского языка: «Btw стрелки чем рисуешь? Это гелевая или фломастер?». В то же время, такие готовые короткие сокращения на английском могут быть универсальными для всех языков.

Помимо аббревиатур, нередко встречаются сокращения не таких общеупотребительных понятий: collab (=collaboration), (jap fan = japanese fan) и др. Вероятно, подобные сокращения являются результатом более глубокого ознакомления пользователей с аутентичным контекстом и, опять же, попытками вписаться в это коммьюнити.

В собранных данных были обнаружены **экспрессивные сочетания по типу «asdfghjkl».** Данное образование представляет собой вторую строчку Qwerty-клавиатуры, однако символы в сочетаниях могут варьироваться и не имеют конкретного значения, но являются носителями эмоциональной коннотации. Отмечается, что даже у них существуют некие общепринятые паттерны: практически всегда они начинаются с «а»; все буквы либо заглавные, либо строчные; чаще всего используются символы со 2 строки клавиатуры, реже всего – с третьей и др [5, с. 5]. Среди твитов мы отметили такие вариации: *Anskdhkdjd, SWLAKWJOWKDLF, dgsjdjdbб, JEKENRKDKR, ajbsjsbsbsjbshs*. По примерам видно, что в русскоязычных вариантах не отражены последовательности, характерные для латинской раскладки клавиатуры. Однако была отмечена иная их особенность – начальное или конечное положение данных сочетаний в твите. Все примеры были обнаружены исключительно в твитах 2 и 3 групп, наиболее знакомых с аутентичным контекстом англоязычного интернет-дискурса и перенявших эту особенность. Прагматическая функция таких сочетаний – передача крайне сильного эмоционального состояния

автора, которое он не в силах описать словами. Стоит отметить, что подобные сочетания символов реализуют принцип языковой экономии.

Одной из более редких особенностей является **заключение всего высказывания в скобки**: *«(If my boss is reading, this is a fake account of Anastasia maliciously set up by that cow from admissions who always takes up the dining room with her loud-af friends and never lets honest peeps eat their lunch in peace. Anastasia's hard at work + has nothing to do with it all.)»*. Очевидно, скобки здесь выполняют функцию оформления метакомментария к группе последних твитов данного пользователя или же ко всей его новостной ленте якобы от третьего незаинтересованного лица. Так автор представляет самоироничное и даже юмористическое высказывание, так как в процессе чтения становится ясно, что автором является сама Anastasia *(«If **my** boss is reading…»),* хотя она и описывает себя в 3 лице. Вероятно, скобки применяются здесь как стилистический приём, так как автор намеренно хочет отделить твит от остального нарратива, создать впечатление, что он обращён исключительно к одному лицу и не является важным. С помощью скобок создаётся юмористический эффект: между читателем и автором формируется некое взаимопонимание, так как Anastasia публикует твит, предполагая, что читатель опознает её в качестве автора.

Ещё одной особенностью можно считать случаи внезапного перехода пользователей на английский язык, хотя их Twitter целиком ведётся на русском. В нашем корпусе твитов это в основном относится к пользователям 6 и 7 групп и часто базируется на устоявшихся в интернет-коммуникации фразах, являющихся **отсылками на прецедентные тексты и мемы**. В качестве прецедентных для интернет-сообществ текстов могут выступать цитаты из кинематографа, музыкальных или художественных произведений. Что касается термина «мем» («meme» как «gene»), в 1976 году его ввёл биолог Р. Докинз для определения культурных единиц, которые распространяются между людьми посредством имитации. По его определению, как гены распространяются с некоторыми изменениями, так и мемы передаются от одного к другому между людьми, выживая только за счёт постепенного эволюционирования [8, с.188-189]. Какие-то из них усваиваются и принимаются обществом, а какие-то забываются. К мемам стали причислять идеи, символы, мелодии, слоганы, вирусные картинки.

Интернет-мемы являются своеобразными культурными концептами, результатом проявления интернет-культуры. Некоторые из них являются понятными строго определённому кругу пользователей, другие же доступны большинству. При неоднократном появлении мем постепенно обрастает ассоциациями в сознании

пользователей, формирует свою основную идею, поэтому при повторном появлении имплицитно привносит прошлые контексты и исходную идею без дополнительных объяснений. Таким образом, мемы помогают понять глубокий контекст, который может быть скрыт в одной фразе или даже в одном слове. Например, в нашей базе твитов 4 раза встретился мем «current mood» (или просто «mood») в разных вариациях – фраза, которая транслирует идею нынешнего психологического настроя, в некоторых случаях - всего стиля жизни человека (в сочетании *«mood for life»*): mood don't touch me ever, eternal mood (в паре с изображением), mood (2, в паре с изображениями). Вероятно, данный концепт принадлежит к международной интернет-культуре, поэтому он легко узнаваем и подлежит расшифровке, ведь именно в таком виде его привыкло воспринимать интернет-сообщество. Кроме того, аналога или же своевременного перевода этого концепта на русский язык не возникло, следовательно, английский вариант окончательно установился.

Другой пример – строчка из прецедентного текста музыкального произведения вошла в статус мема и стала образовывать новые вариации. За сотнями изображений по мотивам меланхоличной мелодии «Hello darkness my old friend» («The Sounds of Silence», Simon and Garfunkel, 1965; за референсом стоит идея принятия одиночества как пожизненного спутника) последовали креативные варианты ключевой фразы, один из них представлен в нашем корпусе примеров: *«Hello depression, my old friend»*.

Итак, представляется возможным сделать вывод об успешности перенятия прагматических и экстралингвистических особенностей русскоязычными пользователями определённых черт исходного англоязычного неформального интернет-дискурса. Большая часть особенностей коммуникации в Twitter успешно перенята и адаптирована, проявляясь в англоязычных высказываниях следующими чертами: высока интенсивность эмоциональной нагрузки, используются одни и те же экстралингвистические средства и одни и те же структуры, свидетельствующие об общечеловеческой смене парадигмы в сторону моментального общения. Однако, как было отмечено выше, некоторые из особенностей были перенесены русскоязычными пользователями под воздействием русскоязычного интернет-дискурса («русские» смайлики) или недостаточно адаптированы (сочетания по типу «asdfghjkl») и могут быть интерпретированы англоязычными пользователями неверно.

Несмотря на то, что у групп пользователей (особенно группы 4 и 5), не ведущих аккаунт на английском языке постоянно, также наблюдалась сильная негативная языковая интерференция на лексико-семантическом уровне, твиты групп 1-3 практически не подвержены межъязыковой интерференции и, соответственно, с

трудом отличимы от твитов англоязычных пользователей. Можно сказать, что, попав в актуальный для них контекст и контактируя с соответствующими англоязычными пользователями, члены групп 1-3 были подвержены положительному языковому воздействию со стороны собеседников, и ассимилировали эти особенности использования языковых средств в контексте как английского, так и русского языка (пример с аббревиатурой).

Таким образом, группы 1-3 нацелены на англоязычное общение и усвоение особенностей англоязычного интернет-дискурса, так как мотивированы определённой целью: для группы 1 это привлечение интернациональной аудитории для дальнейшего получения прибыли, для группы 2 – объединение разноязычных единомышленников, для группы 3 – возможность поделиться своим опытом с наибольшим количеством людей, завести новые знакомства и, вероятно, развивать свои навыки владения английским языком. В свою очередь, группам 4-7, лишь малая часть твитов которых содержит англоязычные высказывания, свойственно ситуативное использование английского языка в своих аккаунтах. Так как последние не преследуют некую общую цель, для достижения которой необходимо использование английского языка, у членов этих групп можно предположить отсутствие достаточной мотивации для аутентичного применения особенностей англоязычного интернет-дискурса и знакомства с ними вообще.

В целом, благодаря перечисленным выше явлениям, свойственным для неформального интернет-дискурса, онлайн общение приобретает динамический характер, насыщается способами выражения иронии, различных подтекстов и проявления метаязыка, приближаясь к «устной» письменной речи. Общение онлайн становится всё быстрее, твиты и сообщения становятся всё короче, но их интерпретация от этого не упрощается: интернет-дискурс не перестаёт эволюционировать, обретая новые особенности и расширяя свой прагматический потенциал.

Список литературы

1. Ахренова Н.А. Теоретические основы интернет лингвистики // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2013. № 10 (28). С. 22—26.
2. Морозова О.Н. Особенности Интернет-коммуникации: определение и свойства // Вестн. ЛГУ им. А. С. Пушкина. 2010. Т. 1, № 5. С. 150—158.
3. Мамина Л.И., Московчук Л.С. Текстовая культура в условиях современной информационной цивилизации // Библиосфера. 2015. №4. С. 3-—8.
4. Crystal D. Internet Linguistics: A Student Guide. New York: Routledge, 2011. 182 p.
5. McCulloch Gr. Because Internet: Understanding the New Rules of Language. New York: Riverhead Books, 2019. 336 p.

6. Rose R. Internet Diffusion Not Divide: a Proximity Model of Internet Take Off in Russia // Oxford Internet Institute Research Report. 2006. № 10. 2—22 P.
7. Gunraj D. N., Drumm-Hewitt A. M., Dashow E. M., Upadhyay S. S. N., Klin C. M. Texting insincerely: The role of the period in text messaging // Computers in Human Behavior. 2016. 55(Part B), P. 1067—1075.
8. Shifman L. An anatomy of a YouTube meme // New Media & Society. 2012. № 14 (2). P. 187—203.
9. Why do Russians use ")" as a smiley instead of ":)"? [Electronic resource] // Quora: A place to share knowledge and better understand the world. 2013. URL: https://www.quora.com/Why-do-Russians-use-as-a-smiley-instead-of (date of access: 23.09.2019)

УДК 81’ 373

Структурно-семантический анализ фразеологических единиц с компонентом «деньги» в русском и английском языках в когнитивном аспекте

Степанова Елизавета Дмитриевна
кандидат филологических наук, учитель английского языка
МОУ СОШ № 64, РФ, г. Волгоград
elizavetastepanova85@mail.ru

Structural-semantic analysis of phraseological units with the component “money” in Russian and English languages in cognitive aspect

Stepanova Yelizaveta Dmitrievna
PhD in Philology, English teacher, school 64, Russia, Volgograd

Аннотация. Статья посвящена структурно-семантическому анализу фразеологических единиц с компонентом «деньги». Актуальность данного исследования обусловлена тем, что рассматриваемые единицы значимы для понимания особенностей менталитета, моделей поведения, ценностей носителей анализируемых лингвокультур. По структуре выделены одновершинные, двухвершинные и многовершинные фразеологизмы, которые подразделяются на группы и подгруппы, обозначающие уровень материального благополучия человека. В сопоставительном аспекте рассмотрены значения единиц, уделяется внимание их этимологии. Количественный анализ показал, что одновершинные глагольно-адвербиальные фразеологические единицы в наибольшей степени репрезентированы в английском языке. В русском языке в количественном отношении преобладают двухвершинные атрибутивно-именные, а также глагольно-субстантивные фразеологизмы.

Ключевые слова: фразеологическая единица, деньги, семантические особенности, сопоставительное языкознание.

Abstract. The article is devoted to structural-semantic analysis of phraseological units with the component "money". The relevance of this study is determined by the importance of the units analysed in the article to understand the peculiarities of mentality, behaviour patterns and values of native speakers of different linguocultures. According to the structure there are unimodal, bimodal and multimodal phraseological units. These units are divided into groups and subgroups which describe a financial situation of a person. The meanings of the idioms are examined in the comparative aspect. The attention is paid to the etymology of the units. The quantitative analysis shows that unimodal verb-adverbial phraseological units are most represented in English. Bimodal attribute-named as well as verb-substantive phraseological units prevail quantitatively in Russian.

Key words: phraseological unit, money, semantic peculiarities, comparative linguistics.

Язык является связующим звеном между человеком и окружающим его миром, в языке выражено общественное самосознание народа, его менталитет, национальный характер, образ жизни, традиции, обычаи, мораль, система ценностей, мироощущение, видение мира [1]. Когнитивная лингвистика рассматривает язык «как общий когнитивный механизм». [2]. В сферу исследований когнитивной лингвистики входят «ментальные» основы понимания и продуцирования речи с точки зрения того, как структуры языкового знания представляются («репрезентируются») и участвуют в переработке информации. Главным отличительным фактором когнитивной семантики является антропоцентричность, т.е. направленность на человека. Человек рассматривается как «наблюдатель», он сам категоризует и компенсирует, ему приписывается активная роль в выборе языковых средств, выражений для описания той или иной ситуации. Б. Уорф выделил аспекты языка, которые заключались в том, что отдельные звучащие единицы языка классифицируют мир (словарь или лексика языка) и второй аспект – «способы говорения», или правила комбинирования основных значащих единиц (грамматика языка) [3, с. 57].

Фразеология является частью языковой картины мира. Фразеологический состав языка – это зеркало, в котором лингвокультурная общность идентифицирует свое самосознание, роль в воспроизведении менталитета. Своей семантикой фразеологизмы направлены на характеристику человека и его деятельности [4, с. 55].

Существует множество классификаций фразеологических единиц (Амосова 1963, Виноградов 1977, Кунин 1970, Смирницкий 1998 и др.). Одной из наиболее известных и общепринятых является классификация академика В. В. Виноградова. Автор выделяет следующие типы фразеологических оборотов: 1) фразеологические сращения, или идиомы; 2) фразеологические единства; 3) фразеологические сочетания; 4) фразеологические выражения [5] А.И. Смирницкий считает, что следует

проводить разграничение между фразеологическими единицами и собственно идиомами, которые «являются идиоматичными словосочетаниями, основанными на переносе значений, на метафоре, ясно осознающейся говорящими» [6].

В современной фразеологии проводится довольно много исследований по таким направлениям, как семантика ФЕ, их структура, рассматривается лингвокультурологический аспект фразеологии. Быстро развивается сравнительная фразеология. Обратимся к некоторым исследованиям, проведенным на современном этапе. Т.Н. Федуленкова отмечает, что изучение проблемы структурирования и моделирования фразеологических единиц является одной из основных тенденций в исследовании фразеологии германских языков, которая может быть включена в систему современных лингвистических парадигм: структурно-семантической, антропологической, культурологической, лингвострановедческой и коммуникативной. Согласно мнению автора, актуальность изучения фразеологии в аспекте структурного моделирования состоит в необходимости преодоления дискретности лингвистических данных в этой области и их количественной лакунарности. На основе анализа одномерных моделей глагольных фразеологических единиц английского и русского языков с ведущим компонентом give/да(ва)ть автор приходит к заключению, что в основном это двухкомпонентные и трехкомпонентные одномерные структуры, наблюдается структурный параллелизм, что указывает на изоморфный характер изучаемого фрагмента фразеологии в английском и русском языках [7]. Н.Ф. Алефиренко вводит понятие «фраземопорождающий потенциал когнитивно-провербиального кода». Автор считает, что провербиумы являются надежными хранителями этнокультуры. Суть заключается в когнитивно-дискурсивной креативности провербиального кода (фрейма), структуры, которая сохраняется в этнокультурном подсознании в качестве некого когнитивного субстрата провербиальных единиц. Такие единицы являются генеративно-интерпретативными порождениями их когнитивно-провербиального кода. Автор предлагает следующую дифференциацию когнитивно-провербиальных структур: логоэпистем, лингвокультурем, прецедентных структур и концептов. [8]. Д.О. Добровольский, рассматривая вопрос фразообразовательного моделирования, обращает внимание на этимологически-диахроническое моделирование, восстанавливающее реальные процессы фразообразования, и синхронное моделирование, ориентированное на живую внутреннюю форму [8].

В статье мы будем придерживаться структурно-семантической классификации фразеологических единиц (ФЕ) А.И. Смирницкого, которая включает в себя

одновершинные словосочетания, имеющие один семантически полнозначный компонент, двухвершинные и многовершинные, имеющие два и более семантически полнозначных компонента. Анализ проводится в синхронно-диахронном аспекте.

Обратимся к анализу ФЕ английского языка. **Одновершинные** ФЕ представлены *глагольно-адвербиальными единицами*, т.к. английский язык является аналитическим. 1. Рассмотрим фразовые глаголы, которые обозначают увеличение количества денег: *to scoop up* (money) – "to accumulate great wealth, obtain a fortune"; *to rake in* heaps of money – "to make a lot of money very easily, more easily than you think they should" [CD, 11]; *to roll in* money – "if something such as money rolls in, it arrives in large amounts": Business was great, and the money was rolling in [CMD, 12]. 2. Фразовые глаголы, которые выражают значение уменьшения количества денег: *to gobble up* (money) – "to use or waste a lot of it": The firm's expenses gobbled up 44% of revenues [CD, 11]; *to spread out*: ... but he did not want to spread himself out too thin (Dreiser), в данном примере глагол имеет значение «распылять свои средства, разбрасываться»; а также фразовые глаголы *to get down*, *to get away* (money) – «выпускать, выбрасывать» (деньги), в сочетании с существительным money глагол to get away приобретает значение «впустую тратить деньги на азартные игры».

Одновершинные ФЕ с *семантическим центром во втором компоненте и грамматическим центром в первом компоненте*. 1. Словосочетания, которые обозначают наличие большого количества денег: *to be loaded* – "to contain a lot of something": He inherited the family business – he must be loaded!; *to be sitting pretty* – "to be in a good situation, usually because you have a lot of money"; *to be born with* a silver spoon in your mouth – "to have a high social position and be rich from birth" [CMD, 12] . 2. Значение наличия небольшого количества денег или их отсутствия выражены в следующих словосочетаниях: *to be a bit short* of money, *a bit tight* (at money), *a bit hard up* – "not have much money", прилагательные *short, tight, hard* конкретизируют данное значение. Идиома *to be on the breadline* – "the level of income people have when they are extremely poor", происходит от словосочетания bread line, которое обозначало очередь из бедных людей, ожидающих получения хлеба или другой еды в качестве благотворительности. Идиома *to be in the red*: *I am in the red, I owe money to the bank* восходит к тому времени, когда еще не было компьютеров и в бухгалтерии все доходы записывались черными чернилами, а убытки — красными, т.е. тот, кто имел много расходов, кредитов, «был в красном» [FD, 13].

Предложно-именные фразеологические единицы с семантическим центром в именном компоненте и с отсутствием грамматического центра представлены словосочетанием (to pay) *next to nothing* – (платить) «сущие копейки».

К **двухвершинным** и **многовершинным** словосочетаниям мы отнесли следующие типы ФЕ. 1. *Атрибутивно-именные фразеологизмы,* которые разделяются на следующие подгруппы: а) адъективно-субстантивные: *a big slice of pie*, *a nice piece of money* – «хорошая сумма денег», прилагательные *big, nice* конкретизируют данное значение. В данную подгруппу мы включили также компаративную конструкцию, которая имплицирует очень бедное положение человека: *as poor as a church mouse* – "very poor"; б) *субстантивно-субстантивные*: *surplus of money* – «излишек денег», префикс sur- указывает на данное значение, является эквивалентом префикса super – "over, above, in addition"; *in the lap of luxury* – "living in very comfortable conditions because you have a lot of money": Jane grew up in the lap of luxury, в данном примере существительное lap ассоциируется с комфортом.

Глагольно-субстантивные двухвершинные ФЕ обозначают в нашем исследовании большую трату денег или наличие их небольшого количества: *to cost a packet* – "a large amount of money"; *to burn money* – «тратить много денег без необходимости»; *to make ends meet* – "to have just enough money to pay one' s bills and other expenses" [CMD, 12]. Идиома *to tighten belt* – "to spend less money" возникла во времена Великой депрессии в США в 1920-х, когда было мало денег и еды, люди теряли вес, и приходилось буквально затягивать пояса, чтобы одежда не падала. Перейдем к рассмотрению идиом, связанных с частями тела: *to cost an arm and a leg* – "to be extremely expensive", предположительно, этимология данной идиомы такова: многие солдаты возвращались после второй мировой войны, потеряв конечности, и это была очень дорогая цена, утрата. Идиома *to pay through the nose* переводится буквально «платить налог на нос», которая, как полагают, возникла в IX в. в Ирландии, когда завоеватели-норманны ввели подушный налог, и у тех, кто не уплатил, резали ноздри. В следующем примере You'll go *burning your fingers* – investing your money in lime (Galsworthy) словосочетание *burning your fingers* обозначает потерю денег в результате неудачных действий. Идиома *to live from hand to mouth* – «жить впроголодь» возникла в 1500-х, когда в Британии во времена голода люди еду не хранили, а сразу же ее съедали [FD, 13].

Обратимся к фразеологическим единицам русского языка. 1. **Одновершинные ФЕ** с семантическим центром во втором компоненте и грамматическим центром в первом компоненте представлены следующими

единицами: *находиться за чертой бедности* – такое положение человека, когда он не в состоянии удовлетворять необходимым потребностям жизни. Компаративное словосочетание *быть в долгах как в шелках* по одной из версий берет свое начало в Японии, так как происходит сравнение размера долга с количеством шелка и денег, необходимых для пошива кимоно. В *предложно-именные* ФЕ мы включили разговорно экспрессивное словосочетание *в обрез* – «без всякого излишка, только в меру»: *денег в обрез* и разговорное словосочетание *за так* – «бесплатно, даром».

Двухвершинные ФЕ в нашей работе имеют следующую структурно-семантическую классификацию. 1. ***Атрибутивно-именные*** словосочетания разделяются на две подгруппы: а) *адъективно-субстантивные*: *бешенные* деньги, *выброшенные* деньги, *толстый* (*тугой*) кошелек, *ломанный* грош – «меньше меньшего, очень дешевый»; *беден как церковная мышь*; б) *субстантивно-субстантивные*: компаративные словосочетания – *денег как грязи; гол как сокол*, где языковая единица *сокол* обозначает старинное орудие, а именно, чугунную болванку, которая была абсолютно голая, гладкая, закреплённая на цепях; а также единица *без гроша в кармане*. Фразеологизм *за душой ни копейки* возник на Руси, так как считалось, что в углублении между ключицами находится душа, и обычно в этом месте прятали деньги [9]. 2. ***Двухвершинные глагольно-субстантивные*** ФЕ, выражающие значение наличия денег или их приобретения: *грести деньги лопатой*; *как сыр в масле кататься*; *купаться в деньгах*. ФЕ, которые обозначают утрату денег или наличие их небольшого количества: *сорить деньгами*; *сводить концы с концами*; *кот наплакал*: *Вашего-то золота кот наплакал… А вот мое золото будет оглядываться на вас…*(Мамин-Сибиряк) – в данном фразеологизме используется зооним кот, так как существует зоологическая версия, что коты от природы нечасто льют слезы. Другая версия, что выражение произошло от арабского котыъ наилак – «перестать получать достаточно денег». В данную группу включены также следующие фразеологизмы: *затягивать пояса*; фразеологизм *перебиваться с хлеба на воду* (*на квас*) появился на Руси, так как у крестьян основным питанием был хлеб и квас, и это был необходимый минимум, чтобы не умереть с голоду. О значении фразеологизма *положить зубы на полку* В.В. Виноградов писал следующее: «М. И. Михельсон оставит в связь это народное выражение с пряденьем, производством пряжи: «”Зубы (зубья) кладут на полку“, когда прясть нечего, работы нет – голодать приходится» (Михельсон, Русск. мысль и речь, 1, с. 354).». (В данном случае *зубы* – это дощечка с зубами для вычесывания льна и, когда был неурожайный год для льна, то работы не было и зубы клали на полку.) Далее В.В. Виноградов предполагает, что в

литературном языке внутренняя форма данного выражения такова: имеются в виду искусственные зубы, которые кладутся на полку при отсутствии работы: Я еду на кондицию, – подхватил Нежданов, – чтобы зубов не положить на полку» (Тургенев в «Нови») [10]. Фразеологизм *гроша ломаного не стоит* возник на Руси, когда, чтобы получить монету меньшего номинала, ее ломали, но, так как грош – это самая мелкая монета, то ломать ее было бессмысленно.

Проведя структурно-семантический анализ фразеологических единиц, мы пришли к следующим выводам. Выявленное общее количество ФЕ, обозначающих уровень материального благополучия человека, имеет следующее процентное соотношение. Наибольшее количество одновершинных глагольно-адвербиальных ФЕ, а также единиц с семантическим центром во втором компоненте и грамматическим центром в первом компоненте выявлено в английском языке, вероятно, это обусловлено структурой языка – по 26% в указанных подгруппах соответственно. В русском языке – по 10% в данных подгруппах соответственно. Двухвершинные атрибутивно-именные, а также глагольно-субстантивные фразеологизмы наиболее вербализованы в русском языке: 35 % и 45 % от общего количества проанализированных единиц. В английском языке – 15 % и 30 % соответственно. Следует отметить, что в количественном отношении превалируют двухвершинные глагольно-субстантивные ФЕ как в английском, так и в русском языках. Выявлены полностью тождественные идиомы: *to tighten belt* в английском языке и *затягивать пояса* – в русском; *as poor as a church mouse* и *беден как церковная мышь* в английском и русском языках соответственно. Частично тождественные ФЕ: во фразеологизме английского языка *to be on the breadline* и *быть за чертой бедности* русского языка имеется семантическое тождество состояния бедности, однако они отличаются их лексической организацией: в английском языке бедность ассоциируется с наличием хлеба (*bread*), в русском языке используется существительное *бедность*; коннотация заключена в существительных *line* и *черта* соответственно. Существуют полностью нетождественные ФЕ, например, значение наличия небольшого количества денег в английском языке выражено в словосочетаниях: глагол *to be* + прилагательные *short, tight, hard*, в русском языке данное значение может быть выражено идиомой *кот наплакал*. Большая часть глаголов, выражающих значение увеличения либо уменьшения количества денег, относится к глаголам действия и деятельности: глаголам перемещения, движения, созидательной деятельности. Чаще всего используются разговорные глаголы, в которых заключены оценочный и образный компоненты коннотации: *to burn, to*

tighten, грести, перебиваться. Можно заключить, что наличие денег, их увеличение либо уменьшение является релевантным для анализируемых лингвокультур.

Список литературы

1. Тер-Минасова С. Г. Язык и межкультурная коммуникация : учебное пособие / С. Г. Тер-Минасова. – М. : Слово/Slovo, 2000. – 624 с.
2. Демьянков В. З. Фреймовая семантика // Краткий словарь когнитивных терминов / В. З. Демьянков [и др.]; под общей редакцией Е. С. Кубряковой. – М. : Филологический факультет МГУ им. М. В. Ломоносова, 1996. – С.189-191.
3. Коул М. Культура и мышление: Психологический очерк / М. Коул, С. Скрибнер. М. : Прогресс, 1977. – 262 с.
4. Маслова В. А. Лингвокультурология : учебное пособие для студ. высш. учеб. заведений / В. А. Маслова. – 3-е изд., испр. – М. : «Академия», 2007. – 208 с.
5. Виноградов В.В. Об основных типах фразеологических единиц в русском языке// Избранные труды. / В.В. Виноградов.– М. : Наука, 1977. – С. 140-161.
6. Смирницкий А. И. Лексикология английского языка / А. И. Смирницкий. – М. : Изд-во МГУ, 1998. – 260 с.
7. Федуленкова Т. Н. Одномерные модели глагольных фразеологизмов с компонентом give/да(ва)ть в английском и русском языках / Т.Н. Федуленкова, Я.П. Игнатович // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. – 2017. – № 1. – С. 78-87.
8. Современная фразеология: тенденции и инновации : монография / Н.Ф. Алефиренко, В.И. Зимин, А.П. Василенко и др. – Москва и др. : Изд-во «Новый проект», 2016. – 198 с. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://phraseoseminar.slovospb.ru/documents/sovremennaa_frazeologia_tendencii_i_innovacii_2016.pdf (Дата обращения: 10.06.2020).
9. Фразеологический словарь русского языка / под ред. А. И. Молоткова. — Москва : Русский язык, 1986. — 543 с.
10. Виноградов В.В. История слов [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://azbyka.ru/otechnik/Spravochniki/istorija-slov/ (Дата обращения: 02.06.2020).
11. CD – Collins English Dictionary [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.collinsdictionary.com (Дата обращения: 02.06.2020).
12. CMD – Cambridge English Dictionary [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://dictionary.cambridge.org/dictionary/english/ (Дата обращения: 02.06.2020).
13. FD – The Free Dictionary [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://idioms.thefreedictionary.com/on+the+breadline (Дата обращения: 02.06.2020).

Список источников

1. Мамин-Сибиряк, Д. Н. Приваловские миллионы; Золото / Д. Н. Мамин-Сибиряк. – М. : Худож. лит., 1989. – 591 с.
2. Dreiser, Th. The Financier / Th. Dreiser: prod. by Kirk Pearson and David Widger, 2013.
3. Galsworthy, Jo. The Forsyte Saga The Man Of Property / Jo. Galsworthy : Volume I, prod. by D. Widger, 2006. – Режим доступа: http://www.mirrorservice.org/sites/ftp.ibiblio.org/pub/docs/books/gutenberg/2/5/5/2559/2559.txt

СРАВНИТЕЛЬНО-ИСТОРИЧЕСКОЕ, ТИПОЛОГИЧЕСКОЕ И СОПОСТАВИТЕЛЬНОЕ ЯЗЫКОЗНАНИЕ

УДК 81

Ономастико-грамматические свойства ойконимов Южного Каракалпакстана

Халмуратов Икрам Окманович
старший преподаватель Республиканский институт переподготовки и повышения квалификации педагогических кадров имени К. Убайдуллаева, Республика Каракалпакстан, г. Нукус,ikram68@list.ru

Onomastic-grammatical properties of oikonyms in Southern Karakalpakstan

Khalmuratov Ikram Okmanovich
head teacher, The regional centre of retraining and qualification upgrading of public education staff named after K. Ubaydullaev, Republic of Karakalpakistan

Аннотация. В данной статье рассматриваются топонимы, составленные на основе этнических признаков. Этнические наименования, как часть исторических процессов, начали своё формирование с момента появления первых оседлых тюркских племен и народностей. Грамматический анализ топонимов Южного Каракалпакстана привёл к выводу, что названия географических объектов данной местности полностью соответствуют грамматическим законам языка. Каждое наименование отражает своеобразие местности, социальных условий народа, этнического состава и разнообразных исторических процессов. Следовательно, топонимы отражают историческое развитие народа и его языка. Эти исторические сведения о малых народностях имеют огромную важность в изучении истории языка.
Ключевые слова: Узбекистан, ойконим, этнический, топоним, ономастический

Abstract. This article discusses place names based on ethnic characteristics. Ethnic names as part of historical processes began their formation from the moment the first settled Turkic tribes and nationalities appeared. A semantic analysis of the toponyms of South Karakalpakstan led to the conclusion that the names of the geographical objects of the given area fully comply with the grammatical laws of the language. Each name is formed on the basis of the originality of the area, the social conditions of the people, ethnic composition and various historical processes. Therefore, toponyms reflect the development of the history and language of peoples. This historical information about small nationalities is of great importance in the study of the history and language of these nationalities.
Key words: Uzbekistan, oikonym, ethnic, toponim, onomastical

В истории мира названия, в том числе ойконимы, имеют особое значение с культурно-образовательной, этнической и экономической точек зрения. В них вместе воплощены национальный, культурно-просветительский потенциал и взгляды народа (народов), его любовь, уважение к природе и обществу. В то же самое время традиции использования ойконимов, являющихся отражением истории узбекского

языка с национальной, нравственной, этнолингвистической, этнографической, социально-политической точек зрения, являются бесценными лингвистическими, историческими и географическими источниками информации о стиле жизни, нравственном наследии, культурном богатстве и национальных ценностях этносов, семейных групп и племен, живших на территории Республики Узбекистан.

В их число входят названия таких населенных пунктов, как города, поселки, кишлаки (села), кишлачные советы, махалли, аулы, аульские советы, гузары[1., с.39]. Ойконимы несут в себе отпечаток исторического прошлого узбекского народа: от людей, живших в пещерах и шалашах, они прошли путь развития на уровне кишлака, махалли, аула, гузара, поселка и города. Как отмечает Президент Республики Узбекистан: «Бережное хранение, изучение исторического наследия и его передачи будущим поколениям является одним из приоритетных направлений политики нашего государства» [2.с.41]

Проводимые в последние годы реформы послужили причиной поднятия социально-политической позиции узбекского языка, а принятые для усиления статуса узбекского языка как государственного законы и решения стали причиной подъема научно-исследовательских работ в области языкознания на новый уровень. В частности, стало уделяться серьезное внимание науке о названиях, а именно, топонимике, была разработана топонимическая политика независимой страны и она внедряется в жизнь. В настоящее время действуют Комиссии по топонимике на уровне районов, областей и централизованная топонимическая служба, приняты специальные законы, в которых предусмотрены процессы сохранения, изменения названий мест и научного и практического анализа этих вопросов.

Даны интерпретация и комментарии общего характера, и осуществлен научный анализ определенной части названий Западного Каракалпакстана. Однако еще не проведены специальные исследования ойконимов на территории Южного Каракалпакстана (далее - ЮК) в соответствии с современными требованиями, не изучены серьезным образом их топограмматические, лексико-семантические и этимологические свойства. Современная эпоха требует всеохватывающего изучения ойконимов, воплощающих в себе историю, ценности, традиции и обычаи народа. «До настоящего времени материалы узбекской ономастики изучались методом описания. Теперь появляется возможность их изучения теоретическими методами» [10,с.36]. Поэтому чувствуется необходимость научного и практического изучения ойконимов ЮК с точки зрения изучения нравственного наследия, а также культурного, включая, общечеловеческие богатства в качестве ономастической культуры и проведения

исследований с точки зрения научно-практических основ. В этом видится насущность настоящего исследования.

Когда в настоящем исследовании речь идет о мнениях и взглядах об ойконимах на территории ЮК, которая служит одним из важнейших источников в топонимических исследованиях, целесообразно обратить внимание на научные работы А. Мухаммаджонова, Э. Бегматова, З. Дусимова, С. Кораева, К.А. Абдумуротова, Т. Нафасова, Т. Эназарова, Н. Улукова, Н. Охунова о топонимах, в частности, об ойконимах в качестве методических и методологических основ отрасли «Узбекская ономастика».

Таким образом, ойконимы ЮК расположены на территории Амударьинского, Эллик Калинского и Турткульского районов. Хотя они в той или иной степени были изучены в научно-популярных и научных статьях, они не были исследованы с монографической точки зрения. И это означает необходимость в лингвистическом исследовании и в его пределах топонимическом исследовании ойконимов на данной территории.

В нашей работе рассматриваются следующие три вопроса: 1) приводится обзор понятия ойконим, дисциплины “Ономастика” и свойственных ей терминов; 2) осуществлен анализ ономастико-морфологических свойств ойконимов изучаемой территории с помощью научных источников и доказательств; 3) изучены ономастико-синтактические свойства ойконимов исследуемой территории [8,с.15-17] на основе научных источников.

При отсутствии знаний о способах и условиях формирования ойконимов, присвоении им названий, переименовании и историческом развитии, исследование свойств ойконимов не даст ожидаемых результатов. В своих работах Э. М. Мурзаев [4,с.21-22], Т. Нафасов [5,с.87], П. Гуломов [6.с.4] специально изучали термин “индикатор”. В изучаемой территории встречались следующие ойконимические индикаторы: *овул, овул фуқаролар кенгаши, шаҳар, шаҳарча, қишлоқ, даҳа, кўча* и другие.

Существуют два вида названий улиц: 1) улицы внутри населенных мест; 2) улицы в ненаселенных местах. Вместе со свойством дромонимии улицы в населенных пунктах также имеют ойконимические свойства. Нахождение ойконима является недостаточным для нахождения адреса, живущего в ойкомических объектах человека. Адрес уточняется путем названия одной из находящихся в их составе *улиц, массивов, гузаров или махалли*. Наряду с дромонимической функцией у компонентов ойконимов *кўча, кўчавоғ, йўл, йўлак* и сформированных из этих слов более

пятидесяти топонимических индикаторов также существуют ойконимические свойства. В настоящих исследованиях впервые изучалось отражение в определенной степени топонимической единицы *кўча* (улица) ойконимических свойств в ойконимической системе.

Известно, что махалли в составе городов, кишлаков или аулов считаются отдельными ойконимическими территориями. Ранее они нашли отражение в исторических трудах. В качестве примера можно продемонстировать исторический труд Наршахи "История Бухары" [7.с.174]. Академик А. Мухаммаджонов всесторонне изучил названия населенных пунктов Бухарского Эмирата XVIII-XIX веков. В нашей работе, использованные в данной исторической работе ойконимы и описанные в наших исследованиях ойконимы ЮК, были подробно изучены с точки зрения сравнительно-исторического аспекта.

При анализе ойконимов ЮК их ономастико-грамматические и ономастико-синтактические свойства должны интерпретироваться с научной и практической точек зрения. Так как они сформированы из ономатической лексики, в них содержатся значения присвоения названия и ойконимическое значение. Сформированный ими и называемый "морфологическим содержанием" термин был создан из-за естественной потребности в присвоении названия свойства ономастического процесса в ономастико-морфологической плоскости.

Известно, что при ономастико-морфологическом анализе ойконимов обращается особое внимание на топо-основу, топоформант, ономастические индикаторы и их структуру. На основании этого, исходя из закономерностей присвоения названия, относительности, естественности и искусственности процессов названия, масштаба расположения ойконимического содержания, различения лексических значений в слове от топонимического значения в названии местности, приобретения топонимических черт и топонимии, мы посчитали необходимым изучение путем разделения ойконимов ЮК на следующие пять частей по принципу топоморфологического анализа:

1.Ойконимы, состоящие из ойконимический основы. Как правило, эти ойконимы состоят из одной ойконимический основы. Их ойконимический состав состоялся в системе приобретения ономастических свойств в виде ойконимический основы. Такая система приобретения ономастических черт охватывает процессы выбора ойконимической основы (основ) из апеллятивной лексики, их перевода в плоскость ономастической лексики, также выполнения функций названий, свойственных объектам ойконимических ойконимов. Иногда кажется, что в составе

топонима существует топоформант, а в действительности, топоформант (например, когда суффикс *–бек* еще не сформировался как название путем добавления к слову *ўз*, и был добавлен к нему как суффикс и создал слово *ўзбек*. Когда слово превратилось в название, оно сформировалось как топоним, и выполняет функцию топоформантности в словообразовании в ономастической лексике. Из слова **Ўзбекистон** (улица в г. Бустон Элликкалинский района, район, государство; этнотопоним): возник микротопоним ўзбек >*ўзбек*>*ўзбек*+*-истон* >*ўзбекистон* >**Ўзбекистон** (Узбекистан- возник,у лица, Узбекистан- столица). Здес, благодаря этнонимизации и опонимизации в плоскости ономастической лексики к топооснове ўзбек был добавлен ойконимический формант *–истон* и превратил ее в целый ойконим.

Когда название (Ўзбекистон) впервые было превращено в название страны (ЎзР), оно было подвергнуто ойконимическому (слово)образованию. Затем название начало выполнять функцию ойконимического объекта. При первичном присвоении названия был образован ойконим, и впоследствии в качестве сформировавшего названия, был использован как название для присвоения названий другим объектам.

Нўғай (аул в Берунийском районе, этнотопоним) – в процессе топонимизации этноним является названием местности, считается топоосновой, которая образовала этноойконим: *нўғай*>***нўғай***>**Нўғай**. Есть народная интепретация формирования этого экноойконима: *йўқ* > *йўқ*+*ай* > *йўғай* >*нуғай*>**Нўғай**[10.с.87]. Якобы, когда сын, которому надоел свой собственный отец, с намерением оставить его за холмами, предложил ему остановиться и отдохнуть там, а отец говорил ему: “Йўғай”. То есть, он использовал слово “йўғай” в смысле “Ты что, хочешь оставить меня здесь?” Услышав иронические слова отца, сыну стало стыдно и он отнес его обратно домой. Этот случай передавался от поколения к поколению и превратился в поучительную историю. С целью скрытия секрета сына, которому надоел свой собственный отец, в процессе произношения иронического слова *“йўғай”* согласный звук й был изменен согласным н, и слово изменялось в следующем порядке: *йўқ* > *йўқ*+*ай* > *йўғай* >*нуғай* >**Нўғай.** В действительности, среди трюкских племен-этносов существовал этнос нуғай.

Шимом (аул в Берунийском районе, этнотопоним) – являлось апеллятивной лексической единицей, и из-за топонимизации это слово перешло в плоскость ономастической лексики, то есть, вначале было названием этнонима, затем стал использоваться как название местности: *шимом* (имя) >**шимом**>**Шимом.**

Значит, несмотря на редкое проявление, в составе ойконимов ЮК, встречается система приобретения ономастических черт в форме ойконимической основы.

2.* Ойконимы, состоящие из ойконимический основы и ойконимического индикатора.** Под такими ойконимами понимается ойконимы, которые состоят как из топоосновы, как и из топоиндикатора. Их топонимический состав сформировался в системе приобретения ономастических черт в виде ***ойконимической основы и ойконимического (их) индикатора (ов). Эта система также отражает процессы выбора ойконимических основ и **ойконимических** индикаторов из апеллятивной лексики и их перехода в плоскость ономастической лексики, также их функционирования как названия, которые специфичные объектам ойконимов. Примеры: **Арабовул** (аул в Килчинакском аульском совете Эллик Калинского района) является ойконимом, состоящим из топоосновы и топоиндикатора *араб*, который был выбран из ономастической лексики из-за топонимизации: *араб овул*>**Араб овул** > **Арабовул**. В начале этот ойконим сформировался путем выбора двух слов из апеллятивной лексики и их этнонимизации (этноним *араб*>*араб овул*>**Араб овул)** и в результате топонимизации этноним превратился в топоним и стал названием одного из этноойконимов. В нем отражается топонимический процесс, образовавшийся благодаря активному использованию ойконимического индикатора, с помощью присвоения названия - индикатора *овул* (аул, посёлка) в Республике Каракалпакстан.

Ойконим **Қилчиноқ** (аул в Килчинакском аульском совете Эллик Калинского района) превратился в топоним в результате выбора апеллятивов *қил* и *чиноқ* из апеллятивной лексики путем перехода в плоскость ономастической лексики и топонимизации: *қил +чиноқ овул*>***Қил чиноқ***>**Қилчиноқ (овул)**[8.с.15-17]. Из-за редкого использования этого названия в Республике Каракалпакстан наблюдается формирование названия с помощью индикатора овул второго типа, то есть без использования или редкого использования ойконимического индикатора – овул. Также наблюдается активное использование на изучаемой территории ойконимов, которые сформировались из системы приобретения ономастических черт (признаков), в топонимический состав которых входят ойконимическая основа и ойконимический индикатор(ы).

3.* Ойконимы, состоящие из вторичных ойконимических индикаторов, ойконимической основы и ойконимических индикаторов.** Здесь мы хотим остановиться на индикаторах, которые были использованы до топоосновы в составе ойконимов. В действительности, индикаторы используются до топоосновы, поэтому они считаются основными индикаторами или первичными ономастическими индикаторами. Например, *араб + овул*>Араб овул***> **Арабовул**

(Араб-натиц, овул-аул, посёлка) [9.с.66] Но также уместно считать прилагательные, используемые до топоосновы вторичными индикаторами, то есть ойконимическими. Топонимический состав таких ойконимов в виде топооснова+топоформант образовались при приобретении ономастических свойств в виде вторичного ойконимического индикатора, ойконимической основы и ойконимических индикаторов. Например, в ойкониме **Тоза Кулатау** (аул в Отаубинском аульском совете Турткулского района) ойконимида слово ***тоза*** (новый) перешло в плоскость ономастической лексики из апеллятивной лексики и стоит перед ойконимический основой и ойконимическим индикатором, то есть выполняет функцию вторичного топоиндикатора (ойконимического индикатора): *тоза* (новый)> *тоза+кула* (новый, зелионый) +*тау* (гора) > *тоза+кулатау*>***Тоза Кулатау***>**Тоза Кулатау** (овули). Его значение "*Аул, находящийся в центре или основе Кулатау*". **Тоза Мешиклиовули** (аул в Отаубинском аульском совете Турткулского района) – здесь *тоза* – вторичный индикатор; соединением *мешик* (мешок) +*ли* (аффикс) образовалось слово *мешикли*. Это слово является ойконимической основой данного ойконима, невозможно отделить его ойконимический формант –*ли* из топоосновы, он выполняет функцию ойконимической основы как целое слово.

Ойконимический состав вышеприведенных примеров состоит из системы приобретения ономастических свойств в виде вторичного ойконимического индикатора, ойконимической основы и первичных ойконимических индикаторов. На основе прилагательных и превратившихся в причастия тополексем формируются вторичные топоиндикаторы. В составе ойконимов на данной территории наблюдается активное использование вторичных топоиндикаторов наряду с первичным топоиндикатором.

4.Ойконимы, состоящие из ойконимической основы, ойконимических индикаторов и ойконимических формантов. В то время, как топонимический состав ойконимов отличается от предыдущих, у них есть трехкомпонентная система приобретения ономастических свойств в виде **ойконимический основ, ойконимических индикаторов и ойконимических формантов**. В системе приобретения свойств этих оконимов топооснова встречается в двух случаях: 1) топооснова с одним корнем: *Отов* (остров), *боғ* (сад); 2) топооснова с двумя корнями: *Тўртдевол* (Чтирыохдевал), *Чорбоғ* (Чтырисад) [9.с.36]. Пример: в ойкониме **Отов (//Ўтов) овули** (аул в аульском совете граждан Амир Темур) –*отов* –топооснова, *овул* – ойконимический индикатор, а *-и* считается ойконимический формантом. Процесс его формирования происходил

в следующем порядке: *от+ов > отов + овул > отов овул +-и > отов овули*>**Отов овули**.

5. Ойконимы, состоящие из ойконимической основ, первичного ойконимического форманта, индикатоав и вторичных ойконимический формантов. Их ойконимический состав отличается от предыдущих. У них существует система приобретения ономастических черт в виде топооснов, первичных ойконимических формантов, ойконимических индикаторов и вторичных ойконимических формантов. Например, **Яримчиовули** (аул в аульском совете граждан Бўзёп // Бузёп) – ярим (половина) – топооснова, *-чи* первичный топоформант, овул – ойконимический индикатор, а *-и* вторичный ойконимический формант. При использовании слова *Ярим(чи)* в аппелятивной лексике, оно применялось в значениях *камлик, ярим, нисбатан оз* (мало), и оно перешло в плоскость ономастической лексики, выполняло функцию основы ойконима и топонимизировалось. Именно в этом процессе к нему прибавляется ойконимический индикатор: *ярим > ярим+чи > яримчи + овул+и > яримчи овули*>**Яримчи овули**. В названии аульского совета граждан Бўзёп // Бузёп - *ёп* [10.с.87] также явялется ойконимическим индикатором со значениями *ариқ* и *канал*.

Таким образом, в ойконимии настоящей территории встречается система приобретения ономастических характеристик в виде топооснов, первичных ойконимических формантов, ойконимических индикаторов вторичных ойконимических формантов.

Список литературы

1. Подольская Н.В. Словарь русской ономастической терминологии. –М.: Наука, 1978. С.39.
2. Подольская Н.В. Словарь русской ономастической терминологии. –М.: Наука, 1988. С. 41.
3. Мирзиёев Ш.М. Миллий тараққиёт йўлимизни қатъият билан давом эттириб, янги босқичга кўтарамиз. I жилд. – Тошкент: Ўзбекистон, 2017. С. 29
4. Мурзаев Э. М. Очерки топонимики. – М.: Мысль,1974. С.21-22.
5. Нафасов Т. Ўзбекистон топонимларининг изоҳли луғати. –Т.: Ўқитувчи, 1988. С. 287.
6. Муҳаммаджонов А. Жой номлари - тарихий манбадир // Тошкент шаҳри ва вилояти топонимлари муаммолари. Тошкент, 1994. С. 15-17.
7. Ғуломов П. Н. Топонимика ва географик атамашунослик. Тошкент, 2000. С. 4.
8. Наршахий. Бухоро тарихи//Мерос.-Т.: Камалак,1991. С. 82-174.
9. Никонов В. А. Краткий топонимический словарь. Издательство «Мысль» Москва, 1966. 268 с.
10. Qorayev S. Toponimika. Toshkent , 0‘zbekiston faylasaflari milliy jamivati nashrivoti», 2006. С. 31-36.

ПРИКЛАДНАЯ И МАТЕМАТИЧЕСКАЯ ЛИНГВИСТИКА

УДК 81'27

Способы гендерной нейтрализации в американской политической коммуникации

Дьякова Анна Владимировна
магистрант кафедры «Лингвистики и перевода»
Российского Государственного Социального Университета, РФ, Москва
anna_vladimirovna_12@bk.ru

Means of Gender Neutralization in American Political Communication

Diakova Anna Vladimirovna
undergraduate at the department of linguistics and translation
Russian State Social University, RF, Moscow

Аннотация. В статье раскрываются проблемы связи гендерного аспекта с тенденциями политкорректности, активно проявляющими себя в английском языке, а также обращается внимание на причины и истоки гендерной нейтрализации в американском обществе. Целью статьи является выявление способов элиминировать гендерно окрашенные лексемы и словосочетания в английском языке, которые сегодня считаются неполиткорректными в американской действительности, в связи с чем они максимально нейтрализуются в языке, особенно в пределах политических СМИ. Примеры взяты из американских газет «The Washington Post», «USA Today», «New York Post», «The Los Angeles Times», «Daily Cronicle», наиболее популярных в США и во всем мире и отличающихся жесткой цензурой в отношении неполиткорректных наименований женщин в современном языке. Способы гендерной нейтрализации в американской политической коммуникации рассмотрены на разных языковых уровнях: на уровне лексики, морфологии, орфографии, синтаксиса. Актуальность темы исследования обусловлена тем, что гендерной аспект коммуникации является достаточно новым явлением. Следовательно, его нельзя считать до конца исследованным. Более того, в современном английском языке появляются новые, более ужесточенные правила политической коммуникации, направленные на введение политически корректных гендерных наименований, которые позволили бы нейтрализовать изначальный андроцентризм английского языка, развивавшийся на протяжении всей истории своего развития.

Ключевые слова: гендер, политкорректность, гендерная нейтрализация, политическая коммуникация, андроцентризм.

Abstract. The article concentrates on the problems of linking the gender aspect with political correctness trends that are actively manifesting themselves in the English language, and also draws attention to the causes and sources of gender neutralization in American society. The goal of the article is to reveal the means of elimination of gender-coloured lexemes and word-combinations in the English language which are considered politically incorrect in the American reality. Examples have been taken from "The Washington Post", "USA Today, "New York Post", "The Los Angeles Times". These newspapers are the most popular ones in the USA and in the whole world and are peculiar for their hard censorship concerning non-politically correct nominations of women in the modern language. The

means of gender neutralization in the American political communication are examined at different language levels: at the level of lexis, morphology, orthography, and syntax. The importance of the research arises from the fact that gender aspect of communication is quite new phenomenon. Consequently, it has not is not fully researched so far. Moreover, in the modern English language there are new and stricter rules of political communication directed to the use of politically correct gender nominations. Such nominations help to neutralize the initial andropocentrism of the English language which has been developing troughout the history of English.

Keywords: gender, political correctness, gender neutralization, political communication, androcentrism.

В современной лингвистике наблюдается большой интерес к гендерным различиям в языке и культуре. Ученые рассматривают отличия женской речи от мужской, противопоставляют различные параметры речи в том или ином языке с точки зрения семантики, грамматики, морфологии, фонетики, выделяют гендерные стереотипы и их проявления на разных языковых уровнях.

А.В. Кирилина, автор многих работ по теме гендерного аспекта в лингвистике и психологии, определяет гендер как «природную, социокультурную причину межполовых различий» [2, с. 19]. Она утверждает, что гендерные различия влияют на поведение людей. При учете модного в США и ряде других стран феминистского движения гендерный аспект значительно расширяет свою дефиницию. В результате этого гендерная проблема изучается в современной лингвистике сквозь призму лексем, которые в современном политической коммуникации требуют сглаживания и эвфемизации (т.е. нейтрализации) в связи с нарушением гендерного равенства в современном англоязычном обществе.

Особый интерес в современной лингвистике представляют современные принципы гендерной нейтрализации в англоязычной (в частности, в американской) политической коммуникации. Понятие «гендерная нейтрализация» практически не используется в исследованиях по гендерной лингвистике. Можно выделить лишь несколько публикаций последних лет, которые включают данный термин в терминологическую базу [4, с. 185]. Однако дефиниция понятия в данных исследованиях четко не выделена. В настоящем исследовании понимание гендерной нейтрализации исходит из значений лексем «гендер» и «нейтрализация», в результате чего ключевое понятие определяется нами как сглаживание и эвфемизация гендерно окрашенных лексем с целью обеспечения равенства между мужским и женским полом в языковом аспекте.

Повышенный интерес к проблеме гендерной нейтрализации связан с возникновением в США во второй половине XX в. и активным развитием феномена

политкорректности, которое проявляется на каждом языковом уровне. Политкорректность с лингвистических позиций определяется как «стремление найти новые способы языкового выражения взамен тех, которые задевают чувства и достоинства индивидуума, ущемляют его человеческие права привычной языковой бестактностью и/или прямолинейностью в отношении расовой и половой принадлежности, возраста, состояния здоровья, социального статуса, внешнего вида и т.п.» [3, с. 215]. В настоящем исследовании учитывается лишь одна из разновидностей политкорректности, а именно гендерная политкорректность, которая ярко проявляется в политической коммуникации, а именно в политическом дискурсе СМИ, который представляет собой коммуникацию журналистов с народом о политически важных решениях и событиях в стране и мире.

Гендерная нейтрализация в политической коммуникации (а также в других сферах коммуникации) вызвана гендерной асимметрией в языке, или его андроцентризмом, который представляет собой неравномерную представленность лиц разного пола в языке. Известно, что язык фиксирует картину мира с мужской точки зрения. Другими словами, язык всегда не только антропоцентричен, т.е. ориентирован на человека, но и андроцентричен, т.е. ориентирован на мужчину. Мужское в языке выступает главным, а женское – в роли чужого или другого, либо вовсе игнорируется в языке, о чем говорит большинство наименований профессий для мужского пола в современном английском языке [1, с. 505]. Исходя из андроцентризма английского языка, в современном английском языке используются разнообразные способы элиминации «мужских» маркеров, особенно в современных политических СМИ.

В данном исследовании анализируются современные способы гендерной нейтрализации в политической коммуникации при использовании таких методов исследования, как метод случайной выборки, метод компонентного анализа, метод лингвистической интерпретации.

Главным маркером андроцентризма английского языка является «мужская» морфема *man*, которая присутствует в номинациях многих профессий на английском языке: *postman* (почтальон), *sportsman* (спортсмен), *workman* (рабочий). Более того, некоторые ярые представители гендерной нейтрализации языка усматривают маскулинность в таких понятиях как *mankind* (человечество), *forefathers* (предки), что далеко от действительной этимологии лексем. Аналогичная гендерная претензия предъявляется к образованию женских номинаций от мужских посредством суффикса –*ess*. Такие лексемы в современной лингвистике обозначаются понятием

«феминитив», которое, не является четким и однозначным в связи с его недостаточной исследованностью. В современной политической коммуникации происходит замена слов, содержащих данную морфему. В результате выделяются следующие способы гендерной нейтрализации:

- замена морфемы *man* морфемой *person*: *Sackler* ***spokesperson*** *defends oversea transfers* (“The Washington Times”) – замена гендерно окрашенного понятия *spokesman*;

- нейтрализация морфемы *man* видовым понятием (генерализация): *One of the most powerful and longest-serving City* ***Council members*** *in Chicago history appeared in federal court Thursday* (“Daily Chronicle”) - нейтрализация гендерно окрашенного слова *alderman*;

- использование описательных наименований вместо слов с морфемами *–ess* или *–woman*: *These provisions prohibit sexual relationships between* ***members of Congress*** *and their committee staff* (“Daily Chronicle”); *Texas'* ***congressional representatives*** *react to Syria airstrikes* (“Daily Chronicle”) – выделенные словосочетания призваны нейтрализовать гендерно окрашенные лексемы *congressman/congresswoman* (член конгресса);

- опущение гендерно маркированной морфемы: *Pence has 'great respect' for Joint Chiefs* ***Chair*** *Mark Milley* (“USA Today”) – опущение морфемы в слове *chairman*.

В современной политической коммуникации США гендерная нейтрализация проявляется также и на других языковых уровнях. Особый интерес представляет лексема *women* (женщины), в которой также усматривается «маскулиный» суффикс *man*, в результате чего данная лексема претерпевает орфографические и морфологические изменения, получая репрезентацию в виде *womyn* или *wimmin*. Например: *Protesters occupied the president’s office at the Ivy League school a couple of weeks ago and demanded more “****womyn*** *or people of color” faculty, coverage of sex-change operations on the student health plan, and “gender-neutral bathrooms,” among other things* (“New York Post”, 18.04.2014).

В морфологическом аспекте гендерная нейтрализация проявляется также в замене бывших когда-то традиционными обращений. Относительно недавно гендерно нейтральным новым обращением считалось обращение *Ms*, которое позволяло женщинам не указать свое семейное положение. Сегодня же в политических СМИ отмечается использования обращения-неологизма *Mx*, которое позволяет людям не указывать и свой пол. Однако на сегодняшний день в политической коммуникации это обращение лишь обсуждается с социальных и

лингвистических позиций, но не используется в реальном общении. Например: *Transgender teacher removed from classroom after some parents object to gender-neutral prefix '**Mx**.'* ("The Washington Post").

Схожие процессы гендерной нейтрализации в морфологическом аспекте наблюдаются и в британском варианте английского языка. Например, в информационном ресурсе "BBC" также выделяются обращения *M* (от *Mr*), *Ind.* (от *individual*), *Msr* (*Miss+Sir*), *Pr* (от *person*) ("BBC").

В современной политической коммуникации активно обсуждается использование неологизма *ze* – личного местоимения, объединяющего в себя семантику местоимений *he* и *she*, и видоизмененного притяжательного местоимения *hir* (*his+her*): *Nicolazzo uses the gender-neutral pronouns **ze** (pronounced ZEE) and **hir** (pronounced HEER) to identify, which are a combination of pronouns she, he, his and her* ("Daily Chronicle"). Однако в реальной коммуникации это местоимение пока не используется, поскольку носители английского языка, в частности, авторы политических СМИ, не уверены в целесообразности его включения в политический контекст.

Гендерная нейтрализация в американской политической коммуникации происходит также в синтаксическом аспекте, а именно путем замены местоимений мужского пола, обладающих коллективным значением (*his, him*) на более распространенные конструкции типа *his/her, his and her*. По мнению С.Г Тер-Минасовой, проблема использования местоимения мужского рода также решается в гендерно окрашенной политической коммуникации за счет использовании местоимений множественного числа: *their, them* [3, с. 216] Такие примеры нами выделены в современной политической коммуникации: *DHS arrest 336 illegal immigrants in latest push: **'He or she** must be sent home'* ("The Washington Times"); *the Primary Sub-source stated that **he/she** did not view **his/her** contacts as a network of sources* ("The Washington Post"). В синтаксическом аспекте принципы гендерной нейтрализации проявляются также в использовании возвратных местоимений множественного числа (*themself*) при упоминании одного деятеля в политическом контексте: *You receive a call from **someone** identifying **themself** as a representative from your local electric or gas company* ("Daily Chronicle").

Одним из наиболее противоречивых случаев гендерной нейтрализации, который зачастую вызывает смех и иронию, является смена морфемного состава слова *history*. В данной лексеме намеренно выделяется маскулинная морфема *hi* (от *he*), которая в реальности не является аффиксальным образованием [5, с. 37]. В

результате гендерной нейтрализации данное слово заменяется на неологизм *herstory* с акцентом на женскую морфему (*her*). Однако такие примеры в современных СМИ отмечаются не часто, а если встречаются, то только в феминистски направленных контекстах: *Obama's speech: One for the '**herstory**' books* ("The Los Angeles Times", 23.01.2013). Аналогичный пример выделен в рамках настоящего исследования в отношении лексемы *hero*, которая в процессе гендерной нейтрализации заменяет ложный гендерно окрашенный компонент *he* на *she*: *Coretta Scott King, for example, another one of my "**sheroes**." She was really active in the peace movement* ("The Washington Post").

В заключение можно сделать вывод, что гендерная нейтрализация, проявляющаяся на разных языковых уровнях в американской политической коммуникации, необходима в связи с экстралингвистическими факторами развития общества, а именно развитыми феминистскими движениями и постоянным вниманием в проблеме дискриминации людей по признаку пола (а также другим признакам) в языке. Научная новизна проведенного исследования заключается в определении дефиниции понятия «гендерная нейтрализация», пока еще не исследованного в современной лингвистике. Теоретическая значимость исследования состоит в выявлении разноуровневых средств гендерной нейтрализации в политической коммуникации, многие из которых является неологизмами и потому не нашли отражение в лингвистических исследованиях более ранних лет. Практическая значимость исследования заключается в возможности применить его результаты при написании учебных и методических пособий по гендерной лингвистике.

Список литературы

1. Архипова Д. А. Гендерная асимметрия в языке. VI Всероссийская научно-практическая конференция для студентов и учащейся молодежи «Прогрессивные технологии и экономика в машиностроении». Томск, 2015: 505-507.
2. Кирилина А. В. О применении понятия «гендер» в русскоязычном лингвистическом описании. Филологические науки. 2000, № 3: 18-27.
3. Тер-Минасова 2000 – Тер-Минасова С. Г. Язык и межкультурная коммуникация. М.: Слово/SLOVO, 2000.
4. Шеремета Ю. И. Лексические средства гендерной нейтрализации в английском и русском общественно-политическом тексте. Вестник Московского государственного областного университета. 2018, № 3: 184-192.
5. Alhaj A. An Introduction to English Morphology. A Textbook for Advanced University Students of Linguistics. London: Anchor Academic Publishing, 2016.
6. Hughes G. Political Correctness. A history of semantics and culture. Oxford: Wiley-Blackwell, 2010.

РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА

УДК 882

Новелла С.Д.Кржижановского «Сбежавшие пальцы» в аспекте теоретической триады «Текст–контекст–метатекст»

Каминская Елена Михайловна
кандидат филологических наук, кафедра мировой литературы, факультет зарубежной филологии, Национальный университет Узбекистана имени Мирзо Улугбека, Узбекистан
kaminskaya-nuuz@mail.ru

S. D. Krzhizhanovsky's Novella "Runaway fingers" in the aspect of the theoretical triad "Text-context-metatext»

Kaminskaya Elena Mihaylovna
Doctor of philosophy (Ph. D.), Department of world literature, faculty of foreign Philology, National University of Uzbekistan named after Mirzo Ulugbek, Uzbekistan

Аннотация. В настоящем исследовании речь идет о своеобразии поэтики писателя в аспекте проблемы концептуальности творческого процесса. Творческая лаборатория писателя в форме рабочей модели позволяет раскрыть специфику повествования на трех взаимосвязанных и взаимообусловленных уровнях – текст, контекст, метатекст и концепцию писателя в аспекте художественно-теоретического синтеза. Творческая лаборатория представляется как зона творческого эксперимента, динамический модус, открывающий новый альтернативный ракурс в интерпретации текста.

Ключевые слова: поэтика, творческая лаборатория, текст, метатекст, контекст, традиция, индивидуально-авторский стиль, концепция писателя, художественно-теоретический синтез.

Abstract. In this study, we are talking about the originality of the writer's poetics in the aspect of the problem of conceptuality of the creative process. The creative laboratory of the writer in the form of a working model allows you to reveal the specifics of the narrative on three interrelated and mutually dependent levels – text, context, metatext and the concept of the writer in the aspect of artistic and theoretical synthesis. The creative laboratory is represented as a zone of creative experiment, a dynamic mode that opens a new alternative perspective in the interpretation of the text.

Keywords: poetics, creative laboratory, text, metatext, context, tradition, individual author's style, writer's concept, artistic and theoretical synthesis

Проблема герменевтического подхода к тексту является на современном этапе развития литературоведения наиболее востребованной в практическом аспекте. Данный ракурс, восходя к философским изысканиям и абстракциям, тем не менее способен привести к наиболее точным результатам в работе с художественным текстом. Диалогичность, утверждаемая филологической герменевтикой как

методологическая доминанта, определяет и дальнейшие концептуальные решения исследователей.

Рассмотрение текста как диалогически активного феномена позволяет обратиться к понятию творческая лаборатория. Отметим ряд теоретических аспектов, которые целесообразно использовать при разработке проблемы функционирования творческой лаборатории. Речь будет идти о двух понятиях – поэтика писателя и индивидуально-авторский стиль писателя: «…все то, что входит в состав неповторимого стиля в качестве его повторяющихся, воспроизводимых, типологических начал» [6, С. 17]. Такой подход обусловлен, в том числе, современными тенденциями в области изучения поэтики С.Д.Кржижановского, предполагающими выявление ряда закономерностей на уровне творческого процесса в аспекте синтеза художественного и теоретического (идея «авторской преднамеренности»).

Изучение поэтики предлагается сосредоточить, таким образом, на формировании целостного представления о концепции творчества писателя и направить на характеристику общего творческого стержня или творческой стратегии: «обобщая наблюдения над ходом создания отдельных произведений того или иного писателя, мы можем прийти к выводам о характерной для его деятельности в целом определенной стратегии творчества» [5, С. 3]. Таким образом, речь идет об общих принципах, которые свойственны творческой индивидуальности писателя, а также о ключевых механизмах творческого процесса, обеспечивающих его динамику.

Причем наиболее актуальным является представление о концептуальности творческого процесса, о преобразовании идеи художественно-теоретического синтеза в процессе наблюдений за творческой лабораторией писателя. Концепция – комплекс идей, направленных на художественное и теоретическое преобразование писателем творческого процесса. Это позиция писателя, поддерживаемая специфическими чертами его поэтики, которые выявляются с помощью ключевой стратегии творчества.

Рассмотрение вопроса о формировании концепции писателя в аспекте взаимообусловленности тезисов «теория есть творчество» и «творчество есть теория» актуализирует метатекстуальную область. Важную роль при этом играет фактор «динамического модуса», диалогически активной и дискурсивно открытой для творческих преобразований среды. Представление о концепции писателя и концепционности творческого процесса определяется двумя полюсами, знаменующими начало творческого процесса в диалогически активной среде и его

завершающую стадию с последующим переходом в сферу метатекстуальной активности, что выражено в методологической установке – «от концепции – к метаконцепции».

Все это позволяет говорить о плодотворности использования понятия творческая лаборатория в новом теоретическом качестве, соответственно содержащемуся в нем потенциалу. Рассматриваемая как зона творческого эксперимента, творческая лаборатория может быть представлена в виде рабочей модели главным условием функциональности которой является поддержание дискурсивно активной среды на уровне текста, контекста и метатекста. Отсюда приоритет ряда постулатов синергетики, в частности, о способности системы к саморегуляции и самовоспроизведению. Относительно проблемы функциональности творческой лаборатории данные постулаты системно-синергетического подхода оказываются продуктивными именно в аспекте взаимодействия текста и метатекста с выходом на концептуальную идею художественно-теоретического синтеза.

На художественном уровне теоретический элемент может быть рассмотрен как эмерджентное свойство системы, дающее толчок для смыслового перерождения и, наоборот, на уровне теоретическом эмерджентным свойством становится элемент художественного порядка. Так формируется концепция в общетеоретическом аспекте.

Говоря о новых теоретических возможностях творческой лаборатории, следует отметить ее близость к идее альтернативности, что подтверждается и структурными особенностями предлагаемой рабочей модели. Еще в середине XX века Б.С.Мейлах говорил о потенциале данного понятия, который может быть выявлен только при правильно выбранном методологическом ракурсе, а также указывал на возможности появления новых научных полей и стратегий литературоведческого исследования. Для альтернативного литературоведения творческая лаборатория представляет интерес в аспекте разработки общих и частных проблем герменевтики. Сама творческая лаборатория, представленная в форме рабочей модели, является альтернативной формой в освоении поэтики и индивидуально-авторского стиля.

В настоящем исследовании речь будет идти о творческих связях между писателями, статус которых в литературном процессе имеет ряд общих черт. Новелла С.Д.Кржижановского не только генетически восходит к ставшим классикой образам и принципам гоголевского «Носа», но и становится для данного произведения художественно-теоретическим послесловием. Говоря о творческой лаборатории С.Д.Кржижановского, следует отметить совмещение художественной и теоретической

линий, что открывает возможности для выявления альтернативных возможностей в герменевтическом подходе.

Решению подлежат два вопроса. Во-первых, о функциональности метонимического принципа в структуре повествования новеллы с фиксацией момента перехода от художественной задачи к теоретической и обратно через метатекстуальный элемент. Причем, с помощью метатекстуальных сигналов в структуре повествования отмечается момент диалогической активности, перехода системы в состояние дискурсивно-диалогической активности. Дискурс – «сфера свободы» (Ю.Борев), дискурсивная среда – среда творческой активности, стимулирующая процесс смыслопорождения, преобразования мира в Слово. Это момент диалогической активности, свидетельствующий, в том числе, о непрерывности творческого процесса и творческого сознания. Во-вторых, об условиях функционирования традиции на уровне художественно-теоретического синтеза.

Новелла начинается с утверждения метонимической концепции бытия. Мир устроен по законам метонимии. Метонимия – это норма. Отправная точка в повествовании – концерт пианиста Генриха Дорна: «Две тысячи ушных раковин повернулись к пианисту Генриху Дорну, спокойно подвинчивавшему длинными белыми пальцами плетенку стула-вертушки… Фалды фрака свисли с вертушки, а пальцы прыгнули к черному ящику рояля…» [4, С. 137]. Игра на рояле – магия и красота звука, тонкое искусство раскрывается с точки зрения не механизма, а философии звукоизвлечения. «Пальцы прыгнули к черному ящику рояля – и мерным бегом по прямой мощеной костяным клавишем дороге» – то, что для слушателей является удивительным, чарующим моментом вхождения в мир музыкальной композиции, первые звуки врываются в тишину зала, для самих пальцев является началом бесконечного в своей замкнутости путешествия.

Важный пространственный ориентир – «черный ящик», т.е. клавиатура. Путь пальцев – от одного края клавиатуры – до другого. То, что для слушателей услада для ушных раковин, то для пальцев – безысходность и отчаяние: «Сначала они направились, блестя полированными ногтями, от С большой октавы к крайним стеклисто-звенящим костяшками дисканта. Там ждала черная доска – край клавиатурной коробки: пальцам хотелось дальше, – они четко и дробно затопали по двум крайним костяшкам (глаза в зале здесь-там зажмурились: «какая трель»), – и вдруг, круто повернувшись на острых, обутых в тонкую эпидерму кончиках, опрометью, прыгая друг через друга, бросились назад. У середины пути пальцы замедлили бег, раздумчиво выбирая то черные, то белые клавиши для тихого, но

глубоко вдавленного в струны шага. Две тысячи ушей пододвинулись к эстраде». Проникновенность музыкального исполнения обусловлена пронзительностью чувств пальцев, которые мечутся в замкнутом пространстве черного ящика с одним желанием вырваться, что им и удается, буквально взлетев на музыкальной кульминационной волне.

Для поэтики С.Д.Кржижановского пространство является доминантной категорией. Игра пальцев в замкнутом пространстве черной коробки из клавиш и их последующее падение-низвержение вниз с последующим побегом – это традиционное противопоставление вертикали и горизонтали. Черная коробка – сфера искусства, музыки, замкнутая и имеющая привязку к Высшему началу. Метонимический принцип есть самая большая иллюзия существования части без целого. В какой-то момент данная иллюзия «замещает» реальное положение вещей и совершается непоправимая ошибка, основанная на идее бунта. Пальцы играют не сами по себе. Они лишь часть системы, именуемой великий пианист Генрих Дорн. Обратимся к первым строкам новеллы: «…Генриху Дорну… спокойно подвинчивавшему длинными белыми пальцами плетенку стула вертушки… Фалды фрака свисли с вертушки, а пальцы прыгнули к черному ящику рояля…» [4, С. 137]. Пальцы, подкручивающие винт у стула, на котором сидит сам пианист и пальцы, которые «прыгнули» на клавиатуру рояля – это руки одного и того же человека.

Подкручивают, для того, чтобы пианист мог сидеть, чтобы ему было комфортно, удобно и чтобы ничто не мешало его игре. «Фалды свисли» – начало, когда пианист настроился, сел и готов начать игру. Именно в этот момент пальцы устремляются к клавиатуре, забывая о том, что они часть системы. Закономерно, что импульс к рукам идет от самого пианиста: «…знакомая нервная дрожь вошла в пальцы…». Но тем сильнее желание вырваться, выпрыгнуть: «…отчаянно рванувшись, пальцы выдернулись вместе с кистью из-под манжеты пианиста и прыгнули, сверкнув бриллиантом на мизинце, вниз» [4, С. 138]. Принцип «метонимической иллюзии» открывает отдельные моменты искусства, которое строится на иллюзорности, призрачности индивидуально-авторского начала, вдохновенного порыва в процессе творения. Здесь и тонкий сатирический отклик на метонимический элемент в творческом сознании творца, уникальность которого и желание быть «первооткрывателем» противостоят уже существующей традиции.

Поэтому следует отметить и столь искусно вплетенный в структуру повествования гоголевский код, свидетельствующий о том, что нос как творческий ориентир есть и его не может не быть. Но в соответствии с метонимическим

принципом отдается и дань традиции: гоголевский метонимический образ (нос) спрятан в структуре повествования и подобно метонимическому призраку, метатекстуальному сигналу будет обнаружен. Так, первый шаг побега и пальцы в буквально смысле нос к носу сталкиваются с носом: «…Тупой огромный нос чьего-то ботинка загородил было путь». О скрытом присутствии носа говорят и такие созвучия, как «Но сбежавшим пальцам было не до Дорна…», «Холеные пальцы… обычно гулявшие лишь по слоновой кости…». Игра слов, указание на поиск гоголевского метонимического призрака есть и выделенном нами примере – это хрестоматийная пара «нос-сон».

Возвращаясь к поэтике пространства, скажем о том, что резкий скачок пальцев изменил и окружающую действительность: от богемной жизни и высокой эстетики – к социальным низам. Деталь, характеризующая данный переход: мизинец с бриллиантом был придавлен подошвой. «Холеные пальцы знаменитого пианиста Генриха Дорна, обычно гулявшие лишь по слоновой кости концертных роялей, не привыкли к хождению по мокрой и грязной панели». Прогулка превращается в «хождение по мукам» так характерное для униженных и оскорбленных «маленьких» людей: «Теперь, очутившись на липком и холодном асфальте площади, ступая по плевкам и жиже луж, пальцы сразу поняли все безумие и экстравагантность своей выходки» [4, С.139].

Хождение пальцев по тротуару антитетично бегу по клавиатуре: «Моросил дождь. Надо было позаботиться о ночлеге. Пальцы, макая свою белую и тонкую кожу в лужи и канавы, медленно побрели, то спотыкаясь, то скользя, вдоль мостовой…» [4, С. 140]. Музыка дождя – фон, на котором совершается хождение по мукам беглецов. Начало данного музыкального повествования – «мокрая и грязная панель», на которую вступают пальцы. И дальше – непрекращающийся ритм дождя: «моросил дождь», «дождь выстукивал по крышке кружки», «поздно ночью снова полил дождь». Музыка дождя завершается «мокрым весенним снегом».

Прогулки по клавиатуре совершались пальцами в состоянии аффекта, подчиняясь посылу извне. Природа творческого порыва – в соитии двух начал – божественного (небесного, высшего) и человеческого (земного, низшего). Природа метонимического феномена – в намеренном сокрытии стоящего за меньшим – большего, за низшим – высшего. И литературная традиция складывается из процесса написание и процесса наследования, представления о тексте – из творчества и сотворчества. Оказываясь в ситуации мнимой свободы, пальцы вновь попадают в пространственную ловушку. Только теперь это не коробка клавиатуры, а «прямоуглая

железная кружка: «На храм». Вид пальцев также соответствует ситуации социального дна: «Суставы ревматически ныли; в обломанных и потрескавшихся ногтях зуд; мизинец распух и тонкий обруч кольца глубоко врезался в кожу…» [4, С. 140]. Наблюдает за происходящим – Сон. Это метаориентир, дающий отсылку к гоголевской традиции на уровне совмещения фантастического и реального: «В узкую прорезь ящика глянул, щуря свои изумрудные глазки, Сон».

Первая ночь в кружке сменяется настоящим дневным адом: вместо прогулки пальцам приходится спасаться от опасностей, которые подстерегают его на каждом шагу, в чем помогают именно музыкальные навыки к пробежкам: «Только необычайная пианистическая беглость спасала улепетывающие пальцы… они бежали с быстротой Бетховенской Appassionat'ы…» [4, С.141]. Постоянно идущий дождь отбивает ритм уличной жизни. И вновь пристанищем становится замкнутое пространство комнаты бедняков: «На деревянных нарах спали кучей, прижавшись друг к другу, – женщина и двое детей: лица худы, глаза - под сине-серыми сморщенными веками, тела - под прелой рванью…» [4, С. 142]. На контрасте с бедняками показан вновь появляющийся Сон: «Но на углышке белой чистой наволочки, разряженной в желтые блики и искры коптилки, сидел хитро улыбаясь, Сон: он тер изумрудные глазки перепончатыми прозрачно-стеклистыми лапками и рассказывал беднякам сказки. И от слов его пятна на стенах зацвели розовыми зарослями, а белье, повисшее в воздухе, стало плыть по шпагату чередой белоснежных облаков» [4, С. 142].

Сон – граница между реальным положение вещей и миром грез. Совершается переход через данную границу в тот момент, когда пальцы жертвуют бедной семье свое единственное украшение и последнюю память о музыкальном прошлом – кольцо с мизинца. Сон (как гоголевская примета) нарушает реальный ход времени. Замена реального ирреальным позволяет беднякам уйти в мир грез и одновременно с этим пальцы, которые также погружаются в воспоминания о музыкальных опытах и покинутом мире, совершают достойный поступок. В этот момент они названы «малыми оторвышами», что созвучно «малым оборвышам», беднякам, беспризорникам. Смещение реального и фантастического пластов позволяет войти фантастическим элементам в реальный мир и стать его частью.

Возвращение пальцев правой руки пианисту Дорну совершается при совмещении художественного и теоретического аспектов. Последнее, что видят пальцы, погружаясь в небытие – это «метонимический призрак», который надвигается на «замученных оторвышей», напоминая о том первом и главном их

заблуждении, которое и стало причиной нынешнего их положения: «И в тот же миг им стало слышимо: окостенелая земля закачалась несчетными клавишами; грохоча о черное и белое, роняя солнце с фаланг, прямо на оторвышей идут, быстро близясь, беспощадно-гигантские персты». Персты, словно кара небесная готовы растоптать, забывших свое истинное предназначение и свое место пальцы. Персты – длань небесная, напоминание о незыблемом принципе «высшей метонимии», об отражении большого в малом и высшего в низшем. Процесс отражения целого через часть не отменяет главенства «высшего» над «низшим», «целого» над «частью».

Но нельзя отменить идею бунта и права на бунт. «Найдены пять пальцев неизвестно чьей правой руки» – значилось в объявлении. Философия метонимических отношений зависит от контекста и его наличие обязательное условие. Творческий процесс объединяет музыканта и его пальцы. Хозяин пальцев не определяется вне музыкального контекста. Побег изменяет систему отношений: «Пианист играл как-то по-иному: не было прежних ослепительных пассажей, молниевых glissando и подчеркнутости мелизма. Пальцы пианиста будто нехотя шли по мощенному костяным клавишем короткому – в семь октав – пути» [4, С. 144]. Связь между частями творческой системы и главное - осознание этой связи открывает новый тип звучания – не музыка сама по себе, а целое во вселенских масштабах звучащее через часть: «Но зато мгновеньями казалось, будто чьи-то гигантские персты, оторвавшись от иной – из мира в мир – протянутой клавиатуры, роняя солнца с фаланг, идут вдоль куцых пискливых и шатких костяшек рояля: и тогда тысячи ушных раковин придвигались – на обращенных к эстраде шеях» [4, С. 144].

Новелла С.Д.Кржижановского имеет сюжетно-композиционную и концептуальную завершенность: четкость сюжетной линии («побег» – «странствие» – «возвращение»), два плана на уровне художественно-теоретической концепции писателя. С помощью метонимического принципа реализована идея писателя о специфике творческого процесса. Логика творческого процесса обусловлена метонимическим принципом – этот теоретический тезис реализован С.Д. Кржижановским на основе идеи о творческой преемственности. Начало и конец новеллы – две части формулы: [P:p in t1]; [p:P in t2]. При условии прохождения через границу хронотопических изменений и трансформаций достигается метонимическое равновесие «меньшего» с «большим» и «большего» с «меньшим». В частности, концептуально оформляется идея творческого истока. В центральной части новеллы на пересечении реального и ирреального пространства появляется метонимический «призрак» – сон – метасигнал, отсылающий к гоголевской традиции убегающего и

трансформирующегося в социуме носа. Уровень «текст-контекст» в аспекте творческого наследования также есть отражение метонимического принципа. На уровне текста – по принципу метонимических отношений выстраивается пространственная иерархия – аристократизм, высокая эстетика и нищенское существование, прозябание в запущенной комнатке. При обосновании философической составляющей метонимической концепции существенными оказываются оба понятия – и «принцип» и «призрак», так как на уровень художественной концепции и механизма повествования метонимия поднимается именно благодаря идее призрачности, иллюзорности в процессе взаимодействия и взаимовлияния большого и малого, части и целого.

Подводя промежуточные итоги отметим факт наличия нескольких функциональных уровней в рабочей модели творческой лаборатории – текстуальный, контекстуальный, метатекстуальный. Связь теоретического и художественного полей в новелле С.Д.Кржижановского выражается в поиске автором возможностей для обоснования метонимического принципа. Контекстуально новелла связана с гоголевским произведением, становясь для него своеобразным художественно-теоретическим итогом. Зафиксированные в структуре повествования метасигналы, организуют вокруг себя дискурсивную среду – диалогически активное поле обмена творческим опытом, открывая возможность для концептуального оформления творческого эксперимента писателя.

Список литературы

1. Борев Ю. Искусство интерпретации и оценки. Опыт прочтения «Медного всадника». – М., 1981.
2. Гоголь Н. В. Собрание художественных произведений в пяти томах. Том третий. – М., 1960.
3. Зинченко В.Г., Зусман В.Г., Кирнозе З.И. Литература и методы ее изучения. Системно-синергетический подход. – М., 2011.
4. Кржижановский С. Д. Сказки для вундеркиндов. Повести. Рассказы. – М., 1991.
5. Мейлах Б.С. О методологии исследования «творческой лаборатории» классиков //www.pushkinskijdom.ru
6. Тюпа В.И. Художественный дискурс. Введение в теорию литературы. – Тверь, 2002.
7. Хализев В.Е. Теория литературы. – М., 1999.

УДК 81

Тактика комплимента в эпиграммах В. Гафта

Керимова Сабина Усеиновна
Старший преподаватель кафедры русского языка как иностранного
и методики его преподавания, Южный федеральный университет
РФ, г. Ростов-на-Дону
skerimova@sfedu.ru

Complement tactics in V. Gaft's epigrams

Kerimova Sabina Useinovna
Senior lecturer of the Department of Russian as a foreign language
and methods of it's teaching, Southern Federal University, Russia, Rostov-on-Don

Аннотация. В данной статье рассматриваются эпиграммы мелиоративной направленности В. Гафта, а именно, те, в которых находит отражение тактика комплемента. Это позволяет сделать выводы о том, что на современном этапе развития рассматриваемого типа текста его сатирическая направленность перестает быть облигаторной. Мелиоративная направленность эпиграмм позволяет также определить тип языковой личности автора, исходя из характеристик, удостоенных комплемента автора. В эпиграммах В. Гафта комплементами отмечены такие характеристики адресатов как талант и красота.
Ключевые слова: эпиграмма, стратегия, тактика, комплемент, текст.

Abstract. This article discusses epigrams of V. Gaft's reclamation orientation, namely, those that reflect the tactics of complement. This allows us to conclude that at the present stage of development of the text type under consideration, its satirical orientation ceases to be obligatory. The reclamation orientation of epigrams also allows us to determine the type of language personality of the author, based on the characteristics awarded the author's complement. In V. Gaft's epigrams, such characteristics of recipients as talent and beauty are marked by complements.
Keywords: epigram, strategy, tactics, complement, text.

История эпиграмм восходит к античности. Как отмечает Ф. А. Петровский, эпиграммы были известны греческой литературе с древнейших времен. Некоторые из них древние греки приписывали авторству Гомера. Также к одним из самых древних эпиграмм относятся надписи на алтарях, надгробных памятниках и т.п., которые именовались эпитафиями и носили личный характер. Именно личный элемент имеет большое значение в эволюции эпиграмм. Со временем эпиграмма превратилась из надписи в короткое стихотворение, в котором говорилось о каком-либо лице или событии в краткой форме. Тематика эпиграмм того периода была очень разнообразной: в них можно было найти рассуждения о жизни и смерти, о явлениях как частной, так и общественной жизни. Уже с начала римской эпохи слово

«эпиграмма» приобретает то значение, которое ей придают в новое время. Ф. А. Петровский указывает, ссылаясь на Марциала, что эпиграмма стала остроумным и едким стихотворением уже в I веке н. э. [1].

В русской литературе началом развития эпиграммы как жанра можно считать морализующие двустишия Симеона Полоцкого (конец XVII века), которые еще не являлись эпиграммами в полном смысле этого слова, однако послужили толчком для развития нового типа текста. Феофан Прокопович, используя образцы стихотворений Марциала и Скалигера, уловил сатирическую направленность эпиграммы.

В первой половине XIX века эпиграмма получает теоретическое описание. В 1821 году в свет выходит трехтомный «Словарь древней и новой поэзии», составителем которого стал русский поэт, переводчик Николай Федорович Остолопов. В статье об эпиграмме он указывает, что «две части составляют новейшую эпиграмму, принимаемую в нынешнем ее значении: одна заключает в себе предложение предмета или вещи, производящей мысль, другая – самую мысль, или, так сказать, острое слово, что вместе можно назвать, как и в других творениях, узлом и развязкою» [2].

С лингвистической точки зрения эпиграмма представляет интерес как тип текста, обладающий высоким прагматическим потенциалом. Высказывания в виде эпиграмм оказывают большое влияние на адресата. Это подтверждается многочисленными примерами последствий, к которым приводили эпиграммы. Один из лучших друзей А. С. Пушкина В. К. Кюхельбекер вызвал его на дуэль из-за эпиграммы: *За ужином объелся я, // Да Яков запер дверь оплошно – // Так было мне, мои друзья, // И Кюхельберкерно, и тошно*. Выражение *мне кюхельбекерно* стало поговоркой в лицейском кругу друзей, что привело В. К. Кюхельбекера в бешенство, и он потребовал дуэли [3].

Способность эпиграммы создавать устойчивый в сознании образ была также отражена поэтом-пародистом А. Ивановым. Он отметил свойство эпиграмм В. Гафта так: *На Гафта? // Эпиграмму? // Ну уж нет! // Ведь от него же никуда не скроешься. // А Гафт, хоть он актер, а не поэт, // Так припечатает, что не отмоешься…* [4, с. 373]. В последней строфе автор подчеркивает удивительную живучесть образов, созданных эпиграммами, от которых сложно избавиться, что метафорически выражено глаголом *не отмоешься*.

Некоторые современные исследователи отмечают следующую особенность эпиграмм – не все из них можно отнести к сатире. Например, Ю. Г. Перлина предлагает следующую классификацию эпиграмм по семантическому подтипу:

1. Сатирические эпиграммы – наиболее характерный и общепризнанный тип эпиграмм. Лингвистические признаки сатирической эпиграммы выявляются на разных уровнях: лексико-семантическом, синтаксическом, композиционном и глубинно-смысловом. Ярко выраженная сатиричная тональность текста возникает в результате резкого расхождения преимущественно положительной (в общепринятом понимании) эстетической ценности объекта и преувеличенно отрицательной (субъективной) оценки его эпиграмматистом. За счет употребления лексем, которые содержат негативную эмотивную оценку, сатирические эпиграмматические тексты могут восприниматься как более открытые (чем юмористические и медитативные) гротескно-карикатурные тексты.

2. Юмористические эпиграммы – менее распространенный подтип эпиграмм. Юмористические эпиграммы – это «дружеский шарж» на отдельный несущественный недостаток объекта, который в целом воспринимается положительно. Юмористическая тональность создается незначительным расхождением между объективной эстетической ценностью предмета и собственно эстетической оценкой его эпиграмматистом. Выдержанность юмористической тональности ощущается на всех уровнях. Лингвистическими признаками юмористической тональности являются перифразы, контекстуальные антонимы, трансформации фразеологизмов, сравнения. Концепт текста содержит намек на необходимость изменения высокой оценки, которая традиционно (или ошибочно) дается предмету, на удовлетворительную, которую он реально заслуживает. Это достигается за счет проявления в семантической структуре коммуникативно значимой лексемы с окказиональной негативно-оценочной семой.

3. Медитативные эпиграммы – это группа лирических текстов, которая не отвечает традиционным пониманиям читателя об эпиграмме. Медитативные эпиграммы – это серьезные рефлексии морально-философской тематики со сглаженным пуантом. Медитативная тональность организуется на разных уровнях и достигается незначительным диссонансом между традиционно высокой эстетической ценностью объекта и достаточно неожиданной собственно эстетической оценкой его реципиентом. Эпиграмматист не конструирует парадоксальную ситуацию специально, а только детально отмечает неординарную грань предмета и высвечивает ее в необычном ракурсе с целью побудить адресата к критической переоценке определенной стороны явления [5].

Таким образом, исследователь немецких эпиграмм Ю. Г. Перлина отмечает, что пейоративная направленность эпиграмм не является облигаторной. Об этом

упоминают и недавние исследования. Например, С. Ю. Артемова также отмечает, что в современной эпиграмме ирония может отсутствовать вообще, становясь «маленькой одой» по отношению к субъекту [6]. Следовательно, эпиграмма реализовывать положительную оценку.

Отсутствие иронии в ряде эпиграмматических текстов признает также и П. С. Пищулин [7], указывая, что это относится ко всем эпиграмматическим текстам, а не только к современным.

Таким образом, новейший этап развития эпиграмм возвращается к истокам зарождения. До того как эпиграмма приобрела сатирический окрас, она служила образом, посетившим поэта, или была напоминанием о настроении того или иного момента, а также могла быть воспоминанием о любой сфере жизни – о возлюбленной, о природном произведении или произведении искусства [8].

В творчестве В. Гафта объем эпиграмм мелиоративной направленности составляет 38 % от общего количества (36 текстов из 106). Для эпиграмм кооперационного типа характерна стратегия одобрения. Стратегия одобрения реализуется в тактиках похвалы и комплимента. В данной статье подробнее рассмотрим тактику комплемента. В эпиграммах В. Гафта адресатами эпиграмм, реализующих тактику комплемента, являются женщины: *Как обаятельно чудачество, // Когда таланта очень много. // На сцене верит в обстоятельства, // А в жизни верит только в Бога* [4, с. 295]. В этой эпиграмме адресатом является актриса О. Аросева. Стратегия одобрения выражена при помощи тактики комплемента. Главным элементом комплемента становится талант, который дается человеку при рождении. Автор подчеркивает, что благодаря таланту иные качества адресата приобретают особую обаятельность.

И. Чуриковой автора посвящает следующую эпиграмму*: Если к «Чу» прибавить «До», // Чтобы не было так длинно, // Без «Ре», «Ми», «Фа», «Соль», «Ля», «Си», // ЧуДо – Чурикова Инна* [4, с. 337]. Автор подчеркивает лаконичность своего определения, демонстрируя в третьем стихе, что лаконичность очень важный атрибут актрисы. Автор демонстрирует излишество как чужеродный элемент, поскольку третий стих выбивается из общей картины и ритмически, и по рифме.

Необычная красота становится предметом для комплимента Л. Полищук: *Она красива и комична – // Редчайшее из сочетаний. // Прилично или не прилично, // Шарм – основное содержанье. Она, возникшая из сора, из первозданной простоты, // Так иногда из-под забора // Торчат красивые цветы* [4, с. 360].

Две эпиграммы, реализующие тактику похвалы, посвящены мужчинам. Одна из них – это эпиграмма, адресованная Б. Окуджаве: *Ну надо же так умудриться, // Как был продуманно зачат, // Что в день такой сумел родиться // Не кто-нибудь, а ты, Булат. // И тут не просто совпаденье, // Здесь тайный знак судьбы самой, // Победы день и День рожденья, – // «Бери шинель, пошли домой!»* [4, с. 342]. Очевидно, что заслуги самого адресата в том, что он родился именно 9 мая – нет, однако автор, восхищаясь творчеством адресата (на это указывает цитата из песни Б. Окуджавы), усматривает особое значение в дате рождения талантливого человека.

Адресатом-мужчиной также является футболист К. Бесков: *Два «Спартака» – один в Большом, // Другой в Большом футболе, // Но я в театр не пошел, когда «Спартак» на поле. // Тогда мой театр – стадион, // Скажу, быть может, резко: // Хоть Григорович и силен, // Сильнее Костя Бесков* [4, с. 365]. Очевидно, что в данной эпиграмме нет объективной оценки, автор лишь указывает на личные предпочтения и увлеченность футболом, поскольку сравнению подлежат явления разных порядков – театр и спорт, которые не являются взаимозаменяемыми.

Также нами была выявлена одна эпиграмма, в которой одновременно реализованы тактики похвалы и комплимента. Это эпиграмма, адресованная Е. Евтушенко: *Все равно я люблю Евтушенко, // Хоть признаться мне в том нелегко. // Если снять с него жирную пенку, // То парное найдешь молоко. // Там и вкус есть, и сила, и запах, // И всегда его хочется пить. Был он разным на разных этапах, Он красив на трибунах и трапах, // И дай Бог ему быть!* [4, с. 313]. В первой части эпиграммы автор при помощи развернутой метафоры анализирует творчество адресата, сравнивая его стихи с *парным молоком* – этим выражена тактика похвалы. А в финале эпиграммы автор добавляет, что помимо таланта у адресата имеется и внешняя привлекательность – это тактика комплимента.

Таким образом, в эпиграммах В. Гафта реализуется одна стратегия кооперационного типа – это стратегия одобрения, которая выражена в двух тактиках – похвалы и комплимента. Похвала – это одобрение деятельности адресата и его заслуг, комплимент имеет больше отношение к природным данным, чем к приобретенным навыкам.

Список литературы

1. Петровский Ф. А. Эпиграмма [Текст] / Ф. А. Петровский // История греческой литературы. – М.: Изд-во АН СССР. – Т. 3. – 1960. – С. 118–134.
2. Гиллельсон М. И. Русская эпиграмма [Текст] / М. И. Гиллельсон //Русская эпиграмма (XVIII-начало XX века). – 1988. – С. 5-44.
3. Бартенев П. И. О Пушкине: Страницы жизни поэта. Воспоминания современников [Текст] / П. И. Бартенев; сост., авт. вступ. ст., с. 5-34, и примеч. А. М. Гордин. – М.: Сов. Россия, 1992. – 458[2] с.
4. Гафт В. И. Сад забытых воспоминаний [Текст] / В. И. Гафт. – М.: Зебра Е, 2018. – 416 с.
5. Перлина Ю. Г. Композицийно-стилістична структура епіграми як типу тексту (на матеріалі німецьких епіграм 17–20 ст.) [Текст] / Ю. Г. Перлина: автореф. дис… канд. филол. наук. – Одесса, 1996. – 18 с.
6. Артемова С. Ю. Трансформация жанра эпиграммы в XX веке [Текст] / С. Ю. Артемова // Вестник ТвГУ. Серия «Филология». – 2016. – №3. – С. 18–22.
7. Пищулин П. С. К вопросу определения интенциональной направленности эпиграмматических текстов [Текст] / П. С. Пищулин // Электронный научно-образовательный журнал ВГСПУ «Грани познания». – 2015. – №5(39). – С. 55–58.
8. Песков А. Эпиграмма [Текст] / А. Песков // Поэтический словарь / под ред. Е. В. Толкачёвой. – М.: Луч, 2008. – С. 350–355.

ЛИТЕРАТУРА НАРОДОВ СТРАН ЗАРУБЕЖЬЯ

УДК 821.111-3"312".09

Поэтика кинематографа в современной литературе (на материале романа И. Макьюэна «Суббота»)

Давыденко Евгения Николаевна
студентка 1 курса магистерской программы «Романская и германская филология»
Гуманитарно-педагогическая академия (филиал), ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского» в г. Ялте, РФ, г. Ялта
evgeniadavydenko01@gmail.com

Осадчая Татьяна Юрьевна
кандидат педагогических наук, доцент, Гуманитарно-педагогическая академия (филиал), ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского» в г. Ялте, РФ, г. Ялта
osadchayata@mail.ru

Poetics of cinema in contemporary literature (on the novel "Saturday" by I. McEwan)

Davydenko Evgenia Nikolaevna
First-year student of the Master's Degree Program 'Roman and German philology'
Humanities and Education Science (branch) Academy of V. I. Vernadsky
Crimean Federal University in Yalta, The Russian Federation, Yalta

Osadchaya Tatiana Yurevna
Candidate of Pedagogic Sciences, Associate Professor
Humanities and Education Science (branch) Academy of V. I. Vernadsky
Crimean Federal University in Yalta, The Russian Federation, Yalta.

Аннотация. В статье рассматривается поэтика кинематографа в современной литературе на материале романа И. Макьюэна «Суббота». Исследование показывает, что в романе присутствуют такие кинематографические элементы, как саспенс, чередование статичных и динамичных «кадров», общего и крупного «планов», интердискурсивные включения, прием замедленной съемки. Данные элементы используются автором, во-первых, чтобы создать атмосферу тревожного ожидания, во-вторых, чтобы акцентировать внимание читателя на мотивации персонажей, в-третьих, чтобы заставить читателя размышлять над сложными проблемами человеческого бытия.

Ключевые слова: современная литература, нарративные техники, И. Макьюэн, поэтика кинематографа, саспенс.

Abstract. The article discusses the poetics of cinema in contemporary literature based on the material of the novel "Saturday" by I. McEwan. The study shows that in this novel the author used such cinematic techniques as suspense, alternating static and dynamic, wide and close-up 'shots', interdiscursive inclusions, slow-motion 'shooting'. These elements are used firstly, to create an atmosphere of anxious expectation, secondly, to

focus the reader on the motivation of the characters, and thirdly, to make the reader reflect on complex problems of human life.

Keywords: contemporary literature, narrative techniques, I. McEwan, poetics of cinema, suspense.

Иэн Макьюэн – современный английский писатель, обладатель Букеровской премии 1998 года. Писатель широко известен как автор произведений «Дитя во времени» (1987), «Амстердам» (1998), «Искупление» (2001), «Суббота» (2005). В своем творчестве он обращается к национальной реалистической традиции, творчески совмещая ее элементы с постмодернистской поэтикой, что характерно для английской прозы конца XX – начала XXI веков в целом. В своих произведениях автор продолжает соединять классический и постмодернистский романы, нередко дополняя их кинематографическими элементами. Л. Ф. Хабибуллина характеризует идиостиль писателя следующим образом: «… можно говорить о том, что Макьюэн проявляет себя скорее как сторонник нового типа реализма, чем постмодернизма» [1, с. 157].

В отечественном литературоведении очень много работ посвящены разным аспектам творчества Иэна Макьюэна. Это исследования Е.В.Безбородниковой, В.П.Беклемышевой, М.П.Блиновой, Е.С.Веденковой, О.А.Джумайло, А.С.Ивановой, Е.М.Караваевой, Д.К.Карслиевой, А.В.Кочергиной, А.В.Кошиковой, Е.А.Мавликаевой, Б.М.Проскурнина, А.А.Медведева, Т.Л.Селитриной, Е.И.Сименченко, А.А.Федорова, Л.Ф.Хабибуллиной, Ю.А.Шаниной, А.В.Шушниной и многих других. Роман «Суббота» становился предметом исследования таких ученых как Е. В. Безбородникова, Е. Пургина, Е. И. Сименченко, Л. В. Бондаренко, Л. Ф. Хабибуллина и других.

Постмодернистские стратегии повествования в романах И. Макьюэна изучали такие зарубежные исследователи, как J. Han, Z. Wang, D. Wiegand, H. Butler, T. Dancer, B. Finney, F. Foley, S. Green, S. Groes, P. Childs и многие другие. Значимость творчества И. Макьюэна подтверждает тот факт, что ему посвящены ряд фундаментальных литературоведческих исследований: «Ian McEwan. Contemporary Critical Perspectives» [10], «The Fiction of Ian McEwan» [11], D. Malcolm «Understanding Ian McEwan» [12] «Family and Relationships in Ian McEwan's Fiction: Between Fantasy and Desire» [13] и другие.

Изучению приемов кинематографичности в литературном творчестве посвящены работы Ю.М.Лотмана, Т.Н.Марковой, И. А.Мартьяновой, А.В.Кошиковой, Д.В.Шулятьевой и других. Однако до сих пор в отечественной науке не была

предпринята попытка проанализировать кинематографические приемы, которые И. Макьюэн использовал в романе «Суббота», что определяет актуальность данного исследования.

Целью настоящей работы является изучение поэтики кинематографа в современной литературе на материале романа И. Макьюэна «Суббота».

В современном мире невозможно представить литературу вне контекста других видов искусств. Новым этапом в развитии современной литературы является внутритекстовое взаимодействие ее художественного кода с кодами других видов искусств, интермедиальность, одним из проявлений которой является феномен литературной кинематографичности.

У любого произведения искусства есть свой специфический язык. То, что мы видим в кино, – не так просто написать на бумаге или изобразить на холсте. Однако случается так, «… что текст, принадлежащий к какому-то определенному виду искусства, включает в себя чуждые, на первый взгляд, для него элементы языка» [2, с. 8].

В некоторых художественных произведениях язык кино «звучит» достаточно органично. По мнению Т. Н. Марковой, «под воздействием кинематографа формируется проза с динамичным чередованием сцен, объединенных по принципу монтажа, а диалог с читателем становится более мобильным» [3, с. 133]. Как отмечает И. А. Мартьянова, важными признаками литературной кинематографичности являются «… слова лексико-семантической группы кино, киноцитаты, фреймы киновосприятия, образы и аллюзии кинематографа, функционирующие в тексте, названия кинолент, имена режиссеров, актеров, персонажей и т. д.» [4, с. 9].

Исследование использования приемов кинематографичности в литературе охватывает широкий спектр сложных и многообразных связей кино и литературы в современных произведениях. Кинематографические приемы применяются на разных уровнях художественного текста: «повествовательном, композиционном, хронотопическом и других» [3, с. 133]. В исследованиях, посвященных кинематографичности в повествовании, в том числе, в работе Ю. М. Лотмана «Природа киноповествования», встречается термин «кинематографичная проза». Данный термин интерпретируют следующим образом: «это проза, испытавшая влияние кинопоэтики и адаптировавшая ее в литературном пространстве» [2, с. 9].

Введение в текст произведения элементов кинематографического кода может проявляться в следующих стилистических приемах, используемых автором:

- копирование в художественном тексте сюжета фильма;

- воспроизведение особого «кинематографического» способа построения фраз и диалогов;
- особое графическое оформление и специфическое членение текста;
- создание монтажной композиции;
- выбор определенного ракурса изображения событий для каждой сцены-«кадра» текста;
- выделение значимых для восприятия читателем сцен с помощью так называемого «крупного плана»;
- использование подробного описания природных явлений или событий, которое напоминает прием замедленной съемки;
- быстрое чередование сцен-«кадров», статичных и динамичных «кадров», а также чередование крупного и общего «плана»;
- использование «… речевых средств, активизирующих не столько аудиальное воображение читателя, сколько визуальное наряду с аудиальным, что является ядром кинематографичности, свойством аудио-визуально-словесного искусства» [5, с. 13].

Анализируя творчество И. Макьюэна, можно сказать, что его произведения отражают идеи и проблемы, волнующие современное британское общество. Ранние произведения автора вызывали у читателей шок: И. Макьюэн не хотел следовать стереотипам классического английского романа, для которого существовали табуированные темы, он хотел говорить о том, что обычно умалчивалось. Однако позже автор кардинально меняет направление, обращаясь к традициям английского романа.

В произведениях последних двух десятилетий автор поднимает острые социальные и экзистенциальные темы взаимодействия личности и общества, проявляет особый интерес к страдающему «я» человека: «… неспособность к выходу за пределы собственного “я”, неспособность видеть “другого” определяет трагедию непонимания и природу насилия в романах писателя» [6, с. 87].

Роман И. Макьюэна «Суббота» (2005) поднимает общечеловеческие проблемы: смысл жизни, трудный моральный выбор, неспособность понять «другого». Повествование ведется преимущественно от третьего лица, писатель постоянно меняет фокализацию, детально описывает эмоциональное состояние персонажей в сложной ситуации.

Главный герой романа, Генри Перроун, – успешный врач-хирург и интеллектуал. У него двое взрослых детей и жена. По ходу сюжета Генри сталкивается с иррациональным: жизни его семьи угрожает опасность, и он имеет к этому

отношение. Повествование изобилует переплетающимися историями, а также постоянно повторяющимися ретроспективными отступлениями – воспоминаниями главного героя.

Приём саспенса, который характерен для кинематографа, используется И. Макьюэном для создания тревожного ожидания и нарастающего беспокойства. В кинематографе прием саспенса создается, в первую очередь, с помощью «операторской работы»: это динамичное переключение кадров, т.е. переключение внимание читателя с одной сцены на другую. В литературном произведении «приемами создания атмосферы напряжения (саспенс) и неопределенности являются: семантический повтор, акцентирующий семы “смерть”, “опасность”, “страх”; тропеизация; синтаксические конструкции; кинематические речения, соматизмы, а также яркие и специфические детали, усиливающие состояние беспокойства, тревожного ожидания и чувства “подвешенности”» [7, с. 55]. Все эти приемы использует и И. Макьюэн. Писатель также чередует статичные и динамичные «кадры», крупный и общий «планы».

Итак, автор использует элементы кинематографического нарратива – приём саспенса и чередование статичных и динамичных «кадров» – чтобы показать, как меняется рациональный образ мыслей врача-хирурга, когда он сталкивается с иррациональным поведением маниакально настроенного бандита и пытается понять его мотивы: «Before Baxter speaks, Perowne tries to see the room through his eyes, as if that might help predict the degree of trouble ahead» [14, p. 207].

Еще одним из признаков кинематографичности в нарративном повествовании И. Макьюэна можно назвать прием использования интердискурсивных включений. Автор вводит в текст романа названия музыкальных исполнителей: «Radiohead, Bruce Springsteen, Steeve Erl», музыкальные термины: «the lower register, to move on up the fret, a little syncopated stab on the turnaround», спортивные термины: «the sequence of fast volleys, rapid-fire volleys, to mishit», медицинские термины: «a pituitary gland, the optic nerves, the bony base of the pituitary fossa» [14] и т. д. с целью подробного и достоверного изображения реальности: «… включения терминов и названий реалий из разных сфер жизнедеятельности служат особыми изобразительными средствами для создания эффекта реальности происходящего» [8, с. 4]. Детализация коммуникативной ситуации характерна для идиостиля И. Макьюэна в целом. Необходимо отметить, что данный прием широко используется и в языке кинематографа.

У главного героя проходит его обычный день, он много размышляет о жизни,

семья собирается в путешествие, и вдруг он сбивает больного человека и заводит с ним ссору, которая приводит к необратимым последствиям: пострадавший жаждет возмездия. Автор часто «сталкивает лбами» своих персонажей: например, двое бывших любовников журналистки из романа «Амстердам», мать и отчим, планирующие убийство отца рассказчика в романе «В скорлупе». Создание острого конфликта характерно и для построения сюжета в кино.

В нарративе романа «Суббота» присутствует множество философских рассуждений главного героя, которые создают эффект крупного плана, как будто камера показывает лицо героя, и на этом фоне звучат его размышления: «The trick, as always, the key to human success and domination, is to be selective in your mercies. For all the discerning talk, it's the close at hand, the visible that exerts the overpowering force. And what you don't see» [14, p. 127].

Кинематографический прием «крупного плана» совмещается И. Макьюэном с приемом «замедленной съемки», который заключается в следующем: «… невидимая глазу камера объектива не только показывает нам событие с разных ракурсов, но и замедляет активно, даже можно сказать, стремительно разворачивающееся действие, длительность которого в реальности заняло бы считанные секунды, <…> благодаря многочисленным ретардационным описаниям и ретроспективным и перспективным лирическим отступлениям» [9, с. 25].

Вечером Генри ждёт расплаты. Роман держит читателя в напряжении и завершается неожиданной развязкой: преступник не совершает насилия, а заставляет главного героя задуматься о содеянном. Нарративное повествование с элементами саспенса и неожиданная развязка заставляют читателя размышлять над сложными проблемами человеческого бытия.

И. Макьюэн детально описывает природные явления, которые также напоминают прием замедленной съемки: «From the second floor he faces the night, the city in its icy white light, the skeletal trees in the square, and thirty feet below, the black arrowhead railings like a row of spears. There's a degree or two of frost and the air is clear. The street lamp glare hasn't quite obliterated all the stars; above the Regency facade on the other side of the square hang remnants of constellations in the southern sky» [14, p. 4].

В данном отрывке автор не только создает определенную атмосферу, но и позволяет «зрителю» читать между строк: образы природы метафорически сообщают информацию о главном герое: зимний чистый воздух – его уравновешенный характер и спокойствие; белый снег – его здравый ум; частокол ограды – отчуждённость от внешнего мира.

Итак, настоящее исследование позволяет утверждать, что современная литература находится в поиске новых механизмов создания художественного текста и на этом пути обращается к кинематографу, приемы которого позволяют сделать повествование более реалистичным, объемным и многоплановым. Применение кинематографических приемов придаёт художественному тексту особую динамичность, в результате чего и рождается такое явление, как кинематографическая проза.

Поэтика кинематографичности в романе И. Макьюэна «Суббота» обусловлена стремлением автора воздействовать на читателя таким образом, чтобы постепенно усиливать напряжение, одновременно акцентируя его внимание на мотивации главных героев. Мастерство писателя заключается в том, что все элементы нарративного повествования выполняют общую функцию – заставляют читателя размышлять над сложными проблемами человеческого бытия.

Список литературы

1. Хабибуллина Л. Ф. Пространство Лондона в романах Й. Макьюэна «Суббота» и «Закон о детях» // Филологический класс. 2019. № 3 (57). С. 156–160. DOI: 10.26170/FK19-03-22
2. Асеева О. А. Феномен литературной кинематографичности в современном литературном процессе // Вестник УлГТУ. 2010. № 3 (51). С. 8–11.
3. Маркова Т. Н. Кинематографические приемы как проявление формотворчества современной прозы // Вестник Челябинского государственного педагогического университета. 2017. № 1. С. 132–136.
4. Мартьянова И. А. Киновек русского текста: Парадокс литературной кинематографичности. СПб: САГА, 2002. 240 с.
5. Шулятьева Д. В. Творчество Маргерит Дюрас 1950-1080-х годов: динамика интермедийного эксперимента: дис. ... канд. филол. наук. М.: МГУ, 2017. 237 с.
6. Сименченко Е. И., Бондаренко Л. В. Гуманизм в контексте постмодернизма в романах Иэна Макьюэна «Суббота» и Кадзуо Исигуро «Не отпускай меня» // Международный академический вестник. 2018. № 2 (22). С. 84–90.
7. Жогова И. Г., Кузина Е. В., Медведева Л. Г., Надеждина Е. Ю. Языковые средства создания саспенса в произведениях жанра "триллер" и способы их актуализации (на материале романов англоязычных авторов) // Язык и культура. 2018. № 43. С. 46–57.
8. Безбородникова Е. В. Интердискурсивные включения в романе И. Макьюэна «Суббота» [Электронный ресурс] // Огарев-online. – 2016. – № 17. – http://journal.mrsu.ru/arts/interdiskursivnye-vklyucheniya-v-romane-i-makyuena-subbota (дата обращения 18.06.2020).
9. Кошикова А. В. Кинематографический код в романе Иэна Макьюэна «Невыносимая любовь» // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2016. № 7-3 (61). С. 24–28.
10. Ian McEwan. Contemporary Critical Perspectives. Ed. By S. Groes. London: Bloomsbury Academic, 2013. 180 p.
11. The Fiction of Ian McEwan. Ed. by P. Childs. New York: Palgrave Macmillan Education. 2006, 184 p.

12. Malcolm D. Understanding Ian McEwan. Columbia: University of South Carolina Press, 2002. 216 p.
13. Dobrogoszcz T. Family and Relationships in Ian McEwan's Fiction: Between Fantasy and Desire. Lanham: Lexington Books, 2018. 264 p.
14. McEwan I. Saturday. London: Vintage, 2006. 304 p.

Международный научно-практический журнал

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

№ 06 (62), 2020

По вопросам и замечаниям к изданию,
а также предложениям к сотрудничеству обращаться
по электронной почте office@scipress.ru

Подготовлено с авторских оригиналов
Данный сборник распространяется по лицензии
Creative Commons Attribution 4.0 Всемирная (CC BY 4.0)
https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/deed.ru

ISSN 2412-8953

9 772412 895307

Подписано в печать 10.07.2020
Формат 60x84/16. Печать цифровая.
Усл.печ.л. 7,4. Тираж 500 экз.
Научно-издательский центр «Открытое знание»
www.scipress.ru